

Молодежные обмены между странами участницами Шанхайской организации сотрудничества

Министерство
образования
и науки Российской
Федерации

Федеральное
государственное
бюджетное
образовательное
учреждение высшего
профессионального
образования
«Алтайский
Государственный
Университет»

Научно-методический
центр по работе
с молодежью

2015

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПО РАБОТЕ С МОЛОДЕЖЬЮ

Молодежные обмены
между странами участницами
Шанхайской организации сотрудничества

2015

УДК 658.1
ББК 65.203
М208

Рецензенты:

проректор по развитию международной деятельности ФГБОУ ВПО
«Алтайский государственный университет»
Р.И. Райкин

доктор социол. наук, профессор А.М. Сергиенко
доктор философ. наук Е.А. Попов

Авторский коллектив:

Максимова С.Г., д.соц.н.
Гончарова Н.П., к.соц.н.

Ноянзина О.Е., к.соц.н.
Омельченко Д.А., к.соц.н.

М208 Молодежные обмены между странами-участницами Шанхайской Организации Сотрудничества [Текст] : монография / под общ. ред. С.Г. Максимовой. – Барнаул: Изд-во ООО «Типография Триада», 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-9907831-0-2

В монографии на основе социологических исследований представлен анализ эффективных теоретико-методологических подходов к изучению перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах с позиций основных задач и направлений развития Шанхайской организации сотрудничества. В публикации описана структура и содержание механизма формирования молодежных обменов между странами-участницами ШОС, представлены результаты исследования факторов развития молодежных обменов между странами-участницами Шанхайской организации сотрудничества в период председательства России в 2014-2015 годах; создана научно-обоснованная система мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах.

Методические и содержательные результаты социологических исследований представляют интерес для ученых и практиков, занимающихся проблемами международного сотрудничества, молодежными обменами, международной и академической мобильностью. Материалы также адресованы специалистам органов управления, работникам образования и миграционных служб, учреждений социальной сферы, и других организаций, включенных в реализацию международного молодежного сотрудничества, а также социологам, психологам, студентам и аспирантам факультетов социогуманитарного профиля вузов России.

Публикация подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» Код проекта № 3324: «Исследование перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах»

ISBN 978-5-9907831-0-2

© Алтайский государственный университет, 2015
© АКОО «Позитивное развитие», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

4	<i>ВВЕДЕНИЕ</i>
6	<i>ГЛАВА 1.</i> Теоретико-методологические основы исследования перспектив развития молодежных обменов в странах-участницах Шанхайской организации со- трудничества
55	<i>ГЛАВА 2.</i> Механизм формирования молодежных обменов между странами- участницами ШОС: теоретическая модель, содержание и структура
75	<i>ГЛАВА 3.</i> Молодежные обмены между странами-участницами ШОС в период пред- седательства России в 2014-2015 годах: показатели, факторы и условия развития
75	3.1. Социально-демографические характеристики участников молодежных обменов стран-участниц ШОС
82	3.2. Особенности международных программ молодежного сотрудничества
94	3.3. Специфика программ молодежных обменов стран-участниц ШОС
118	3.4. Оценка удовлетворенности от участия в программах молодежного обмена: роль организационных и личных факторов
137	3.5. Перспективы участия в программах молодежных обменов
158	<i>ГЛАВА 4.</i> Система мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами Шанхайской организации сотрудничества
185	<i>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</i>
187	<i>БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК</i>

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшей тенденцией последних десятилетий являются мощные интеграционные процессы, захватывающие все сферы общественной жизни. Высшее образование и наука становятся глобальным фактором общественного развития, выдвигаются в число наиболее важных национальных и общемировых приоритетов, выступают в качестве важнейших компонентов культурного, социального и экономически устойчивого развития людей, сообществ, наций. С развитием процессов глобализации и интернационализации экономики и бизнеса перед высшим образованием встали новые цели - подготовка профессиональных кадров, способных эффективно работать в изменившихся условиях глобального рынка. Интернационализация образования преследует различные цели, среди которых: диверсификация и рост финансовых поступлений через привлечение иностранных студентов на платное обучение; расширение учебных планов и обучение своих студентов в зарубежных вузах-партнерах; расширение региональной сети вуза для эффективного использования своих ресурсов; повышения качества образования и исследований за счет участия студентов и преподавателей в международном процессе обмена знаниями и др. Развитие международного сотрудничества позволяет организовывать совместные исследовательские проекты, обменные программы для студентов и преподавателей, специальные программы для иностранных студентов.

Актуальность исследования перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС определяется ролью Шанхайской организации сотрудничества в укреплении взаимного доверия и добрососедских отношений между странами-участницами ШОС; развитии интеграционных процессов в области образования, науки и технологий; придании нового импульса к расширению многостороннего образовательного, научного и культурного сотрудничества; расширении возможностей для молодежи получать качественное современное образование, а для педагогов и ученых – развивать научные контакты; содействии эффективному сотрудничеству стран – участниц Организации в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях.

Сегодня развитие любого общества определяется тем, как оно относится к своей молодежи, позволяет ли молодому поколению реализовать его профессиональный, творческий потенциал. Молодежь является наиболее гибкой, чувствительной к инновациям частью общества, она активно откликается на происходящие события, предлагает свои пути решения волнующих социум проблем. Она не так опытна, как старшее поколение, но это является не только недостатком, но и преимуществом. Молодежь свободна от стереотипов, она выступает генератором идей, именно ей принадлежат все открытия, все инновации, которые воплощаются в жизнь в современном мире, она определяет конкурентоспособность страны на мировом рынке.

В связи с этим фактор будущего в международной молодежной среде и эффективное его использование требуют нового осмысления перспектив многосторонней роли влияния современного поколения на развитие интеграционных процессов в современном мире.

В монографии представлены результаты социологического исследования, направленного на анализ и оценку перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах. Исследование проведено в образовательных учреждениях России, Китая, Казахстана, Таджикистана, Киргизии, Узбекистана в 2015 г. (в исследование включена молодежь в возрасте 18-29 лет – участники молодежных обменов).

В результате осуществленного исследования получены объективные данные о факторах развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах, что может быть использовано с целью корректирования планов, выбора методов и форм работы по развитию молодежных обменов, выработки эффективных управленческих решений, прогноза потенциала развития молодежной организации стран ШОС.

Развитие молодежных обменов напрямую связаны с повышением уровня компетенции научных и общественных объединений в области всестороннего гуманитарного сотрудничества стран ШОС, и с задачами молодежной мобильности, а именно содействии объективному восприятию происходящих в современном обществе социально-экономических, общественно-политических, научных и культурных преобразований.

Научная и практическая значимость работы связана с достоверной оценкой перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах. Получены оригинальные научные данные об особенностях молодежных обменов между образовательными организациями стран-участниц ШОС, разработаны методологические и методические основы изучения механизма формирования молодежных обменов между странами-участницами ШОС; описаны структура и содержание механизма формирования молодежных обменов между странами-участницами ШОС. Разработана научно-обоснованная система мониторинга различных показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах.

Это делает возможным осуществление сравнительного анализа результатов отдельных исследований молодежных обменов в странах-участницах ШОС в долгосрочной перспективе. В конечном итоге результаты исследования создали базу для внедрения обоснованной системы мер по консолидации университетов и институтов Азии для развития интеграционных процессов высшего образования, расширения международной академической мобильности и культурных связей.

Материалы подготовлены при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках государственного задания в сфере научной деятельности ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» Код проекта: 3324 «Исследование перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах».

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ОБМЕНОВ В СТРАНАХ-УЧАСТНИЦАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Распад биполярного мира и неудавшаяся попытка установления моноцентрической геополитической системы, глобализация и многочисленные угрозы безопасного существования человечества повлекли за собой существенные трансформации в международных отношениях, усилив взаимозависимость и взаимовлияние стран мирового сообщества. Международные связи перестали быть делом профессиональных дипломатов, проникая из области «высокой политики» в область взаимоотношений на уровне местного, гражданского сообщества. Все большую роль в жизни общества стали международные программы и проекты, посредством которых происходит позиционирование страны на мировой арене и в массовом сознании, распространение национальных ценностей и культуры.

Для России, претендующей на особую миссию в поддержании мирового порядка, желающей интегрироваться в мировые информационное, культурное, образовательное и научное пространства, реализация внешнеполитических интересов посредством «мягких» стратегий, общественной дипломатии оказывается наиболее подходящей стратегией, противопоставленной и отчасти подкрепляемой публичной демонстрацией «силового» могущества. В стране имеются большой потенциал и опыт деятельности для продвижения такого рода проектов, созданы соответствующие государственные и общественные структуры. Так, одним из сильных институтов является Российский центр международного, научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации (Россотрудничество), имеющий свои представительства во многих странах мира, основными задачами которых является укрепление международного авторитета Российской Федерации, пропаганда российских духовных традиций и достижений России в области науки, культуры и искусства; распространение объективной и достоверной информации о российской истории, социально-экономической, культурной и духовной жизни, внутренней и внешней политике Российской Федерации; информационное обеспечение внешнеполитических акций России, расширение поддержки соотечественников за рубежом (О Россотрудничестве, по материалам официального сайта <http://rs.gov.ru>).

Россотрудничество осуществляет координацию и взаимодействие с институтами гражданского общества, многочисленными неправительственными организациями и объединениями, такими как Российская ассоциация международного сотрудничества (РАМС), Фонд «Русский мир», Общественная палата России, Российский фонд культуры, Международный совет российских соотечественников. Большая работа по налаживанию культурных международных связей проводится на площадках Российских центров науки и культуры (РЦНК), также направляющих

свою деятельность на расширение российского культурного и научного присутствия за рубежом, популяризацию русского языка и культуры, развития научно-технического сотрудничества с зарубежными странами (там же). Кроме того, Россия обладает мощным ресурсом международного сотрудничества в рамках высшей школы, реализующих масштабные программы как элемента академической мобильности.

Актуализация идей неоевразийства, разделяемых руководством государства, способствовала участию России в интеграционных проектах, противопоставленных западным и апеллирующим к воссозданию былого единства, прежде всего, в центрально-азиатском регионе. Несмотря на сложность и противоречивый характер региональных интеграционных процессов, а также трудностей связанных с приспособлением государств к новым геополитическим реалиям, большинством стран ЦАР осознана потребность в функционировании подобных интеграционных образований для обеспечения региональной безопасности и стабильности, создания благоприятного экономического и политического климата, развития культурного международного сотрудничества. Одной из крупнейших и динамично развивающихся многосторонних и многопрофильных объединений азиатских государств является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), созданная в 2001 году лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана.

Место и роль ШОС в системе глобальных международных отношений определяется ее масштабами, особенностями организационной структуры и принципами деятельности. Входящие в ШОС страны обладают 60% территории Евразии (30 млн. кв. км) и совокупным демографическим потенциалом более 1,5 млрд. человек, что составляет четвертую часть населения планеты. Создание ШОС является убедительным свидетельством формирования многополюсного глобального управления на региональном уровне, попытки построения демократичных международных отношений на основе кооперативного подхода и так называемого «шанхайского духа», учитывающего интересы и мнения всех участников, многообразие культур и традиций. Государства, объединившиеся в ШОС, связаны друг с другом общей историей и географическим положением, взглядами и ценностями, они обеспокоены одними и теми же проблемами. При этом ШОС не является ни военно-политическим альянсом, ни закрытым экономическим блоком, список его партнеров и кандидатов в члены постоянно расширяется, что в будущем может стать основой как для построения альтернативы западноцентричной мировой экономике, так и единого евразийского культурного и политического пространства.

Российская Федерация в своей внешнеполитической деятельности отводит особое место «дальнейшему укреплению ШОС, продвижению ее инициативы по созданию сети партнерских связей между всеми интеграционными объединениями в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (Концепция внешней политики Российской Федерации, 2008), ведь большинство стран участниц организации ее ближайшие соседи, которые долгое время являлись одним государством с общей исторической памятью и схожими социально-экономическими проблемами. При этом важное значение для России имеет также усиление политического потенциала ШОС, «стимулирование в ее рамках практических шагов, способствующих укреплению взаимного доверия и партнерства в центральноазиатском регионе» (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, 2009). Формированию

более открытой и прозрачной политике государств отчасти уже способствовали созданию Таможенного союза и запуск механизмов единого экономического пространства в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

На Россию в 2014-2015 гг. была возложена почетная и ответственная миссия председательства в ШОС. Одним из важнейших приоритетов, наряду с обеспечением региональной и экономической безопасности, являлось наращивание культурных и гуманитарных связей, в том числе активизация молодёжных обменов и туризма, развитие сетевых форм молодежного образования в рамках Университета ШОС, созданного в 2008 году и объединившего более 70 университетов Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Белоруссии и России. Таким образом, государственный заказ на интенсификацию международных связей молодежи был четко артикулирован и поддерживался многочисленными молодежными мероприятиями, проходящими под «маркой» ШОС: форумами и фестивалями, летними школами, лагерями и т.д. Так, в Алтайском крае дважды проходили Молодёжные форумы ШОС по предпринимательству и приграничному сотрудничеству, в июле 2015 года в Уфе прошел Первый молодежный форум стран БРИКС и ШОС, на котором обсуждались возможности будущего сотрудничества в области науки, культуры, образования и управления инновациями. В рамках объявленного года молодежных обменов между Россией и Китаем (2014-2015 гг.) запланировано и проведено более 200 мероприятий разного уровня, направленных на взаимное сближение и сотрудничество молодежи двух государств. Важным шагом на пути к интенсификации молодежных обменов стала инициатива по созданию Международной карты молодого человека государств-членов ШОС (SCOYouthcard), представленная в марте 2015 года на одном из форумов, посвященных ШОС, которая должна стать не только удостоверением личности, но и возможностью получить значительные льготы на транспортные расходы, проживание, обучение, питание. Международный опыт уже доказал высокую эффективность обменных программ в решении задач воспитания молодежи, формирования кадрового потенциала молодых лидеров, удержания в орбите информационного влияния потенциальных политических элит тех стран, с которыми имеются наиболее важные и перспективные отношения. Требуется отразить и представить строгий научный анализ полученному российскому опыту осуществления международного сотрудничества в рамках международных обменных программ, дать оценку имеющимся возможностям и перспективам, проблемам и ограничениям, что и обусловило актуальность проведения нашего исследования.

Прежде чем перейти к рассмотрению ключевых для исследования теоретических направлений, в русле которых предлагается концептуализировать объект и предмет исследования, следует дать предварительные замечания относительно основных категорий анализа – международных обменов, обменных программ, молодежных обменов.

Термины «международные обмены» и «обменные программы», несмотря на широкое употребление, не получили четкого определения, поскольку подразумевается, что содержание данных понятий не вызывает сомнения и не может быть понято различными способами. Между тем, учитывая различную направленность и тематику мероприятий, которые попадают под категорию «обменных программ», содержание понятия существенно варьирует в зависимости от контекста употребления. Так, чаще всего термины «программа международного обмена», «молодежные

обмены» употребляются в публикациях, относящихся к академической мобильности, суть которой будет прояснена нами ниже. Однако, несмотря на то, что образовательные программы или мероприятия, которые разрабатываются правительственными ведомствами для реализации внешнеполитических задач и финансируются из госбюджета, составляют значительную долю международных обменов, существуют программы культурного обмена, молодежные программы сезонной занятости, волонтерское движение и другие формы международной деятельности, в которую вовлекается молодежь. Понятие обменных программ существенно шире сфер науки и образования и не ограничивается ими. С позиций этимологии, словосочетание «обменные программы» является калькой с английского (*exchange programs*), что подразумевает достаточно широкое контекстуальное употребление данного сочетания (Фоминых А. 2008).

Следовательно, обобщая отрывочные и далеко не полные сведения, полученные путем анализа публицистической, методической, научной литературы, целесообразно выделить понимание «молодежных обменов» в узком и широком смыслах.

Примером *широкого употребления* термина может являться определение, обозначенное в региональном законе Санкт-Петербурга «О реализации государственной молодежной политики»: «молодежный обмен представляет собой осуществление международных и межрегиональных связей путем организации взаимных посещений молодежью различных субъектов Российской Федерации и иностранных государств, в целях развития сотрудничества в сфере молодежной политики, обмена опытом, изучения разнообразия культур и исторического наследия других субъектов Российской Федерации и иностранных государств» (Закон Санкт-Петербурга от 27.06.2013 N 425-62 «О реализации государственной молодежной политики в Санкт-Петербурге»).

Особенностями данного определения являются следующие:

- акцент делается не только на международных, но и межрегиональных связях, выстраиваемых в ходе молодежного обмена (таким образом, для молодежного обмена становится необязательной поездка в другую страну);
- требование взаимности посещений, не предполагающее, тем не менее, абсолютного требования симметричности (так называемого эквивалентного обмена);
- широкий спектр направлений молодежного сотрудничества, куда входит молодежная политика, работа с молодежью, межкультурная коммуникация и прочее. В определении отсутствуют какие-либо ограничения относительно возраста участников, сроков осуществления, направлений деятельности. Таким образом, молодежными обменами могут считаться практически любые мероприятия с участием молодежи, проживающей в разных регионах страны или государствах, в ходе которых происходит взаимодействие, обмен опытом и мнениями, культурное взаимообогащение.

Противоположную, предельно *узкую трактовку* термина «молодежный обмен» можно встретить в большинстве практических рекомендаций по организации международных молодежных мероприятий в Европе, в частности в рамках программ «Youth in Action» и Erasmus+. Под международным молодежным обменом в них понимается проект сотрудничества молодежных групп, способствующий межкультурному общению, взаимопониманию и воспитанию уважения к представите-

лям других культур, который разработан и организован непосредственно молодыми людьми на определенную тему. Обычно уточняется, что молодежный обмен не является академической образовательной поездкой и не предназначен для получения прибыли, не включает туристический компонент и участие в таких мероприятиях, как фестивали, языковые курсы, школьные обмены, спортивные состязания, гастроли творческих коллективов, трудовые лагеря и др. В зависимости от количества вовлеченных стран, проекты могут быть двух-, трех- или многосторонними. Двухсторонние молодежные обмены оправданы, когда проект является для организации первым случаем международного сотрудничества или предусматривает участие группы, у которой нет опыта взаимодействия на европейском уровне (Erasmus+ Programme Guide, 2015; Молодежь в действии, 2015).

Таким образом, под молодежными обменами в рамках данных программ понимается крайне ограниченная по формату преимущественно проектная деятельность молодежи, основанная на неформальных методах обучения. Молодежный обмен включает в себя три этапа: планирование и подготовку, реализацию и оценку (включая подведение итогов и планирование возможного продолжения). Программа проведения молодежного обмена строго регламентирована, в нее должны входить: модуль знакомства участников друг с другом и формирования единой группы, мероприятия, связанные с темой и целями проекта, анализ мероприятий программы и обратная связь от участников, план действий в свободное время. Рекомендуется, чтобы занятия были разнообразными и подготовленными самими молодыми людьми с привлечением разнообразных интерактивных методов обучения – групповой работы, дискуссий, развивающих игр, симуляций и пр. Подготовительные мероприятия и деятельность по содержанию проекта и досугу должны также включать межкультурное обучение, позволяющее разрушить укоренившиеся стереотипы и предрассудки. Помимо содержательных, для такого типа молодежных обменов характерны жесткие ограничения по количеству участников (не более 30 человек в группе) и по возрасту (не старше 25 лет), срокам проведения обмена (на предварительные мероприятия обычно отводится не более двух дней, на основной проект от 6 до 21 дня, не включая дороги), хотя тематика проекта может быть любой – от молодежной журналистики и пропаганды здорового образа жизни до разработки серьезных социальных проблем местного сообщества. Тем не менее, заложенное в данные программы понимание «молодежного обмена» диктуется жесткими рамками условий предоставления финансирования на мероприятия, которое обязательно должно включать несколько источников (так называемая политика двойного бюджета). Такой подход не позволяет относить к международным обменным программам проекты, которые традиционно и практически бесспорно всеми признаются обменными. Например, такие программы, как международные молодежные лагеря AFS, программы академических научных обменов типа IREX, программы школьных и студенческих обменов, предполагающие проживание в принимающих семьях, такие как Flex или Au Pair. Доказательством бесспорности причисления данных программ к «обменным» служит само употребление слова «обмен» во всех материалах, касающихся данных программ, которые в большом количестве можно найти в сети Интернет.

Учитывая широкий контур возможных интерпретаций понятия «молодежные обмены», отметим, что программы молодежного обмена могут быть предназна-

ны для разных категорий молодежи – школьников, студентов, молодых специалистов. Они предоставляют участникам возможность познакомиться с различными культурами и странами, обогатить свои знания, усовершенствовать знание иностранного языка, приобрести ценный жизненный опыт и возможность поработать за рубежом, завести дружеские и деловые контакты, получить позитивные эмоциональные впечатления и стимул для личностного роста. Немаловажным фактором мотивации участия в некоторых программах обмена является получение работы за границей (примером является всемирно известная программа молодежных обменов Work and Travel, позволяющая участникам программы за счет устройства на работу за границей оплатить расходы, связанные с программой).

Таким образом, в совокупности программ молодежного обмена можно выделить несколько категорий. Первая категория – это программы социокультурного обмена, основной целью которых является знакомство с жизнью страны и изучение иностранного языка, погружение в мир повседневности, знакомство с историей, традициями и обычаями принимающей стороны, развенчание этнических и национальных стереотипов и предрассудков. Вторая категория – образовательные и научные программы, предполагающие получение формального профессионального образования, проведения научно-исследовательской работы, написание диссертационных исследований. Эти программы в отличие от обучения по «полному циклу», составляющему 4-5 лет, менее продолжительны – от нескольких недель до года, реже двух лет (в рамках программы обучения в магистратуре). Третья категория программ обмена – профессиональные стажировки за рубежом, получение практических навыков, связанных с освоением конкретной специальности. Такого рода программы предназначены в основном для студентов старших курсов и молодых специалистов желающих расширить свои знания и получить практический опыт. Четвертая категория – программы, реализуемые в рамках двух- и многосторонних соглашений в области молодежной политики и работы с молодежью. Такие программы предусматривают участие социально активной молодежи с большим лидерским потенциалом, способной не только к активному обучению, но и обладающей коммуникативными и организаторскими способностями, позволяющими реализовать разнообразные практико-ориентированные проекты. В реализации программ различных категорий задействованы различные нормативно-правовые и институциональные механизмы и практики, что обуславливает необходимость проведения обзора научной литературы, в которой молодежные обмены рассматриваются в контексте различных направлений фундаментальных и прикладных исследований.

Во публикациях, посвященных вопросам международного сотрудничества в сфере высшего образования, синонимом «международных обменов», в том числе молодежных, выступает термин «международная академическая мобильность» (Фоминых А. 2008).

Образовательные обмены студентов, преподавателей, исследователей и администраторов университетов, наряду с введением многоуровневой системы высшего образования и кредитно-модульной системы обучения, разработкой и модернизацией государственной и внутривузовских систем управления качеством образования считаются одними из неотъемлемых характеристик Болонского процесса (Богословский В.И., Писарева С.А., Тряпицына А.П., 2007; Микова И.М., 2011). Берлинское коммюнике (2003 г.) обозначает мобильность студентов, академического и

административного персонала «основой создания европейского пространства высшего образования». Главная цель мобильности — дать студенту возможность получить разностороннее «европейское» образование по выбранному направлению подготовки, обеспечить ему доступ в признанные центры знаний, где традиционно формировались ведущие научные школы, расширить познания студента во всех областях европейской культуры, привить ему чувство гражданина Европы. В Пражском коммюнике министров образования (2001 г.) отмечается, что мобильность позволит ее участникам «воспользоваться богатствами европейского пространства высшего образования, включая демократические ценности, разнообразие культур и языков, разнообразие систем высшего образования» (Харитонов О.В., 2012).

В качестве общих предпосылок для развития международного академического сотрудничества и программ обмена, развиваемых в рамках вхождения России в Болонский процесс выступают общие интеграционные процессы в области экономики, в том числе увеличение территориальной мобильности рабочей силы, порождающие необходимость идентификации и признания документов об образовании, профессиональной квалификации в разных странах, чрезвычайное разнообразие систем высшего образования, потребность в изменении стратегии развития отечественной системы высшего образования (Полозова О.С., 2012). По мнению В.А. Галичина, академическая мобильность является одним из эффективных инструментов повышения качества человеческого капитала, усилению конкурентоспособности национальных систем образования (Галичин В.А., 2009, с. 8). Участие в зарубежных научных исследованиях, стажировках и практиках способствует углубленному изучению дисциплин, повышает мотивацию к научной исследовательской и инновационной деятельности, развиваются значимые личностные качества: активность, ответственность, аналитическое мышление, инициативность, адаптивность, стрессоустойчивость, способность реагировать на изменения, формируются умения эффективно решать проблемы, работать в межкультурной профессиональной среде, владеть современными средствами коммуникации (Емелин Н.М. и соавт., 2013, 2014). При этом формируются и совершенствуются различные стороны будущей профессиональной деятельности, обеспечивается возможность успешного построения траектории образования и профессионального развития, реализуется потребность в стремлении к смене профессионального статуса, отвечающая за мобильность индивида (Зновенко Л.В., 2008, с. 5-20; Володина Е.Д., 2014).

Как указывается в «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» международная мобильность будет включена в качестве одного из ведущих показателей в рейтинги образовательных учреждений. Кроме того, будет поощряться внутренняя мобильность студентов, преподавателей и административных работников, стимулироваться практика смены мест учебы и работы в вузах. Наличие опыта работы в других вузах, особенно за рубежом, будет считаться предпочтительным и учитываться при аттестации и определении уровня оплаты труда преподавателей и научных работников. Таким образом, как отмечает И.Е. Девятова, «вскоре академический обмен станет неотъемлемой частью жизни любого российского вуза», а показатели и индикаторы мобильности постепенно станут важнейшими показателями эффективности его деятельности, определяя ее формы и содержание (Девятова И.Е., 2012).

Необходимость анализа академической мобильности в рамках исследования молодежных обменов, требует детального рассмотрения и определения сущности и структуры данного феномена.

В обыденном знании мобильным считается подвижный, способный к быстрому и скорому передвижению, действию человек, принадлежащий к новой фармации, способный гибко реагировать на новые требования и условия, адаптироваться, самосовершенствоваться для достижения определенных целей.

Понятие *мобильность* изначально получило свое распространение в социологических и экономических науках и указывало на потоки людей, капиталов, информации на местном, региональном, национальном и наднациональном уровнях, интенсифицируемые в условиях технологических и политических изменений, пересекающие установленные границы обществ. С психологических позиций мобильность рассматривается как реакция на разнообразие стимулов, некоторая подвижность, способность к движению через познавательные, профессиональные барьеры. В социальной педагогике мобильность рассматривается как важнейший элемент социализации человека, заключающийся в потребности в новых знаниях, информации (Шеремет А.Н., 2006).

В социологии используется понятие *социальной мобильности*, под которой понимается **изменение индивидом или группой своей социальной позиции в социальном пространстве**. В научный оборот понятие было введено П. Сорокиным в 1927 г. Он выделил два основных типа социальной мобильности: горизонтальную и вертикальную.

Вертикальная мобильность предполагает совокупность социальных перемещений, которая сопровождается повышением или понижением социального статуса индивида. В зависимости от направления перемещения различают **восходящую вертикальную мобильность** (социальный подъем) и **нисходящую мобильность** (социальное падение). **Горизонтальная мобильность** — это переход индивида от одной социальной позиции к другой, находящейся на одном и том же уровне (Сорокин П., 1992). Таким образом, междисциплинарный анализ различных определений мобильности показывает, что она может быть рассмотрена как внешние перемещения индивида, его движение, переход, и как внутренняя характеристика, черта личности.

В условиях глобализации и интеграционных процессов в образовании академическая мобильность стала объектом изучения различных отраслей науки и дисциплин: дипломатии, экономики, педагогики, менеджмента и маркетинга образования, социологии, этнокультурологии. Важными и довольно жесткими требованиями, предъявляемыми к образовательным системам стран мирового сообщества, являются гибкость, открытость переменам, способность адекватно реагировать на них (Калинина Н.М., 2010, с. 108). Как отмечает Н. С. Радевская, новый тип экономики, основанной на знаниях, потребовал новых, позволяющих охватить широкие слои населения, систем образования и обучения, способных готовить высококвалифицированных специалистов и создающих благоприятные условия для непрерывного образования граждан (Радевская Н.С., 2011, с. 123).

Анализ ряда публикаций по вопросам академической мобильности позволяет сделать вывод о том, что однозначного и официально принятого толкования термина «академическая мобильность» не существует.

В большинстве источников цитируется определение академической мобильности данное в рекомендациях Комитета министров Совета Европы в 1996 г.: *«Академической мобильностью является перемещение кого-либо, имеющего отношение к образованию, на определенный (обычно от семестра до года) период в другое образовательное учреждение (в своей стране или за рубежом) для обучения, преподавания или проведения исследований, после чего учащийся, преподаватель или исследователь возвращается в свое основное учебное заведение. Данное понятие не связано с эмиграцией или длительным периодом обучения (работы) за рубежом».*

Однако авторы в дальнейшем развивают собственное видение академической мобильности в зависимости от целей и задач, методологических принципов и теоретических предпочтений. Так, О.О. Мартыненко и Н.В. Жукова (2008) определяют академическую мобильность как *возможность* для студентов и преподавателей, административно-управленческого персонала вузов перемещаться из одного вуза в другой с целью обмена опытом, получения тех возможностей, *которые почему-либо недоступны в своем вузе, преодоления национальной замкнутости и приобретения общеевропейской перспективы.* Академическая мобильность по определению Российского совета академической мобильности (РОСАМ) – это международный термин, означающий *обеспечение получения дополнительных знаний* для студентов, аспирантов и преподавателей вузов за рубежом (Цит. по Шеремет А.Н., 2006).

А.В. Кузьмин рассматривает академическую мобильность как фактор развития международной интеграции в образовании в нескольких аспектах, во-первых, как повышение квалификации, работу в зарубежных институтах и преподавание в зарубежных филиалах для преподавателей; во-вторых, как полное обучение студентов за рубежом для получения специализации или получения научной степени, в-третьих, как процесс предоставления образовательных услуг учебным заведением в межгосударственных филиалах (Кузьмин А.В., 2007, с. 14). При определении понятия «академическая мобильность» М. Н. Трегубова делает акцент на европейскую составляющую: главной целью данного процесса она считает «дать возможность получить разностороннее «европейское» образование», «привить ему чувство гражданина Европы» (Трегубова М.Н., 2006, с. 30). При этом практически все исследователи отмечают тот факт, что академическая мобильность рассматривается как составляющая социальной мобильности, которая способствует формированию образовательного потенциала личности.

Ряд авторов предлагают трактовки академической мобильности не как внешнего по отношению к индивиду процесса и формы международного сотрудничества, а как свойство его личности, своеобразную, схожую с интеллектуальной способностью. Так, О.С. Полозова (2012) под академической мобильностью понимает *«интегративную способность человека к познавательному движению в сфере единого образовательного пространства, с учетом многообразия внешних и внутренних стимуляторов».*

Н.С. Бринев, Р.А. Чуюнов (2001), анализируя различные источники, подчеркивают, что академическая мобильность – *неотъемлемая форма существования интеллектуального потенциала, отражающая реализацию внутренней потребности этого потенциала в движении в пространстве социальных, экономиче-*

ских, культурных, политических взаимоотношений и взаимосвязей, возможность самим формировать свою образовательную траекторию.

В свою очередь Л.В. Зновенко рассматривает академическую мобильность в контексте непрерывного образования, понимая под ней *«личностное новообразование, которое является результатом деятельности субъекта образовательного процесса, предполагающей проектирование и реализацию индивидуального образовательного маршрута с учётом специфики выбранной профессии, тенденции развития рынка труда, опыта работы, социального опыта и тенденций развития ме-ждународных и национальных образовательных систем»* (Зновенко Л.В. 2008, с. 12).

Таким образом, приведенные определения акцентируют внимание как на внешних, процессуальных характеристиках данного феномена, связанных с формальными критериями перемещения, возможностями получения более качественного образования, и, в перспективе, социального статуса, так и на внутренних личностных качествах, формируемых благодаря участию в обменных академических программах, а также выступающих условием успешной их реализации.

Явление академической мобильности чрезвычайно многообразно и может быть подвергнуто типологизации по разным основаниям. Так, В.И. Богословский, С.А. Писарева, А.П.Тряпицына (2007, с. 34) выделяют следующие виды академической мобильности:

- по ее субъектам – преподавателей и студентов;
- по ее объектам – академическую, исследовательскую (для студентов); повышение квалификации (переподготовка), обмену опытом (преподавание), проведение исследований (для преподавателей и студентов);
- по формам реализации – реальную (физическую), виртуальную. Под виртуальной формой мобильности подразумевается возможность обучаться, преподавать и/или заниматься научными исследованиями в другом учебном заведении посредством дистанционных и телекоммуникационных технологий (Тыртый С.А., 2009). Однако, начиная с Обращения европейских ректоров в Саламанке (2001 г.), в болонских документах подчеркивается, что «виртуальная мобильность не является заменой физической мобильности» (Харитонов О.В., 2012; Смолянинова О.Г., Достовалова Е.В., Савельева О.А., 2015).
- по пространству локализации – региональную, межрегиональную, международную.

Помимо указанных видов, можно выделить некоторые другие типы, не подходящие под выделенные основания. Так, под **внутренней академической мобильностью** понимается обучение студентов и аспирантов, работа научных сотрудников внутри страны, тогда как под внешней – за ее пределами. Под **индивидуальной академической мобильностью** понимаются индивидуальные поездки обучающихся и/или работников вузов в другие вузы и организации с целью реализации индивидуальных учебных планов, академических и исследовательских программ. В отличие от индивидуальной, **групповая академическая мобильность** подразумевает организацию вузом поездок для групп обучающихся и/или работников вуза в другие вузы и организации.

Организованная академическая мобильность, в отличие от спонтанной мобильности, реализуемой вне каких-либо рамок и схем, предполагает организацию вузом поездок обучающихся и/или работников вуза с целью реализации индивидуальных или групповых академических и исследовательских программ, в том числе совместно с партнерскими вузами и организациями. На качество организации программ мобильности оказывают влияние множество факторов, таких, например, как доступность образования, языковые и культурные особенности и другие.

Инициативная академическая мобильность осуществляется по инициативе студентов или преподавателей (сотрудников) вуза, которая поддерживается администрацией и позволяет также реализовать индивидуальные образовательные траектории, академические и исследовательские программы, в рамках отечественных и зарубежных грантов и проектов.

В отличие от общей академической мобильности, под **международной академической мобильностью** (МAM) понимается обучение, стажировка и проведение научной работы студентов и аспирантов, а так же работников российских вузов в зарубежных университетах и научных центрах, а также обучение, проведение научных исследований и работа в российских вузах студентов, аспирантов и научно-педагогических кадров из-за рубежа (Володина Е.Д., 2014).

В документах, касающихся Болонского процесса, принято различать «вертикальную» и «горизонтальную» академические мобильности. Под **вертикальной мобильностью** подразумевают переход от одной образовательной ступени к другой в ходе обучения студента на степени в зарубежном вузе, под **горизонтальной** – обучение в зарубежном вузе в течение ограниченного периода (семестра, учебного года, изучение отдельных дисциплин).

В зависимости от продолжительности обучения в зарубежном вузе академическая мобильность студентов подразделяется на краткосрочную и долгосрочную.

Долгосрочная международная академическая мобильность предполагает обучение студента в зарубежном вузе в течение более полутора месяцев. Обязательным условием долгосрочной академической мобильности является оформление индивидуального учебного плана, состоящего из дисциплины, подлежащих изучению вне основного факультета.

Краткосрочная международная академическая мобильность студентов обычно обозначает обучение в зарубежном вузе в течение не более полутора месяцев, участие в семинарах, конференциях, летних и языковых школах и других непродолжительных (2-3 недели) формах научного и образовательного взаимодействия, не предполагающих усвоения зарубежной академической культуры и приобретения профессиональных знаний. Как отмечает Е.В. Володина (2014), основным предназначением краткосрочных программ является социально-культурное развитие студентов и значимого влияния на профессиональную подготовку они не оказывают. Среди долгосрочных программ наиболее значимыми являются программы совместных двойных дипломов (степеней) и включенного обучения в рамках межвузовского сотрудничества, без выдачи второго диплома.

Помимо вышеуказанных видов и форм, О.О. Мартыненко и Н.В. Жукова оперируют понятиями «прямой» и «обратной» академической мобильности. Под термином «прямая мобильность», по принято понимать перемещение студентов, аспирантов, преподавателей и исследователей своей страны за рубеж, соответствен-

но, «обратная мобильность» – перемещение иностранных граждан с образовательными и исследовательскими целями в свою страну (Мартыненко О.О., Жукова Н.В., 2008).

Общим у всех форм международной академической мобильности является то, что посредством занятий с иностранными преподавателями, профессорами студенты получают информацию об иных образовательных технологиях, приобретают знания, которые в силу различных обстоятельств являются новыми, совершенствуют свои навыки непосредственного общения с представителями других стран. Вариация видов деятельности, представляющие различные формы академической мобильности, представлена на рисунке 1.

Рисунок 1 – Формы международной академической мобильности (Источник: Володина Е. Д. Систематизация форм международной академической мобильности студентов // Вестник ЧГПУ. 2014. №2. С.93-102.)

В работах В. А. Галичина, В. И. Богословского, О. О. Мартыненко представлен общий круг задач, с которыми сталкивается администрация вузов в процессе организации академической мобильности. Основными из них являются следующие:

- создание и развитие системы грантов для студентов и преподавателей;
- совершенствование организационных механизмов и внутривузовского нормативно-методического обеспечения академической мобильности;
- обеспечение максимальной информированности студентов относительно содержания образования в странах и конкретных вузах;
- стимулирование изучения иностранных языков, международных отношений и страноведения;
- интегрирование обучения за рубежом с учебными планами высшего образования;
- поддержание сотрудничества между университетами;
- создание инфраструктуры для поддержки иностранцев;
- создание необходимых социально-бытовых условий;
- разработка внутривузовской системы оценки мобильности;
- организация и проведение конкурса на участие в программах академических обменов.

Только в результате реализации образовательной политики, позволяющей решать данные задачи, считают данные авторы, студенты могут стать полноправными участниками академической мобильности, будет обеспечен рост качества, привлекательности и конкурентоспособности образовательных программ.

В то же время, как отмечают эксперты, деятельность в области международного сотрудничества и академической мобильности нельзя редуцировать до конкретных действий, технологий и механизмов, связанных с системой обмена студентами учебных заведений разных стран. На самом деле академическая мобильность представляет собой сложный и многоплановый процесс интеллектуального продвижения, обмена научным и культурным потенциалом, ресурсами, технологиями обучения (Девятова И.Е. 2012). Особого внимания заслуживают геополитические факторы, которые накладывают определенный отпечаток на развитие академической мобильности в той или иной стране. Так, в Европе, в связи с отсутствием территориальных и финансовых границ, высоким уровнем международного разделения труда и трудовой миграции во всех сферах промышленного производства, мобильность является наиболее адекватным инструментом общеевропейской интеграции, востребованным социальным, экономическим и политическим процессом. Развитие академической мобильности студентов поддерживается в рамках многочисленных программ и способствует расширению международного рынка подготовки профессиональных высококвалифицированных специалистов.

В отличие от Европы, академические обмены в России осуществляются в весьма усеченном виде, потенциал, заложенный в механизме академической мобильности, используется недостаточно, что приводит к ухудшению качества учебных программ, отражается на снижении конкурентоспособности выпускников на международном рынке труда. Основными проблемами, препятствующими успешной реализации академической мобильности в России являются неплановый характер этой деятельности, недостаточность материально-финансового обеспечения, нехватка специалистов в этой области, неразработанность специальных методов и механиз-

мов академического обмена, отсутствие инфраструктуры, обеспечивающей эффективный обмен (Бринёв, Н. С., Чуянов, Р. А. 2001). В условиях российского образовательного пространства имеется ряд объективных нормативно-правовых, финансовых, административных и академических ограничений, в том числе касающихся:

- выделения финансовых средств в бюджете вуза на мобильность и международное развитие;
- обеспечения качественной языковой подготовки студентов, преподавателей и сотрудников вузов, позволяющей участникам обменных программ преодолеть языковой барьер, осуществлять полноценное взаимодействие и обучение;
- разработки системы оценки качества обменных программ;
- создания инфраструктуры и социальных механизмов адаптации иностранных студентов и их интеграции в образовательное пространство вуза;
- создания социально-бытовых условий, развитие наставничества, шефства и тьюторства;
- регулярного информирования студентов и сотрудников о программах академической мобильности;
- создания и согласования новых поколений учебных стандартов уровня образования;
- оптимизации методологий оценки качества образования;
- совершенствование нормативно-методического обеспечения академической мобильности, механизмов ее организации в вузе;
- координации и сопровождения международных исследовательских, научно-технических и образовательных программ и проектов;
- представления сопоставимой системы признания иностранных документов об образовании в Российской Федерации российских документов в государствах-партнерах;
- работа, касающаяся разработки релевантного общеевропейским критериям приложения к диплому о высшем профессиональном образовании (Diploma Supplement);
- разработки стратегий и технологий интеграции вуза в мировую образовательную систему, повышение престижа вуза (Полозова О.С. 2012; Калинина Н.М., 2012).

Международная образовательная мобильность является воплощением глобальных изменений образовательных систем на национальном и региональном уровне, позволяет участникам программ академических и научных обменов приобщиться к мировой культуре, получить образование более высокого качества, войти в мировое образовательное пространство. В этой связи, в научном сообществе получают развитие исследования и научные дискуссии, касающиеся глобализации и интернализации образования, из взаимосвязи и взаимозависимости.

Как отмечают крупнейшие мировые ученые в области этих процессов, глобализация и интернализация взаимосвязаны, но не идентичны. Глобализация представляет собой контекст экономических и академических трендов, составляющих реальность XXI века, тогда как интернализация включает политику и практики, предпринимаемые академическими системами и институтами, а также индивидами

для адаптации к глобальному академическому пространству. В структуру мотивации к интернализации входят: получение финансовой прибыли, приобретение знаний и языка, усиление программ курсов за счет включения содержания международного уровня, и многие другие. Специфические инициативы, такие как тематические лагеря, кросс-национальные исследовательские команды, программы для иностранных студентов, внедрение англоязычных программ и степеней, были внедрены как часть интернализации. Усилия по управлению международной деятельностью и обеспечению его качества являются интегральными частями международного образовательного пространства (Altbach P.G., Knight J., 2007).

Интернационализация стала основным направлением развития высшего образования во всем мире, «перейдя из периферийного в ключевой интерес институтов высшего образования» (Brandenburg U., De Wit H, 2011). Понятие «интернационализация», изначально используемое в политических науках и в области международных отношений, проникло в сферу образования в 90-е годы прошлого века в результате усиления значимости международного образования и трансформации роли международной деятельности. Хотя традиционные (классические) идеи международного образования существовали раньше, обычно они отражали деятельность, осуществляемую на международном уровне, и имеющую отношение к мобильности и обучению за рубежом, международным обменам, привлечению иностранных студентов, либо к интернационализации образовательных программ, международных исследований, образованию в интересах мира, регионоведения. Перечисленные термины описывали данные мероприятия или дисциплины как элементы международного образования (позже интернационализации), и во многих случаях использовались и используются до сих пор как синонимы одного общего термина (Джонс Э., де Вит Х., 2013).

В трактовке определений интернационализации образования зарубежные и отечественные авторы не придерживаются какого-то одного подхода, что порождает путаницу по поводу того, что понимается под интернационализацией и другими схожими терминами, такими как «международное образование», «трансграничное образование» или «международное сотрудничество» (Бранденбург У., 2013).

Одно из широко признанных и используемых сегодня определений интернационализации принадлежит профессору Торонтского университета Джейн Найт, согласно которому под интернационализацией понимается *«процесс встраивания международного, межкультурного и глобального измерения в цели, функции и процессы высшего образования»* (Knight J. 2008). Автор рассматривает данное определение как рабочее, нейтральное с международной точки зрения и не включающее мероприятия, обоснование и результаты описываемого процесса. Именно это определение стало стимулом к своего рода мировоззренческому сдвигу: под интернационализацией стали понимать процесс в противовес понятию «международное образование», ориентированному на конечный продукт (Джонс Э., де Вит Х., 2013).

Обобщая возможные контексты интерпретации данного понятия Д. Найт (2013) отмечает, что интернационализация образования может означать:

– международную деятельность, например академическую мобильность студентов и преподавателей, международные образовательные сети, партнерства и

проекты, новые международные образовательные программы и исследовательские инициативы;

– реализацию образовательного потенциала в других странах посредством новых видов деятельности, таких как создание филиалов, заключение договоров на предоставление лицензий, использующих широкий спектр методов очного и дистанционного обучения;

– способ повысить позицию университета в национальном или глобальном рейтинге или привлечь лучших студентов и преподавателей из других стран.

Таким образом, интернализация может быть определена с точки зрения программ и мероприятий, корректировки учебных планов и программ, основываться на процессе интеграции международного компонента в основные организационные структуры университета, развития новых компетенций и навыков у студентов и преподавателей с акцентом на человеческий, а не организационный фактор, формирования в учебном заведении специфической культуры, которая аккумулирует международные ценности с акцентом на процессуальную сторону (Элингбо Б., 1996).

Джейн Найт (2008), анализируя и пересматривая понятия «мобильность учебных планов» и «студенческая мобильность» в свете актуальных изменений в высшем образовании, вводит два по сути разнонаправленных понимания интернализации. Это, во-первых, интернационализация дома (Internationalization at Home) – меры, направленные на поддержку и развитие у национальных студентов понимания международного контекста и межкультурных навыков (во взаимосвязи с предметной областью) и их подготовку к более активной жизни в современном мире. Во-вторых, интернационализация за рубежом (Internationalization Abroad), т.е. все формы предоставления трансграничного образования, включая движение/перемещение студентов, преподавателей, научных сотрудников (исследователей) и образовательных программ.

Реальная практика интернационализации показывает, что провести четкое различие между двумя понятиями, будь то с институциональной или индивидуальной точки зрения, достаточно сложно. В связи с этим разграничение процессов на внутристрановое и международное не является чистым и представляется ограниченным в современных чрезвычайно сложных условиях.

За последние десятилетия значение данного термина существенно трансформировалось, что обусловило необходимость пересмотра его содержания с учетом новых вызовов и достижений. Появились новые акторы, основания, программы, нормы и результаты процессов глобализации. Интернационализация стала важной движущей силой этих изменений, о чем свидетельствуют многочисленные изменения и инициативы в области высшего образования, такие как:

- появление новых международных сетей и объединений;
- увеличение числа студентов, преподавателей и исследователей, принимающих участие в программах академической мобильности;
- рост числа курсов, программ и квалификаций по сравнительной и международной проблематике;
- повышение внимания развитию международных / межкультурных и глобальных компетенций;
- рост интереса к международной проблематике и совместным исследованиям;

- увеличение числа трансграничных образовательных программ;
- усиление интереса к международным и региональным рейтингам университетов;
- увеличение числа внутриуниверситетских мероприятий с международной и мультикультурной составляющей;
- рост числа совместных образовательных программ и программ двойных дипломов;
- увеличение числа и типов коммерческих организаций, занимающихся трансграничным образованием;
- расширение партнерств, договоров на предоставление лицензий и отделений университетов;
- создание региональных университетских центров, университетских городов и узловых образовательных пунктов;
- создание новых национальных, региональных и международных организаций, ориентированных на международное образование;
- возникновение образовательных центров на национальном, региональном и муниципальном уровнях (Найт Д., 2013, с.68-90).

Де Вит предложил для обсуждения восемь тезисов (причин), объясняющих необходимость переосмысления рассматриваемого концепта.

Первая причина заключается в том, что для большинства университетов интернационализация представляется всего лишь набором фрагментарных и не всегда связанных практик, нежели комплексным (многосторонним) процессом. Вторая причина указывает на постепенное усиление глобализационных процессов и коммерциализации высшего образования, приводящих к возникновению новых форм, поставщиков и продуктов интернационализации, а также новых, часто противоречащих друг другу измерений, взглядов и элементов дискурса по вопросам интернационализации. Третья причина касается изменений в контексте международного высшего образования, усиления роли и потери пассивности развивающихся экономик при сохранении высокого статуса западных образовательных систем, приводящие к переходу от западной модели понимания интернационализации основанной на неокOLONIALИЗМЕ к инкорпорированию в интернационализацию других подходов. Четвертый тезис содержит замечание о том, что дискурс по вопросам интернационализации разворачивается по инициативе небольшого числа стейкхолдеров, в том числе руководства вузов, правительств и международных организаций, тогда как интересы других субъектов учитываются в незначительной степени. В-пятых, большая часть дискурса направлена на обсуждение вопросов, связанных с практикой интернационализации на национальном или институциональном уровне, и меньше внимания уделяется самим программам интернационализации. В-шестых, слишком часто интернационализация оценивается количественно через численные показатели, демонстрирующие результаты, вместо того чтобы опираться на качественный, ориентированный на результат подход оценки вклада мероприятий (инициатив) интернационализации. В-седьмых, автор упрекает научное и академическое сообщества в чрезмерной прагматичности и недостаточном внимании к нормам, ценностям и этике практик интернационализации, и следовательно (в-восьмых), недостаточному вниманию к взаимодействию культур, соотношению локального и глобального уровней. Следовательно, возникает императив более глубокого изучения феномена,

выделения частных аспектов, проливающих свет на позитивные и негативные последствия, который может нести за собой интернализация.

Таким образом, движущие силы интернационализации сегодня значительно меняются. В Меморандуме о высшем образовании, принятом участниками Евросоюза, факторы интернационализации высшего образования разделяются на четыре основные группы: экономические, политические, культурные, образовательные (Цит. по Нестеров А.Г., 2012). Экономические факторы определяются прямыми финансовыми выгодами, как прямыми, получаемыми в виде прибыли от платного обучения иностранных студентов, так и косвенными, получаемыми от интернационализации в результате подготовки высококлассных специалистов и развития экономики собственной страны. Политические мотивы диктуются геополитическими интересами каждой страны, в том числе касающимися обеспечения безопасности, идеологического влияния и т.д.; культурные - с необходимостью усиления национальных языков и культуры, осознанием важности приобщения к иноязычным культурам. И, наконец, образовательные факторы интернационализации эксплицируются задачами, содержанием и функциями современного высшего образования, его трансформации в условиях международной интеграции образовательных систем. Все эти факторы тесно взаимосвязаны между собой. Однако поскольку последние приобретают более широкий характер и усложняются, возникает необходимость различать их природу на уровне разных акторов, особенно на уровне отдельных университетов и государств.

Так, рассматривая вопросу о признаках и показателях измерения степени интернациональности университета, Э. Джонс и Х. де Вит (2013) предлагают десять основных индикаторов:

1. Степень взаимосвязи стратегии интернационализации с общей миссией и ценностями университета, приверженность преподавательского состава и сотрудников университета ценностям интернализации.
2. Отражение важности и релевантности интернализации в ключевых политических документах и стратегиях университета, встроенность интернализации в процесс планирования и управления всеми университетскими службами.
3. Переход на принципы международного образования содержания обучения, процесса преподавания, процедур оценки качества и результатов обучения выпускников, отражающий влияние глобализации на развитие отдельных дисциплин и на их последующий вклад в глобальном контексте. При этом разнообразные возможности международной мобильности, должны быть доступными для местного сообщества.
4. Уровень культуры создания международных кампусов и развитие программ неформального обучения.
5. Обязательное присутствие разнообразного и мультикультурного сообщества студентов, проявляющих высокий уровень социальной активности и вносящих серьезный вклад в развитие и обогащение корпоративной культуры университета.
6. Создание службы внеаудиторной поддержки иностранных студентов, основной задачей которой является помощь в адаптации вновь прибывающим иностранным студентам в новой стране, а также продвижение и со-

действие интернационализации не только зарубежных, но и отечественных студентов.

7. Внедрение системы поощрения, признания и профессионального развития сотрудников университета за любую носящую международный характер деятельность, распространяющейся на весь персонал университета и реализуемой на основе обзора и оценки соответствующих результатов.
8. Налаживание широких и углубленных международных связей, обеспечивающих возможности для интеграции в глобальное пространство для студентов, преподавателей и исследователей посредством исследований, обменов или размещения преподавателей и студентов, совместных программ, обмена лучшими практиками и результатами деятельности, а также двусторонних программ приглашения преподавателей и другого вспомогательного персонала.
9. Наличие у университета необходимых ресурсов для реализации стратегии интернационализации и обеспечения выполнения обязательств в рамках интегрированной интернационализации.
10. Принятие мер по совершенствованию мероприятий и стратегии интернационализации посредством мониторинга, критической оценки достигнутых результатов для информирования о политике и практиках университета в сфере интернационализации.

С.В. Дерзаев (2013) предлагает оценить интернационализацию образования по определенным категориям индикаторов в следующих условных разделах деятельности вуза:

- концептуальный контекст: наличие международного компонента в образовательных программах, соответствие квалификационных требований профессиональных навыков;
- интернационализация учебных планов: присутствие в них дисциплин, формирующих транскультурные навыки, обеспечивающих владение иностранными языками, возможность обучения за границей;
- учебный процесс, включающий показатели открытости и доступности получения образования для иностранных студентов, поощрения международного сотрудничества, информированности о возможностях получения образования за рубежом, правилах и регламентах, предварительная подготовка студентов к обучению за границей;
- прием абитуриентов: организация языковых курсов для иностранных студентов, наличие критериев приема иностранных граждан и студентов в рамках обменов;
- результаты обучения: признание результатов освоения учебных курсов в зарубежном вузе, подписание трехсторонних соглашений «студент – направляющий вуз – принимающий зарубежный вуз», разработка признанного на международном уровне приложения к диплому;
- работа с выпускниками: трудоустройство выпускника на международном рынке труда; уровень владения иностранными языками и транскультурными навыками; регулярная и активная связь вуза с выпускниками прошлых лет и отслеживание их карьеры; корректировка содержания дисциплин по запросам работодателей.

Раскрывая суть понятия «глобализация образования» Р. Робертсон указывает, что «концепция глобализации относится как к компрессии мира, так и к интенсификации осознания мира как целого ... к конкретной глобальной зависимости, так и к осознанию глобального целого в двадцатом столетии» (Цит. по Фурс В. Н., 2000. С. 129). Подобного подхода придерживаются В.Ф. Галецкий, А.А. Овсянников, Н.М. Римашевская (2002) считающие, что глобализация — это «взаимодействие государств, народов, этносов, социальных общностей в единой системе отношений на планетарном уровне».

«Глобальное образование» охватывает три уровня образования: планетарный, на котором происходит взаимодействие национальных систем образования, формируются межгосударственные и межрегиональные связи, разрабатывается политика международного сотрудничества; уровень конкретных систем образования и учебных заведений, в которых развиваются планетарное мышление и сознание, приверженность идеям глобального образования; на уровне технологий и организации процесса обучения, включая разработку современных образовательных стандартов, информационных и обучающих технологий, подходов к оценке качества образования на разных его ступенях (Дерзаев С.В., 2013).

Анализируя различия между глобализацией и глобальным образованием в современном мире, С.В. Камашев и Т.С. Косенко выделяют два направления глобализации образования. Первое направление – маркетизация, означающая применение экономического подхода к построению академического процесса, обусловленное необходимостью поиска собственных источников дохода, а также инвестициями бизнеса и международных финансовых институтов в стандартизацию образования и создание обучающих программ для профессионального обучения. Большинство современных образовательных систем основываются на доктрине развития рыночной экономики либерального типа, в которой образование рассматривается как фактор производства, влияющий на производительность, а также на возможность привлечения капиталов, развитие конкуренции и создание рабочих мест. Уменьшаются затраты на образование, которые обеспечиваются государством, вводятся рыночные механизмы и ценности, при подготовке кадров предпочтение отдается рыночным экономическим целям

Другое направление связано с гуманитарной функцией образования и касается миссии устранения базовой неграмотности, признаваемое ЮНЕСКО основным средством для борьбы с бедностью в развивающихся странах, экономическим неравенством и способом предотвращения гражданских войн (Камашев С.В. и Косенко Т.С., 2012, с. 127).

Что касается «глобального образования», то в настоящее время наибольшую известность приобрели две модели, авторами которых являются американцы Р. Хенви и Э. Боткин. Согласно взглядам Р. Хенви, суть глобального образования состоит в осознании неоднородности восприятия мира и экологических проблем планеты, понимании культуры других народов через призму диалога культур, осознании глобальной динамики развития мировой цивилизации, осознанном выборе пути дальнейшего развития (Хенви Р., 1994, цит. по Камашев С.В. и Косенко Т.С., 2012). По мнению авторов, образование является одной из важнейших основ, призванных помочь каждому человеку гармонично вписаться в систему взаимосвязей на культурном, социальном, экономическом и других уровнях современной жизни.

Главная идея модели Э. Боткина заключается в необходимости перехода каждого индивидуума от бессознательного приспособления к миру на позиции активной и осмысленной социализации, осознанной готовности к разрешению новых, ранее не встречавшихся в его жизни ситуаций, предвидения и прогнозирования событий и их последствий, личной инициативы в определении альтернатив, готовности принятия ответственности за те или иные решения, а также в развитии способности к активному сотрудничеству, диалогу и взаимопониманию (Ильин И.В., Урсул А.Д., 2010). Таким образом, приоритетной задачей данные ученые считают формирование взгляда на мир как единое целое, в котором благополучие каждого находится в прямой зависимости от благополучия остальных. Воспитание умения адаптироваться в происходящих явлениях социокультурной асиммилляции стран и народов является основным элементом в определении сущностных характеристик концепции «глобального образования» (Гасанов З.Т., 1999, с. 32).

В результате дискуссий сформировались два противоположных подхода, согласно одному из которых глобализация образования является благом, а другому, напротив, – всеобщим злом.

Те, кто относятся к глобализации позитивно, рассматривают ее как один из способов выровнять мир, развивая сотрудничество, облегчая взаимодействие, увеличивая масштабы торговли образовательными услугами на взаимовыгодных условиях, распространении передовых технологий, возрастании конкуренции и повышении стандартов качества и видят в ней такие положительные стороны, как обеспечение равных возможностей для всех, культурного обмена и преодоления пережитков национальной изоляции. Глобализация для сторонников данной концепции – дальнейшая ступень развития интернационализации, выступающая общей концепцией и специфическим взглядом на мир, на исторический процесс в целом.

Сторонники данного подхода (например, Peach M. 2001, Sartania V. 2001) исходят из того, что глобализация – это неизбежный феномен, объективно обусловленный, имеющий в основном позитивную направленность и перспективы. Таким образом, глобализация рассматривается как концепт, позволяющий человеку или организации участвовать в большем количестве взаимодействий, что создает эффект уравнивания и за счет уменьшения стоимости и увеличения скорости коммуникации облегчает обмен, кооперацию и демократизацию.

Те, кто воспринимают глобализацию с негативных позиций, рассматривают ее как отдельно существующий физический феномен или силу, наводящую страх, рождающую зависимость и неравенство, неолиберальную по сути, стимулирующую коммерциализацию и неподконтрольную какому-либо отдельному государству или институту высшего образования. Они придерживаются точки зрения, согласно которой «глобализация представляет собой комплекс экономических, политических и социальных стимулов, вынуждающих систему высшего образования XXI века к большему участию в международных процессах, большей международной включенности». «Пессимисты» обращают внимание на негативные последствия глобализации, неготовность многих государств к участию в этом процессе и отсутствие такой необходимости. По их мнению, национальная специфика «заглушается» неодолимой силой рынка, глобализация не привязана к прошлому, традициям страны (Акулич М.М., 2005). Так, П. Скотт пишет, что «глобализация – возможно, самая главная

проблема, вставшая перед университетом за всю его долгую историю ... » (Scott P, 1998).

Таким образом, во втором случае глобализация воспринимается как скрытая неконтролируемая сила, определяющая правила игры, ограничивающая возможности вузов и населения, и в конечном счете как сила, носящая антидемократический характер, что, таким образом, определяет ее антагонистический характер по отношению к интернационализации, построенной на понятиях сотрудничества, обмена, уважения к культуре других народов и справедливости.

Одним из главных преимуществ обменных программ является их возможность осуществлять так называемое непрерывное образование, представленное в документах ЮНЕСКО в качестве «основного принципа образовательных политик на будущее» и позволяющее индивиду получать образование и изменять свои профессиональные компетенции в течение всей жизни. В реализации непрерывных образовательных технологий особенно продвинулись развитые в научно-техническом отношении страны, где предпринимались попытки научного обоснования различных подходов к построению систем непрерывного образования и совершались практические шаги к их развитию.

Важную роль в концепции непрерывного образования играет неформальное образование, позволяющее интегрировать различные формы образовательно-воспитательной деятельности на основе сотрудничества и взаимодействия различных образовательных учреждений со всеми неформальными сферами образовательной деятельности, к числу которых исследователи относят локальные социумы, средства массовой информации, рекреационные и культурные учреждения (Жукова Л.В., 1994).

Под неформальным образованием понимается «...любая организационная систематичная образовательная деятельность, осуществляемая за пределами традиционной образовательной системы, с целью обеспечить определенные формы обучения для определенных групп населения...» (The International Encyclopedia of Education, 1985) и отличается нетрадиционным подходом к организации учебно-познавательной деятельности, высокой степенью гибкости и разнообразия форм; тесной связью с производственной и социально-культурной средой, всемерным стимулированием самообразования, самовоспитания и саморазвития человека; обращенностью к любым профессиональным, социальным, этническим, возрастным группам. П. Кумбс и М. Ахмед

раскрывают содержание понятия неформальное образование, как организованную, систематическую образовательную деятельность, приводящуюся за пределами формальной образовательной системы, для обеспечения заданных видов обучения по отношению к специальным подгруппам населения, взрослым и детям (Цит. по Макареня А.А., Ройтблат О.В., Суртаева Н.Н. 2011, с.61).

Неформальное образование способствует усилению социализации личности, формированию ее индивидуальной неповторимости и, следовательно, отвечает объективной общественной потребности в новой стратегии образования. Таким образом, можно считать, что программы молодежного обмена, реализуемые вне системы академической мобильности являются воплощением концепции неформального образования.

По проблемам неформального образования имеется значительное число публикаций, среди которых следует отметить работы Eaton S. (2010), Scribner, S., Cole, M. (1973), Lave, J. and Wenger, E. (1991), Colley H., Hodgkinson Ph., Malcolm J. (2002), Eraut, M. (2000), Livingstone, D.W. (2001), Billett, S. (2001), Feutrie M. (2007), Coombs, P. (1968, 1985), Coombs, P., Ahmed, M. (1974), Fordham, P. E. (1993), Graham-Brown, S. (1991), McGivney, V. and Murray, F. (1991), Rubenson, K. (1982), Tight, M. (1996) и др. Полученные данные свидетельствуют о том, что неформальное образование может давать такие же, если не лучшие результаты, как и формальное образование, при наличии четкой цели, внутренней мотивации и способности к саморегулируемому обучению.

Российскими исследователями Жилиной А.И. (2012), Новиковым А.М. (2007), Ледневым А.С. (1988), Беляевой А.П. (1997), Дмитриевым Г.Д. (1999), Никандровым Н.Д. (2006), Гребенщицкой Е.Г. (2011), Скворцовым В.Н. (2012), Колесниковой И.А. (2001), Краевским В.В. (2000), Стариковой О.Г. (2011) и др. в разное время рассматривались вопросы, касающиеся развития непрерывного образования, в том числе роли университетов в непрерывном образовании населения, «третьей миссии» университета, особенностей формирования у детей необходимых для успешного и самостоятельного обучения учебных навыков, взаимосвязи школы и ВУЗа, дифференциации и индивидуализации обучения в различных типах учебных заведений, модернизации последиplomного и неформального образования и др.

Однако в работах указанных авторов неформальное образование не выступает специальным предметом исследования. Несмотря на то, что концепция неформального обучения постоянно находилась в поле зрения отечественных исследователей, до сих пор основное внимание уделялось лишь «открытому обучению», которое рассматривалось как тождественное неформальному обучению. Отдельные формы неформального образования взрослых были проанализированы Сорокоумовой Г.Д.

Вышеуказанные исследователи рассматривали неформальное образование с точки зрения организации, содержания, форм и методов обучения. В литературе, имеющейся по данной проблеме, отсутствует анализ неформального образования как социального института, феномена социализации. Практически не исследованы социальные предпосылки развития неформального образования, а также социальные эффекты, значимость и результаты внедрения его в российскую систему образования.

Исследование результатов внедрения методики неформального обучения как в развитых, так и в развивающихся странах за последнее время показывают, что именно неформальное образование является подлинно демократичным, так как представляет возможность получения образования всем желающим, независимо от возраста пола, социального положения и места жительства.

Молодежь, выступая эмпирическим объектом нашего исследования, является социально-демографической группой, члены которой обладают как общими чертами, так и специфическими особенностями, обуславливающими ее неоднородность и социальную дифференцированность. Молодежной проблематике посвящено значительное количество исследований, в том числе в рамках специальной социологической дисциплины – социологии молодежи. Особенности социального положе-

ния молодежи, ее роль и место в воспроизводстве общества и социальной структуре анализировались в работах С. Айзенштадта (1973), И.В.Бестужева-Лады (1984, 2002), М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги (2010, 2014), А.В. Дмитриева (2000, 2002), С.Н. Иконниковой (1974, 1985), А.И. Ковалевой, В.А. Лукова (1999, 2007), И.С. Кона (1967, 1980, 1988), В.Т. Лисовского (2000, 2003), К. Мангейма (1994), Ф.Р. Филиппова (1977), М.Н. Руткевича (2002), В.В. Маркина (2009), А.С. Орлова (1995), А.В. Мудрика (2006), Б.А. Ручкина (2012), Ж.Т. Тощенко (1998), Ю.Г. Волкова (2001), М. Титмы (1982, 1986), В.Г. Харчева, В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок (1994, 1998, 2000) и др.

Проблемам социальной интеграции и становления социальной субъектности молодежи в условиях «общества риска» и «текущей современности», изучения механизмов предотвращения влияния факторов риска на жизнедеятельность молодежи посвящены работы В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок, К. Уильямса (2001), А.Б. Арже-новского (2005), А. Биггарта, У. Уалзера (2006), У. Бека (2000), Э. Гидденса (2004). Авторами (например, в работе Ю.А. Зубок, О.В. Сорокина, 2010) отмечается, что в современных, динамично развивающихся обществах механизмы включения молодежи в общественную жизнь претерпевают существенные изменения, обусловленные ростом социальной неопределенности, ослаблением институционального влияния на молодое поколение. В частности, расширяются возможности свободного самоопределения и выстраивания собственных жизненных стратегий, что придает международной деятельности молодежи спонтанный характер.

В подобных условиях особую роль приобретает осмысление взаимоотношений молодежи и государства, смены парадигм молодежной политики. Работы В.В. Павловского (1999), Б.Б. Гусева (2007), Золотухина Д.С. (2003), Ермолина А. (2008), Чадаева А. (2007), Левитской А.О. (2008) посвящены молодежной политике как системной деятельности государства и общества в отношении молодого поколения. Основным направлениям и формам государственного регулирования взаимоотношений с молодежью, обобщению и комплексному анализу современных и исторических проблем реализации молодежной политики в России и за рубежом, особенностям регионализации молодежной политики посвящены работы И.М. Ильинского (1999, 2001), Б.М. Айзенкопа (2003), Ю. Коргунюка (2000), Б.А. Ручкина, В.А. Родионова, А.В. Пыжикова (2001), А.П. Скрובה (1998), В.И. Супруна (2002), Г.В. Куприяновой, В.В. Нехаева, О.В. Татарина (2002), В.К. Криворученко (2013), В.А. Родионова (1998), В.В. Касьянова (2010), С.С. Гиль, С.А. Осинцевой (2003), О.А. Рожнова (2011), Г.А. Лукс (2001). Проблемы инновационных стратегий, совершенствования современной молодежной политики, ее перспектив и приоритетных направлений, проблем реализации раскрываются в трудах таких авторов, как П. Данилин (2006), А.В. Шаронов (1993, 2004), А.Н. Тесленко (2006), В. Динес, В. Третьяк (2005), А.Ю. Ховрин (2007), В.П. Логвиненко (2008), С.П. Иваненко, А.Ж. Кусжановой (2005) и др.

Многими исследователями молодежи подчеркивается существование различных подходов (дискурсов) о предназначении молодежи, ее роли в социокультурных процессах. Содержание данного дискурса, по мнению некоторых авторов (Омельченко Е.Л. 2006, Костерина И. 2010, Смирнов В. 2011, и др.), является определяющим для определения предмета молодежных исследований, формулирования целей и методов молодежной политики государства, реакции общества на ее поведение.

Так, в рамках *биополитического подхода*, молодежь представляется как социальная проблема, обусловленная биологическими и социальными особенностями молодежи, что приводит к ограничению ее свободы в действиях, тотальном контроле социализации и воспитания со стороны государства. Молодые люди, не вписывающиеся в общепринятые нормативные рамки, маркируются как девиантные, к ним применяются специфические меры социального контроля. Характерная для данного подхода модель молодежной политики определяется как «*модель управляемой социализации молодежи*», основывающаяся прежде всего на поколенческих теориях молодежи и понятии социализационной нормы, выступающей важнейшим ориентиром и объектом для реализации молодежной политики (Смирнов В.М., 2011).

Другой моделью восприятия молодежи является *ресурсно-ориентированный подход*, в рамках которого молодые люди рассматриваются как важнейший ресурс общества, как группа граждан со своими правами и специфичными для их возраста возможностями. В том случае, если у государства наблюдается *утилитарное* отношение к молодежи как ресурсу для достижения каких-либо политических решений, оно проводит «мобилизационную молодежную политику», направленную на резкое преодоление молодежного транзита для резкого обновления социальной структуры. В рамках *ресурсно-ценностного направления*, молодежная политика определяется как механизм для социального развития молодежи. В таком случае осуществляется поддержка молодежных инициатив и молодежи предоставляются возможности для ее социального становления, реализации жизненных перспектив и инновационного потенциала. При этом молодежь является не пассивным реципиентом мер социальной политики, а активным субъектом социальных изменений, оказывающих существенное влияние на жизнь общества (Смирнов 2011).

Обобщая зарубежный опыт молодежной политики, Зеленин А.А. выделяет следующие две основных модели – консервативную (либерально-консервативную) и социал-демократическую. В рамках первой государственная помощь оказывается только «неблагополучным» категориям молодежи при жестком контроле расходования средств и отборе категорий, получающих привилегии. Вторая модель предполагает признание за государством ответственности за социализацию и интеграцию молодежи в обществе и охват не только отдельных групп, но всей молодежи в целом, разработку социальных программ, доступных для всех категорий молодых людей. В социал-демократической модели акцент ставится на развитии молодого поколения, повышении его образовательного уровня, формировании навыков социальной компетентности и т.д. Автор обращает внимание на взаимосвязь между двумя моделями молодежной политики: социал-демократический подход обычно сочетается с традициями сильного местного самоуправления и государственного доминирования (интервенционизма), тогда как либерально-консервативная стратегия молодежной политики развивается в логике паритетного подхода (Зеленин А.А., 2008).

Происходящие в российском обществе трансформации общественных отношений, формирование нового типа взаимодействия между гражданским обществом и государством также обусловили переход от патерналистской модели молодежной политики к паритетной модели, в которой молодежь, наряду с государством и институтами гражданского общества выступает активным субъектом общественно-политических процессов, несет ответственность за будущее развитие общества. В

полной мере данная модель может быть осуществлена в условиях подлинно демократического общества и правового государства, где каждый член общества имеет реальную, основанную на конституционно закрепленных правах, возможность оказывать влияние на государственную политику, принимать участие в принятии важных управленческих решений, в том числе и на международном уровне.

На международном уровне ведущая роль по определению принципов и приоритетов молодежной политики, ее основных направлений реализации на национальном уровне принадлежит ООН, руководствующейся в своих действиях международной правовой основой в области молодежной политики. Международное молодежное право, по определению А.А. Зеленина, представляет собой «комплексную систему норм, регулирующих отношения по поводу реализации деятельности международных, национальных структур, направленную на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации молодежи, развития и функционирования молодежных объединений, инициатив, для реализации прав, свобод, законных интересов молодежи» (Зеленин А.А., 2008, с.20).

Результаты осуществления молодежной политики напрямую зависят от компетенций, возможностей и интересов реализующих ее субъектов. Традиционно молодежная политика является самостоятельным направлением в деятельности государства и его специальных образовательно-воспитательных институтов в лице ведомств и структур, курирующих сферу науки, образования, молодежной политики, спорта и туризма. Одновременно с этим в реализацию молодежной политики вовлекаются многочисленные негосударственные, общественные организации и учреждения, берущие на себя часть функций по воспитанию и просвещению молодого поколения. Таким образом, можно говорить о существовании государственной и общественной молодежной политик, субъектами которой выступает государство и его структуры, либо партии, профсоюзы, молодежные движения, объединения и организации. Цели и приоритеты осуществляемой политики в отношении молодежи не всегда совпадают, в противном случае возникает негативное явление, которое условно говоря, можно назвать «борьба за молодежь», когда молодые люди используются в качестве средства для реализации политических амбиций политических игроков, продвижения определенных идей и взглядов.

Общей тенденцией развития молодежной политики в западноевропейских государствах является переход от помощи отдельным наиболее уязвимым категориям молодежи к социальным программам, охватывающим большинство молодых людей. Подобная переориентация обусловлена приходом к власти социал-демократических правительств, выдвинувших и развивших идею о признании ответственности государства за интеграцию всей молодежи в общество. Для Западной Европы характерна также развитая система представительства молодежных организаций при государственных органах (там же, с.22).

На региональном уровне все больше набирают силу процессы децентрализации государственной власти. Применительно к молодежной политике децентрализация позволяет учесть социальные, экономические, культурные различия в развитии отдельных регионов. В большинстве стран сегодня осуществляется переход от ресурсно и проблемно ориентированной молодежной политики к интегрированному подходу в ее реализации.

В ходе реализации любых программ молодежного обмена, будь то программы академической мобильности или программы, реализуемые в рамках национальной или международной молодежной политики, актуализируется потребность в овладении знаниями о нормах и принципах межкультурного общения, национальных особенностях поведения, формировании коммуникативных и культурных компетенций.

Анализ различных аспектов межкультурных взаимоотношений является междисциплинарной проблемой, рассматриваемой в русле культурологии и социолингвистики (В.И. Беликов, Л.П. Крысин 2001), этнопсихолингвистики (В.П. Белянин 2000, Л. Вежбицкая 2001, Л.Г. Веденина 2000, В.А. Пищальникова 2007, И.Н. Горелов, К.Ф. Седов 2001, Д.Б. Гудков 2003, В.В. Красных 2002) лингвокультурологии (И.А. Анашкина 1994, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров 1980, В.И. Карасик 1996, В.А. Маслова 2001 С.Г. Тер-Минасова 2000), а также социальной психологии (Г.М. Андреева, Н.А. Косолапов), этнопсихологии (Стефаненко Т.Г. 1999, Крысько В.Г. 2002, Платонов Ю.П., Бандурка А.М., Друзь В.А. 2000), этносоциологии (Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. 1999) и других дисциплин.

Национальная ментальность, лежащая в основе межкультурной коммуникации, может быть исследована, прежде всего, через анализ языка, выступающего в качестве важнейшего средства ее идентификации и представляющий предмет исследований Ю.Д. Апресяна (1995), Т.М. Баталовой (1989), А.Я. Варга (1996), А. Вежбицкой (2010), Данилевич А.И. (2014), И.Г. Дубова (1993), С.В. Игнатъевой (2013), В.Т. Клокова (2001), Леонтьева А.А. (1977), Летаевой Л.А. (2006), Манекина Р.В. (1992), Р.П. Мильруда (1997), Ю.Е. Прохорова (1997), З.В. Сикевич (1999), Ю.А. Сорокина (1994), Титовой П.А., Чибисовой О.В. (2011). Истоки и парадигмы исследования социальной коммуникации исследованы в работе Ф. И. Шаркова (2001).

Термин «межкультурная коммуникация» был введен Эдвардом Холлом и Джорджем Трегером в середине 50-х годов XX века (Словарь по межкультурной коммуникации ... 2010, с. 70). В научной литературе также используются близкие по значению, но не синонимичные термины «кросскультурная коммуникация», «межкультурное общение» и «межкультурное взаимодействие» (Утехина А.Н. 2011, с. 15-20).

Согласно утвердившейся точке зрения, межкультурная коммуникация, в отличие от обычной коммуникации, характеризуется принадлежностью субъектов коммуникации к разным культурам. Культурные различия в моделях общения и поведения, ценностях и убеждениях вызывают вероятность ошибок в восприятии того или иного сообщения, иными словами - коммуникативных неудач (Шейна И.М. 2010, с. 10). Между тем, несмотря на кажущуюся простоту, существует значительное количество определений межкультурной коммуникаций. Вот некоторые из них:

- «Межкультурная коммуникация - адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» (Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. 1990, с. 26).
- «Коммуникация межкультурная – процесс общения и взаимодействия, осуществляемый между представителями различных культур или культурных сообществ» (Садохин А.П. 2009, с. 277).

- Межкультурное общение – “функционально обусловленное коммуникативное взаимодействие людей, выступающих носителями разных культурных сообществ в силу осознания ими и другими людьми их принадлежности к разным геополитическим, континентальным, региональным, религиозным, национальным, и этническим сообществам, социальным субкультурам” (Сафонова В.В., 2002).

- “Межкультурное взаимодействие – сознательный и динамический процесс взаимопонимания в ходе осуществления участниками межкультурного диалога различных видов деятельности, способствующий их взаимообогащению и развитию” (Утехина, с. 19).

Как отмечает S. Ting-Toomey (1999), межкультурная коммуникация происходит в том случае, когда индивиды, испытывающие влияние различных культурных сообществ обмениваются определенными значениями и смыслами в ходе взаимодействия. То, что считается или не считается межкультурной коммуникацией, отчасти зависит от того, что подразумевается под «культурой», при этом может подразумеваться весьма широкий спектр социокультурных явлений. Так, некоторые ограничивают референцию термина «межкультурная коммуникация» только взаимодействиями индивидов, принадлежащих к различным национальностям (например, Gudykunst W.B. 2003). Другие, напротив, расширяют данное понятие, включая туда не только межэтнические, но и межрелигиозные, межрегиональные коммуникаций, а также коммуникации между представителями различных субкультур, профессиональных и гендерных ориентаций (Martin, J. N., Nakayama, T. K. 2007; Samovar L. A., R. E. Porter 2004). В этом смысле, любые взаимодействия могут быть расположены на континууме «межкультурности» (Gudykunst, W. B., Kim Y.Y., 2003).

Проблематика межкультурного взаимодействия тесным образом связана с проблематикой идентификации с культурными сообществами. Наиболее межкультурными взаимодействия становятся в том случае, когда групповые идентичности индивидов являются «ведущими» (salient) в определении ценностей, предрассудков, невербального поведения, стилей взаимоотношений, в соответствии с которыми индивиды выстраивают общение. В случае, если коммуниканты в большей степени ориентируются на личные или идиосинкразические ценности, личностные черты и опыт, взаимодействие может быть охарактеризовано скорее как межличностное, нежели чем межкультурное. Когда люди с различным культурным багажом становятся ближе, их взаимодействия обычно переходят из области межкультурных в область межличностных, хотя межкультурные элементы могут по-прежнему играть важную роль. Для случайных или деловых коммуникаций, сензитивность к межкультурным факторам является ключевым элементом успеха.

Перспективы межцивилизационного диалога и механизмы межкультурных коммуникаций в поликультурном пространстве постиндустриального общества, в том числе связанные с возрастанием конфликтности в современном обществе отражены в работах Н.В. Бордовской (2001), Л. А. Воловой (2005), М. Г. Вохрышевой (2001), Н. К. Иконниковой (1995), В. В. Макаевой, З.А. Мальковой (1999), Е.А. Мухлио (2005), И. Н. Розиной, Л.Л. Супруновой (2003), Н.С. Triandis (1983), А. Турена (1986), С. Хантингтона (2003), В.Е. Черниковой (2005), Г. Шеренги (2001), Т. Г. Шершневой, Т. Eliot (1962) и других ученых. Авторами подчеркивается, что носители различных культур включаются в общие социальные и экономические сети,

вступают в разнообразные взаимосвязи. В работах В.С. Библера (1989), М.С. Кагана (1995), А.Г. Ионина (1998), Э.Д. Орловой (1993) и др. описываются сложности организации межкультурной коммуникации.

В 90-е годы XX века С. Хантингтон дискутировал о возможностях возникновения третьей мировой войны – войны цивилизаций, основанных на различных культурных традициях, подчеркивая убывающую роль политических и экономических факторов. Возникновение конфликтов между различными этносами придает особую актуальность вопросам понимания культуры и ее значения для стабильного функционирования современной цивилизации.

Одной из важнейших предпосылок межкультурных взаимодействий является диалогическая сущность культуры. Классиком теории диалога считается М. Бубер (1992) в том числе диалогу как способу разрешения конфликтов в мультикультурной среде посвящены работы Ю.А. Сорокина (1994), В. А. Сухарева (1997), Э. Эриксона (1996), В. В. Шалина (2000) и мн. др.

Проблемы диалога и межкультурного взаимодействия, механизмы символического обмена, формирования компетенций межкультурного взаимодействия между различными этносами, нациями, цивилизациями, межкультурной адаптации рассматривали Г. Коэн (1986), Е. Griffin (2000), С. Hogan (2007), К. Леви-Стросс (1997), W. Gudykunst (2003), Н. Ellingsworth (1983), Y. Kim (1995), W. Messner, N. Schäfer (2012), B. Spitzberg (2000), L. A. Samovar, R. E. Porter (2000), R. Wiseman (2003), M. Lustig, J. Koester (2010). Ю. Хабермас (2000, 2006), С. Хантингтон (2003), В. А. Шапинский (1990) Т.М. Дридзе (1996), В. С. Библер (1989), И.И. Кравченко (1995), М.М. Бахтин (1975), С. Н. Артановский (1994), С.А. Арутюнов (1989), С.Г. Ларченко, С.Н. Еремин (1991), и другие.

Межэтнической интолерантности, медиации этнических конфликтов посвящены работы Ph.K. Bock (1970), P.P. Валитовой (1996), Л.М. Дробижевой (2009), M. Cole, J.S. Bruner (1971), B. Hansel (1993), Gudykunst, William B., & M.R. Hammer. (1988). В. Шнирельмана (2000) и других. Проблемы национальных особенностей и порождаемых ими специфических «национальных картин мира», трудности в осуществлении кросскультурных связей освещаются в исследованиях Алексеевой В.А. (2001), Е.И. Горошко (2001), Б.В. Дашиевой (1999), Т.С. Корнеевой (2001), З.Б. Прытковой (2001), И.А. Юрьевой (2008) и др.

Каждая национальная (локальная) культура отчасти является замкнутым и самодостаточным миром, сквозь который происходит восприятие других (чужих) культур. Культурный образ чужой культуры может не рефлексироваться и не осознаваться, до тех пор, пока это возможно. В этих условиях диалог отсутствует, сохраняется лишь монолог «своей» культуры (Царева М.А. 2006). Однако в современных исследованиях все большее место уделяется не самому процессу межкультурной коммуникации и культурного «другого», а тем парадоксам и противоречиям, которые при этом возникают.

Поиски культурной политики, релевантной требованиям времени, характерны для многих поликультурных обществ и других культур. В этой связи актуализируются изучения сущности и специфики культур, механизмов межкультурного диалога, возможности гармоничного содружества представителей различных этносов, религий и конфессий, культурных ценностей и традиций.

Сложность и противоречивость межкультурных взаимосвязей в процессе глобализации раскрывается в работах К.П. Боришпольца (2001), Ю.С. Борцова (1996), А.А. Зотова (2000) и других. Сущность модернизационных процессов анализируется в классических социологических работах М.Вебера (1990), Б. Мура (1984), Ч. Тилли (2009), Т. Скочпола (1979), К. Полањи (2002), М. Манна (1993), которые в основном связывали модернизацию с экономическими процессами.

Проблематика российской модернизации, в том числе взаимодействия традиционного и инновационного, эндогенного и экзогенного в российской культуре, роли национальных ценностей и традиций в выборе реформационных путей развития России актуализированы в трудах А.С. Ахиезера (1996), Г.А. Ашина (1995), О.В.Гамана (1995), Н.Н. Зарубиной (1995), А.А.Кара-Мурзы (1995), Л.П. Орленко (2010), Г.Г. Малинецкого (2010), И.И.Кравченко (1995), Д. Морозовой (2011), Астафьева О.Н., Савинков В.И. (2013), А.В.Шестопада (1995). В данных работах поднимается проблема создания благоприятной коммуникативной среды при ведении межкультурных обменов, приобретающей особую остроту в условиях чрезвычайной межэтнической напряженности и высокого уровня конфликтности в мире.

Этнические и национальные культуры как сложные, многоаспектные модальности коллективного существования людей, являются предметом изучения для многих научных дисциплин, в которых с помощью различных теоретико-методологических подходов исследуются различные аспекты этих социокультурных феноменов.

Несмотря на то, что количество публикаций по данной теме постоянно нарастает, вопросы целостной характеристики межкультурных обменов остаются недостаточно исследованными. Недостаточно полно проанализированы социальные взаимодействия и коммуникации в межкультурных обменах, определены практические пути и способы преодоления «коммуникативных барьеров», неизбежно возникающих в процессе взаимодействия культур. Под влиянием новых информационных технологий весьма важным, на наш взгляд, является трансформация нравственных приоритетов в обществе, поликультурное воспитание в условиях мультикультуральности.

Интенсивные и эффективные межкультурные коммуникации, в том числе осуществляемые посредством институционально организованных культурных программ и мероприятий, таких как молодежные обмены, являются неотъемлемым элементом современной внешней политики большинства развитых стран. После катастрофических по последствиям попыток доказать свое мировое лидерство путем «жестких», преимущественно связанных с навязыванием экономических, политических траекторий развития либо удержания союзников в страхе путем демонстрации военной мощи, у ведущих мировых держав наступило понимание того, что плодотворное сотрудничество может быть построено гораздо эффективнее посредством «мягких» дипломатических стратегий и практик.

Международное лидерство все больше определяется способностью государства «направленно развивать» своего соседа или конкурента. Реализация такого лидерства сегодня невозможна без опережающего развития человеческого потенциала – основы формирования новой экономики знаний, информационного общества (Богатуров А.Д., 2006). Появление нового, приоритетного в информационную эпоху геостратегического объекта в дополнение к существовавшим со времен

аграрного общества (территории) и со времен индустриального (экономическим, в том числе энергетическим ресурсам) потребовало изменения методов и инструментария международной политики (Костырев А.Г., 2013).

В практике международных отношений существует понимание того, что обладать властью, «силой» означает влиять на другого таким образом, чтобы он действовал определенным образом, не имея возможности действовать иначе. «Жесткая сила» основывается на стратегиях принуждения – военной интервенции, принудительной дипломатии и экономических санкциях как средстве реализации национальных интересов (Art 1996; Campbell and O'Hanlon 2006; Cooper 2004; Wagner 2005). В отличие от принудительной силы, «мягкая сила» означает способность убедить других поступать определенным образом.

Концепт «мягкой силы», впервые введенный в научный и практический оборот Джозефом Наем, известным американским политологом бывшим председателем Национального совета по вопросам разведки, помощником министра обороны в администрации Балла Клинтона в 1990 году и развитый им в последующих работах, стал одним из центральных аналитических категорий в дискуссиях последнего десятилетия о международной политике. Дж. Най определяет «мягкую силу» как «способность получить желаемое посредством убеждения и привлечения, нежели через принуждение» (Nye 1990). В этом понятии сводятся воедино практические все способы и приемы международного влияния, не имеющие отношения к экономической или военной мощи (Cooper 2004).

С соответствии с концепцией Дж. Ная, According to his theory, власть (сила) представляет собой континуум действий, дифференцированных по «жесткости-мягкости»: Приказ (Command) – Принуждение (Coercion) – Побуждение (Inducement) – Формулирование повестки дня (Agenda Setting) – Привлекательность (Attraction) – Включенная власть (Co-optive Power). Командная власть, представляющая собой способность влиять на действия людей, основывается на принуждении и побуждении. Под кооптивной (включенной) властью Дж. Най понимает способность корректировать намерения на основе привлекательности определенной культуры и идеологии и способности манипулировать репертуаром политических действий таким образом, что объекты влияния не решаются выразить некоторые мнения, поскольку уже не считают их приемлемыми и целесообразными. В отечественной парадигме мягкая сила – это направление внешней политики, которое заключается в создании благоприятной информационно-психологической среды для достижения конкретных внешнеполитических и внешнеэкономических целей (Костырев А.Г., 2013).

«Мягкая сила» – это «способность государств привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации своих культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов» (Nye J. 2004, Торкунов А.В. 2012). Данная стратегия включает в себя, прежде всего, такие инструменты позиционирования страны на международной арене, как экспорт образования, продвижение языка и распространение национальных культурных ценностей.

Появление в научной литературе категории «мягкая сила» стимулировало бурный рост исследований, посвященных как теоретическим аспектам, так и срав-

нительному анализу наличия и потенциала «мягкой силы» разных стран мира. Наиболее интенсивно и результативно разработкой данной проблематики занимаются западные исследователи, в ряду которых особо можно выделить работы классика теории международных отношений и автора термина «мягкая сила» Дж. Ная (Nye, J., 1991; 2005; 2008), исследования Н. Калла (Cull N., 2009), Р.Захарны (Zaharna R., 2007; 2012), М. Леонарда, К. Стеда, К. Смивинга (Leonard M., Stead C., Smewing C. 2002), Д. Ронфельда, Дж. Аркилла (Ronfeldt D., Arquilla J., 2009).

Концепция «мягкой силы» реализуется в той или иной степени во всех демократических государствах. При этом государственная власть не перестает быть суверенной, ни в коем случае не отказывается от органичного соединения в своих действиях политики и права. Концепция «мягкой силы» означает не отказ от основополагающих функций государственной власти, а более гибкое и оперативное (в первую очередь, законотворческое) реагирование власти на изменения общественного мнения в стране и еще более четкие и эффективные действия власти в интересах граждан своей страны.

Рассматривая процесс целенаправленного информационного влияния на определенные группы людей, теоретики «мягкой силы» особо выделяют роль программ международных обменов. Опыта, приобретаемый человеком в ходе пребывания за границей, в инокультурной среде, подробно анализируется психологами, культурологами и представителями других дисциплин в рамках изучения представителей элит. Предполагается, что «мягкое» информационное и культурное воздействие на сознание этой аудитории способно изменить направленность и содержание межгосударственных отношений между странами, участвующими в обмене (Фоминых А., 2008).

«Мягкая сила» может быть накоплена разными способами, которые условно говоря можно свести к двум стратегиям: естественной и искусственной. Естественный путь предполагает реализацию привлекательной для мирового сообщества внешней и внутренней политики, направленной на улучшение качества жизни граждан страны, создание перспективной экономической модели, активное участие в решении глобальных мировых проблем. В этом случае, авторитет государства на мировой арене неуклонно повышается, его система ценностей и деятельность начинают восприниматься как удачная модель, одобрение и адаптация которой не вызывает недовольства других участников международных отношений. На практике следование лишь по пути «естественного» наращивания «мягкой силы» не всегда приводит к ожидаемым результатам вследствие наличия неодинаковых возможностей у разных стран оказывать влияние на общественное мнение, формировать «стандарты поведения», основанные на собственной системе ценностей.

«Искусственный» путь наращивания «мягкой силы» предполагает целенаправленное проведение мероприятий по информированию иностранных аудиторий: подробное разъяснение политики своей страны, активное приобщение к своим культурным ценностям, отслеживание и реагирование на негативные оценки, проведение мероприятий по расширению информационного влияния на другие страны. В отличие от «естественного» «искусственный» путь является более активным и позволяет государству контролировать процесс наращивания «мягкой силы», при необходимости направляя и корректируя его. (Кривохиж, 2014).

Актуальность использования концепции «мягкой силы» во внешней политике России подчеркивается в публикациях С.В. Беспалова (2008), А.А. Казанцева и В.Н. Меркушева (2008), Д.Е. Фурмана (2010), Д. Тренина (2009) и других. Среди ученых зреет понимание того, что использование «мягкой силы» на постсоветском пространстве является необходимым для формирования позитивного имиджа России, ухудшаемого негативными стереотипами об экономической экспансии и неоимпериализме, активно поддерживаемых Западом, который считает Россию все более авторитарной и склонной мыслить категориями политического реализма и геополитики (Ваплер В.Я. и соавт. 2010). Использование потенциала «мягкой силы» способно помочь России избавиться от жесткой привязки политики в странах ближнего зарубежья к отношениям руководства России с их лидерами. Как отмечается в новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной в феврале 2013 г., понятие «мягкая сила» получило свое юридическое оформление как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии» (Косачев К.И., 2014).

Анализ научной литературы показывает, что эффективная политика «мягкой силы» обладает рядом признаков. Первым из них является наличие специализированных институтов, обеспечивающих устойчивость стратегии «мягкой силы», последовательность и регулярность действий, таких, например, как культурные центры, институты народной дипломатии, «дома дружбы» и др. Вторым элементом комплексной стратегии «мягкой силы» является диверсификация целевых групп, ориентация на работу как с правительственными организациями, институтами гражданского общества, отдельными гражданами. Критически важной для согласованной и последовательной работы всех элементов системы «мягкой силы» является нормативно-правовая база, которая обеспечивает прозрачность и устойчивость политики «мягкой силы» в странах-партнерах, а также благоприятные условия для осуществления отдельных действий. Для обеспечения открытости и формирования позитивного имиджа страны в международном пространстве необходимы эффективные системы информирования и PR-сопровождения. Все элементы стратегии «мягкой силы» должны быть согласованы и скоординированы. Эффективная политика предполагает комплексную реализацию всех направлений «мягкой силы»: культуры и продвижения языка; сотрудничества в образовательной и научно-технической сферах, налаживания деловых связей; развития общественной дипломатии, содействия международному развитию (молодежные обмены, деятельность НПО) (И.В. Лазутина, В.А. Нагорнов, М.Р. Рахмангулов, А.Г. Сахаров, А.В. Шелепов 2014).

Несмотря на пристальное внимание к преимуществам применения «мягкой силы», во многих исследованиях применимость понятия «мягкой силы» к международным отношениям часто ставится под вопрос (А. Фоминых 2008). Кроме того, ряд авторов, например, Н. Фергюссон, подвергают данную концепцию критике как неэффективную. По его мнению, субъекты международных отношений должны реагировать только на два типа стимулов – экономические и военные санкции. Кроме того, иногда очень трудно или совсем невозможно отличить последствия использования «мягкой силы» и других факторов.

В России на сегодняшний день доминирует критика концепции «мягкой силы», с позиций ее недостойного применения как манипулятивного средства реализации национальных интересов. С другой – становятся невостребованными поиски нормативного объединяющего идеала, способного сформировать ядро «мягкого» потенциала (Бурматов В.В., 2012).

Концепция «мягкой силы» нашла свое продолжение в виде концепции «умной силы» (smart power) Дж. Наю, который указывал на недостаточность использования одних только «жестких» или «мягких» методов принуждения для противостояния вызовам и угрозам современности. Под «умной силой» один из идеологов и консультантов Б.Обамы обозначил способность политического актора комбинировать элементы жесткой и мягкой силы для усиления эффективности реализации целей. По Дж. Наю, умная сила является «ни мягкой, ни жесткой», а скорее умелым сочетанием того и другого, предполагающим разработку комплексной стратегии, ресурсной базы и инструментария. Умная сила отличается от жесткой и мягкой сил, однако это не третья форма силы, а скорее метод, заключающийся в признании различных форм силы. Умная сила – это не просто политический концепт, применяемый для достижения консенсуса, это способ установления политической повестки дня с целью достижения желаемых целей. Для того, чтобы претворить в жизнь концепцию «умной силы», необходима соответствующая институциональная структура, партнеры и союзники. Кроме того, политика, ориентированная на использование «умной власти», она должна принимать во внимание следующие элементы

- целевые группы, в отношении которых политический субъект планирует применять власть, их внутренняя природа и условия развития. Власть не может быть «умной», если те, кто ею обладают, не владеют всеобъемлющей информацией;
- самосознание и понимание своих целей и возможностей, соответствия вторых первым;
- широкий региональный и глобальный контекст, в которых планируется осуществлять политику;
- инструменты, которые будут использованы, время и место, а также возможности их сочетания (Wilson E. J. 2008). Таким образом, «мягкая сила» зиждется на трех базовых элементах: 1) культуре, способная вызвать интерес у массовой аудитории, 2) привлекательных политических ценностях (внутри страны и вовне) и 3) легитимной внешней политике (действия данного государства должны обладать моральным авторитетом среди других государств). Другими словами, использование «мягкой силы» позволяет государству «создавать такое благоприятное международное окружение, в котором государство – носитель этой силы сможет реализовывать собственные интересы, не прибегая к прямому, жесткому силовому воздействию или угрозам» (Радикова И., Лексютина Я., 2012).

«Умная сила» выступает «зонтичным» термином для других понятий, что обуславливает его огромную популярность. Его появление связывается с трендом повышения роли «информационно-интеллектуального управления», «управления рефлексией» в мировой политике. Умная сила означает ускорение обработки информации, высокую коммуникативную мобильность, способность вести информа-

ционную войну и политические кампании в мировых СМИ. Кроме того, данный концепт означает обладание высоким креативным потенциалом, способностью государства генерировать новые идеи, технологии и институты, для чего страны пытаются создавать специальные интеллектуальные инкубаторы, «фабрики мысли» – *think tanks*, такие как, например *Chatham House* в Великобритании, *Transperency International* в Германии, *Институт мировой экономики и международных отношений РАН* в России. Умная мощь – это комплексная модель современного мирового лидерства, включающая в себя информационно-интеллектуальное влияние, многосторонность, способность решать глобальные проблемы и управлять международным развитием. Это не просто дополнительный ресурс, восполняющий и дополняющий военную мощь, но и инструмент, позволяющий эффективно мобилизовать все доступные ресурсы в политических целях (Чихарев И.А., 2011).

Опыт зарубежных стран демонстрирует многообразие подходов и форм реализации политики «мягкой силы», в зависимости от социально-экономических, политических, культурных условий и целей государств-субъектов. Исследователями отмечается, что у каждой страны есть своя, уникальная национальная стратегия «мягкой силы», например, принято говорить о «доминирующей силе США» (Dominant power of the USA), «привлекательной силе Европы» (Attractiveness of Europe), «мудрой силе Китая» (Wise power of China), «утонченной, изысканной силе Индии» (Sophisticated power of India), «мистической силе Востока» (Mysterious power of the East) (Лазутина И.В. и соавт., 2014. с. 232). Кроме того, существование цивилизационных барьеров и национальных особенностей стран-партнеров диктует необходимость адаптации стратегии «мягкой силы» к каждому региону присутствия. Тем не менее имеется ряд закономерностей и определенных принципов, ключевых инструментов, на которые опираются страны при развитии деловых и культурных связей, сотрудничества в области образования и науки, содействии международному развитию.

Первичная систематизация применяемых практик может быть осуществлена путем выделения экономических, политических и культурных разновидностей. К экономическим можно отнести инвестиционную деятельность, содействие международному развитию; к политическому – отношения с другими государствами, участие в международных организациях; к культурному – привлекательность ценностей и образа жизни (Звягина, 2012). Современные исследования в области политической философии фиксируют изучение маркетинговых, рекламных и развлекательно-массовых форматов «мягкой силы», в том числе влияние информационных технологий СМИ и массовой культуры на политику (Русакова, 2010). Одним из актуальных примеров подобных исследований является анализ процессов брендинга и ребрендинга стран и территорий.

Важное значение приобретают попытки исследователей интегрировать отдельные направления и техники в единую структуру или матрицу (см., например, Долинский, 2010), сформировать стратегическое видение системы для решения задач на долгосрочную перспективу.

Специалисты Центра международных сопоставительных исследований Института международных организаций и международного сотрудничества (Лазутина И.В., Нагорнов В.А., Рахмангулов М.Р., Сахаров А.Г., Шелепов А.В. и др.) используя результаты исследования, проведенного в 2013 г. НИУ «Высшая школа эконо-

мики», систематизировали и описали оптимальные инструменты политики, которые могут быть положены в основу стратегии «мягкой силы». Под оптимальными инструментами данные авторы понимают «универсальные формы и институты реализации стратегии «мягкой силы», применимые для «тиражирования» в разных странах, обладающие сравнительно большим потенциалом для обеспечения влияния». Исследователи выделяют пять направлений использования данных практик: культура и продвижение языка; сотрудничество в области образования, науки и техники; развитие деловых связей; развитие общественной дипломатии; содействие международному развитию. На основе метода экспертных оценок были выделены и описаны инструменты, применяемые при разработке стратегии по отдельным направлениям политики «мягкой силы».

Основой реализации первого направления является деятельность институтов, обеспечивающих стабильность политики – специальных культурных центров и площадок для реализации программ языковой подготовки или языковых курсов, поддержку национальных и местных некоммерческих организаций и учреждений в сфере культуры. Особую роль играет деятельность образовательных институтов, создающих образовательные программы, взаимодействующие с ведомствами и министерствами, проводящими обучение педагогов. Эффективным инструментом является также внедрение на рынок популярной культуры (путем создания музыки, кино, литературы, телевизионного вещания на языке страны-партнера, проведения массовых культурных мероприятий), обеспечивающих максимально широкий охват населения.

Политика «мягкой силы» стран в области образования и науки включает множество инструментов и практик, различных по охвату аудитории и направлениям сотрудничества. Особую роль эксперты отводят развитию межинституционального взаимодействия: поддержке межвузовских контактов, проведению совместных исследований, созданию научных сетей и совместных университетов. Наиболее распространенным инструментом развития научного и делового партнерства являются программы академической мобильности для преподавателей, ученых и студентов. Центральное место в политике стран занимает развитие экспорта отечественных образовательных услуг. Наряду с регулярными программами (академических обменов, стипендий) применяются более гибкие инструменты, позволяющие решать более сложные задачи, например, подготовка «образовательных агентов» – сотрудников университетов, занимающихся продвижением страны за рубежом.

Расширение деловых связей происходит благодаря институтам, как торгово-промышленные палаты, департаменты торговли и инвестиций, центрами международной торговли и другими, позволяющими обеспечить последовательность и устойчивость реализации политики страны. Как и для других направлений, здесь важно качественное нормативно-правовое сопровождение (соглашения на уровне министерств и ведомств, отдельных предприятий) и формирование благоприятных условий для реализации программ (деловых поездок, грантов мобильности предпринимателей и др.), осуществляемых по трем основным направлениям: поддержка национального бизнеса; бизнеса страны-партнера и двустороннее сотрудничество.

Направление общественной дипломатии включает работу по распространению демократических ценностей и развитию гражданского общества, осуществляемых на основе поддержки мероприятий молодежной политики, развития неправи-

тельствственного сектора (в том числе молодежных некоммерческих организаций) через гранты и стимулирование межинституционального взаимодействия (вузов, НКО, школ, предприятий и др.), поддержки соотечественников и диаспор за рубежом.

Необходимыми для обеспечения влияния инструментами молодежной политики, по мнению экспертов, являются программы обменов для будущих лидеров (политиков, бизнесменов, представителей НКО), реализация молодежных программ с разными категориями молодежи (молодыми предпринимателями, спортсменами, волонтерами, а также поддержка уязвимой молодежи.). На уровне руководства страны может практиковаться участие официальных лиц страны в молодежных мероприятиях других стран. В целом для развития общественной дипломатии ключевым является «принцип децентрализации» – привлечение НКО, других организаций к реализации «мягкой силы», позволяющий снизить финансовые издержки на ее осуществление. Повышать эффективность своей деятельности странам позволяют создание специальных координирующих институтов (регулирующих деятельность в нескольких странах присутствия) и поддержка взаимодействия между некоммерческими организациями из разных стран.

Деятельность по содействию международному развитию (СМР) осуществляется на двух- и многосторонней основе (через международные организации), а также различается в зависимости от объекта политики: направлена на поддержку государств, муниципалитетов, организаций или отдельных граждан. Системность действий и устойчивое присутствие страны обеспечивают ведомства (агентства развития, такие как AFD во Франции или DFID в Великобритании) или их представительства (например, на базе посольств). Наиболее эффективными инструментами поддержки государств экспертами признаны льготное кредитование, содействие развитию национальных институтов и органов власти, секторальная бюджетная поддержка (отдельных отраслей), участие в финансировании инфраструктурных объектов, содействие развитию образования в странах-партнерах. Наиболее ценными инструментами в этом направлении являются образовательные гранты, ознакомительные поездки в страну-субъект для студентов и преподавателей, создание новых учебных программ, поддержка педагогов, развитие инфраструктуры образовательных учреждений.

Совокупность взаимосвязанных между собой инструментов организации работы по основным направлениям «мягкой силы» образует систему, в которой формы работы в рамках одного направления структурированы вокруг основного института (ядра соответствующего направления), а оптимальные инструменты и их взаимосвязи образуют «кластеры влияния», многие из которых связаны между собой и дополняют друг друга. Эффективная политика «мягкой силы» характеризуется оптимизацией признаков «взаимосвязи» и «взаимодополняемости». Понимание и прозрачность взаимосвязей между элементами системы позволяют обеспечить ее устойчивость на основе комбинации различных форм для их целевого воздействия на различные группы в странах-партнерах: органы власти, специализированные институты и организации (университеты, академии наук, компании, НПО); различные категории граждан. Именно воздействие на все группы обеспечивает устойчивость модели в случае изменения политической конъюнктуры в стране присутствия (Лазутина И.В. и соавт., 2014. с. 232).

Одной из особенностей «мягкой силы», отмечаемой многими исследователями, является относительная непредсказуемость процесса ее формирования и отложенный эффект предпринимаемых в этом направлении усилий. Продолжительность и многофакторность обретения «мягкой силы» делает этот процесс трудно контролируемым (Паршин П., 2013).

Несмотря на трудности, существует несколько методов измерения «мягкой силы», наиболее эффективные из которых основаны на апробированных рейтингах страновых брендов, сигнализирующих мировому сообществу об уровне привлекательности той или иной страны в мировом культурно-гуманитарном пространстве (А.В. Владимирова, В.А. Королев, А.А. Трунина 2014). Исследователями отмечается, что сложность и комплексность такого явления, как страновой бренд, требует активной методологической работы над системой имиджевого рейтингования, особенно в части выявления и адекватного отражения привлекательных для мирового сообщества характеристик российского государства и общества.

Дадим краткое описание наиболее значимых международных рейтингов «мягкой силы».

The New Persuaders III. Global Ranking of Soft Power (Новые «убеждатели» III. Глобальный рейтинг «мягкой силы») представляет собой композитный индекс, созданный в ходе совместного исследовательского проекта британского Института государственного управления (Institute for Government) и журнала «Монокль» (Monocle Magazine) на основе объективных и субъективных критериев. В соответствии с методологией, 50 показателей объединены в пять измерений:

1) «Культура» – качество производимых в этой сфере продуктов, и их распространение в международном масштабе. Включает такие показатели, как ежегодное число приезжающих в страну туристов, глобальное распространение музыкальной индустрии и спортивные успехи страны и др. показатели.

2) «Государственное управление» – оценка государственных институтов, политических ценностей и отражение основных результатов политической деятельности, включающих показатели свободы человека, человеческого развития, уровня насилия в обществе, эффективности государственного управления.

3) «Дипломатия» – оценка дипломатических ресурсов и глобального влияния государств, в том числе на основе анализа количества дипломатических представительств за рубежом, членства в многосторонних организациях и международной помощи развитию.

4) «Образование» – оценка способности страны привлечь иностранных студентов, наладить образовательные обмены и создать качественные университеты.

5) «Бизнес/инновации» – оценка привлекательности экономической модели страны в плане открытости, способности к инновациям и качества государственного регулирования. В этом измерении учтены показатели инновационной активности, коррупции и конкурентоспособности. Страны, участвующие в исследовании, отбираются исходя из заданного набора критериев из каждого геополитического региона. Далее данные нормализуются (то есть приводятся к индексам от 0 до 1) и группируются в подиндексы, на основе которых рассчитывается композитный индекс и баллы по каждой стране. В дополнение к пяти перечисленным измерениям, наполненным количественными индикаторами, авторы добавляю семь направлений,

состоящих из качественных показателей, строящихся на экспертных оценках стран по следующим критериям: коммерческие бренды, авиаперевозки, национальная кухня, символы (образы) «мягкой силы», глобальное лидерство, достижения в сфере культуры, дизайн/архитектура. Совокупный вес этих критериев в сводном индексе существенно ниже веса пяти измерений, формируемых на основании количественных оценок (30% против 70%).

East West Global Index 200 (Глобальный индекс «Запад–Восток» 200) проводится ежегодно компанией East-West Communications, специализирующейся на оказании услуг в области брендинга для различных стран. В рамках данного проекта на основании мониторинга СМИ проводится ежеквартальное и ежегодное ранжирование 200 стран и территорий, включая 193 члена. Индекс является источником информации о сильных и слабых сторонах стран в области брендинга и коммуникаций, которая может быть использована ими для последующего преодоления существующих проблем. В ходе исследования используется проприетарная система анализа текста Natural Language Processing, разработанная компанией Perception Metrics, которая производит отбор по заранее заданным параметрам. Исходя из анализа позитивных и негативных значений и упоминаемости стран рассчитывается итоговый балл.

Failed States Index (Индекс стран-изгоев) рассчитывается Фондом мира с целью продемонстрировать давление, которое испытывают страны, но и прояснить ситуации, при которых такое давление перемещает некоторые из них в категорию изгоев. Источниками информации для построения индекса являются отчеты и документы со всего мира, в которых содержится информация о существующем социальном, экономическом и политическом давлении, которое испытывают 178 стран, анализируемых в исследовании. Каждой стране присваивается итоговый балл исходя из двенадцати ключевых по литических, социальных и экономических композитных показателей, объединенных в три группы:

- 1) социальные индикаторы (демографические факторы давления, беженцы и перемещенные лица, напряженность между группами граждан, утечка мозгов);
- 2) экономические индикаторы (неравномерное экономическое развитие, бедность и спад экономики);
- 3) политические и военные индикаторы (легитимность государственной власти, государственные услуги, права человека и верховенство закона, внутренняя безопасность, раскол элит, внешняя интервенция).

Контент-анализ дополняется двумя другими составляющими процесса оценки: количественным анализом и качественными вводными, формулируемыми исходя из основных событий, произошедших в исследуемых странах.

Rapid-growth markets soft power index (Индекс «мягкой силы» на основе изучения быстрорастущих рынков) рассчитывается Центром анализа развивающихся рынков компании Ernst & Young и Институтом исследований развивающихся рынков Московской школы менеджмента «Сколково». Источниками данных служат разнообразные количественные оценки стран разной степени надежности – от статистических данных ООН до Индекса свободы Фридом Хаус. Число стран и временных рядов варьируется в зависимости от источника.

Показатели формируют три измерения:

«Глобальный имидж» (доходы от экспорта медиауслуг, число студентов, изучающих национальные языки стран рейтинга, число медалей, полученных на последних двух Олимпиадах, число граждан страны в рейтинге наиболее влиятельных людей журнала Time, число компаний страны в рейтинге журнала Fortune);

«Глобальная этика» (место страны в рейтинге «Верховенство закона» Всемирного банка, место страны в рейтинге Индекса свободы организации Фридом Хаус, явка на последних парламентских или президентских выборах в стране, общий объем выбросов углекислого газа);

«Глобальная интеграция» (число родившихся за рубежом, но проживающих в стране мигрантов, число туристов, приехавших в страну, баллы страны в рейтинге университетов журнала Times – Times Higher Education World University Rankings index, доля граждан, владеющих английским языком).

Каждому из описанных выше показателей присваиваются веса, не коррелирующие со степенью надежности источника информации/данных. По результатам данного индекса наиболее выраженной «мягкой силой» из всех развивающихся стран обладают страны группы БРИКС, при этом лучшими оказались страны с наиболее крупным ВВП. Первые три позиции принадлежат Китаю, Индии и России. Кроме того, показатели составлены таким образом, что выигрывают страны с большим населением. Особенности формирования показателей и присвоения им весов привели к тому, что значения индекса по многим странам оказались одинаковыми на протяжении нескольких лет или варьируются незначительно на протяжении всего периода исследования (как, например, по России).

Country Brand Index (Индекс страновых брендов) рассчитывается компанией Future Brand с использованием количественных методов и экспертных заключений, которые, в том числе, ориентированы на прогнозирование будущих стран-лидеров. Методология включает сбор данных с 3600 респондентов из 18 стран мира по опроснику который позволяет понять отношение различных категорий граждан к исследуемой стране. В вопроснике последовательно задаются вопросы о наличии информации о стране (от ее существования до конкретных сведений), об ассоциациях, которые страна вызывает, об оценке страны, о планах посещения страны (инвестиций в нее, приобретения услуг/товаров), об отслеживании информации о стране (наличии деловых отношений в стране), о рекомендации страны (родным, друзьям и коллегам). В дополнение к описанному выше опросу проводятся экспертные семинары (фокус-группы), на которые компания приглашает специалистов в области государственной политики и управления, международных отношений, экономики и торговли, международного права, национальной безопасности, энергетики и изменения климата, городского и регионального планирования, иммиграции и СМИ, с которыми проводятся глубинные интервью.

Страны оцениваются по 23 показателям, объединенным в следующие группы:

1) система ценностей (политические свободы, стабильная правовая среда, охрана окружающей среды, свобода слова, толерантность);

2) качество жизни (система образования, система здравоохранения, стандарты ЖКХ, безопасность, возможности трудоустройства, предпочитаемое место жительства);

3) благоприятная среда для бизнеса (инвестиционный климат, технологическое развитие, нормативно-правовое регулирование, наличие квалифицированных работников);

4) наследие и культура (история, искусство и культура, сохранность традиций, природа);

5) туризм (качественные товары по приемлемой цене, достопримечательности, возможности размещения и отдыха, продукты питания) (Цит. по А.В. Владимиров, В.А. Королев, А.А. Трунина 2014).

Рассматривая методы, стратегии и практики, используемые для аккумуляции и продвижения «мягкой» или «умной» сил, исследователями отмечается, что в условиях глобализации одним из основных инструментов их осуществления становится общественная (публичная) дипломатия.

В международных отношениях термин «общественная (или публичная) дипломатия» (англ. *public diplomacy*) возник для обозначения аспектов международной дипломатии, не относящихся к взаимодействию между государственными структурами. При этом наблюдается существенное различие в подходах к толкованию сути этого понятия.

Термин «публичная дипломатия», получивший широкое распространение и являющийся одним из наиболее дискуссионных и противоречивых в социальных науках, был введен в научный оборот Э. Галлионом в 1965 г. (Harding T. 2010). Под «публичной дипломатией» декан Школы права и дипломатии им. Д. Флетчера в университете Тафтса понимал «средства, с помощью которых правительства, частные группы и индивиды влияют на установки и мнения других людей и правительств таким образом, чтобы оказать влияния на их внешнеполитические решения» (Definitions of public diplomacy...).

Представленный первоначально в качестве замены термину «пропаганда», он претерпел значительную эволюцию и переосмысление, что отразилось в многочисленных определениях и трактовках данного понятия. Так, в работе М. Egner (2009), описывается два десятка различных определений публичной дипломатии, появившихся за последние сорок лет, в которых отражаются ее возможности в устранении недопонимания в отношениях между странами, формирования положительного отношения к стране, продвижения интересов и распространению ценностей страны, и, в конечном итоге, оказания влияния на иностранные аудитории путем вовлечения средств массовой информации, транснациональных корпораций, негосударственных организаций и прочих активных участников международных отношений.

Классическое определение публичной дипломатии подразумевает, что общественность рассматривается как объект деятельности государственных структур, которые реализуют и финансируют программы, направленные на информирование и оказание воздействия на общественное мнение в других странах. Основываясь на подобном понимании К. Росс описал семь принципов публичной дипломатии:

обеспечение понимания иностранной аудиторией политики в том виде, какая она есть, а не как о ней говорят или думают другие;

необходимость разъяснять политику, показывая ее рациональность и обосновывая ее фундаментальными ценностями;

последовательные, правдивые и убедительные обращения к международной общественности;

умение адаптировать обращения к конкретным целевым аудиториям, для чего составляющие ее целевые сегменты подвергаются постоянному изучению;

работа не только с узкими целевыми сегментами, но и – через печатные и электронные СМИ – с широкими массами;

взаимодействие с различными партнерами для охвата новых представителей целевой аудитории, что позволяет создать ощущение независимого и правдивого подтверждения официальных сообщений, которые в иных случаях были бы восприняты как пропаганда и, следовательно, проигнорированы;

активное международное общение и программы обмена (Ross 2003, цит. по Кривохиж С.В. 2014).

Другой подход к толкованию понятия общественной дипломатии предполагает, что сама общественность выступает ее основным субъектом. Так А.В.Торкунов обращает внимание на то, что, говоря об общественной дипломатии, обычно имеют в виду ситуацию, когда гражданское общество активно включается в формирование современного мироустройства и международных отношений, а, значит, приходится отказываться от классической формулы, в соответствии с которой дипломатия является наукой о взаимоотношениях государств и их руководителей (Торкунов 2006). По словам зам Э.В. Митрофановой, «народная» дипломатия отражает внешнеполитический курс ведущих государств, стремящихся сформировать общеевропейское пространство, повлиять на формирование международных инициатив. Примечательно, что в материалах, публикуемых Россотрудничеством термины «народная дипломатия» и «общественная дипломатия» употребляются как синонимы и часто подменяются друг другом, что является практическим воплощением такого подхода. Таким образом, общественная воля, гражданские структуры фактически принимают на себя функцию «второго дыхания» по отношению к исторически мотивированным потребностям государств и должны, с одной стороны, способствовать сохранению этнокультурных традиций, а с другой – обеспечивать эффективную ценностную межкультурную коммуникацию (Костырев 2013).

Н. Калл использует похожее основание для дихотомизации в своих рассуждениях о «традиционной» и «новой» публичной дипломатии. В странах с жестким государственным регулированием, в которых до сих пор главенствующую роль в формировании политики играет государство, характерны приемы и методы традиционной публичной дипломатии, тогда как «новая» публичная дипломатия больше характерна для демократических стран, в которых негосударственные акторы способны играть более значимую и активную роль в проведении данной политики, характеризующимися высоким уровнем доверия к НГО и невысоким уровнем доверия к государственным структурам. Таким образом, «новая публичная дипломатия» не подразумевает главенствующей роли государства. Для нее характерно стремление не просто улучшить имидж страны, а создать бренд путем выстраивания горизонтальных связей и отношений на основе диалога (Cowan G. and Cull N.J., 2008). В последние годы ученые активно заговорили о таком понятии как новая публичная дипломатия. Необходимость заново переосмыслить публичную дипломатию была вызвана такими изменениями, происходящими в современном мире, как развитие информационных технологий, ускорение глобализационных процессов и как следствие стирание граней между зоной ответственности государственных и негосударственных акторов.

Продолжая дискуссию об отличительных особенностях новой публичной дипломатии, Э. Гилбоа отмечает активное использование новых технологий и Интернет как отличительные ее черты. Данное направление в публичной дипломатии страны выступает под разными названиями (цифровая дипломатия, кибердипломатия, публичная дипломатия Web 2.0), но в любом случае под ними понимается возможность оказания влияния на иностранную аудиторию, посредством размещения радио и телепередач в сети Интернет, мониторинга дискуссий в блогосфере, создания персонифицированных страниц членов правительства в социальных сетях и др. (Gilboa E. 2009).

Публичная дипломатия – действия, направленные на строительство долгосрочных отношений, защиту целей национальной внешней политики и лучшего понимания ценностей и институтов собственного государства за рубежом, продвигающие национальные интересы и национальную безопасность путем изучения настроений иностранного общественного мнения, информирования его и воздействия на тех, кто это мнение формирует. Публичная дипломатия преследует цель расширения диалога между гражданами своей страны и зарубежными партнерами. Это предполагает активный международный обмен, создание информационных программ, пропаганду своей культуры. Фактически, этот термин употребляется как синоним понятия «связи с общественностью» в контексте внешней политики.

Вопрос является ли публичная дипломатия эвфемизмом пропаганды, до сих пор не решен. Представляется логичным и обоснованным мнение А.В. Долинского, что «если изначально речь шла о словосочетании, которым нужно было заменить воспринимавшуюся негативно «пропаганду», то сегодня под публичной дипломатией понимается гораздо более сложная по целям, средствам и кругу участников сфера деятельности» (Долинский, 2011). Основные отличия публичной дипломатии от пропаганды заключаются в постановке целей, соблюдения этических принципов, применения различных методов. В задачи публичной дипломатии входит не просто привлечение максимального количества сторонников и последователей любыми, включая нечестные, средствами, навязывание идей пассивным слушателям, а целый комплекс мероприятий, создаваемых на основе изучения общественного мнения, подразумевающих активное взаимодействие с аудиторией, поиск компромисса.

Говоря о характере публичной дипломатии, М. Леонард, выделяет три измерения публичной дипломатии: реактивное, проактивное и установление отношений. Реактивное измерение предполагает реагирование на произошедшие события, разъяснение политики и комментирование тех или иных политических шагов. Проактивное измерение, наоборот, нацелено на целенаправленное формирование общественного мнения посредством передачи определенных сообщений и знаков, разработку долгосрочной стратегии, подразумевающей выделение наиболее важных целей и планирование соответствующих мероприятий для их достижения. Выстраивание отношений направлено на поиск взаимоприемлемых решений и компромиссов, выгодных для всех участников отношений, вовлечения иностранных аудиторий в общение и налаживание тесных связей, которые становились бы основой для формирования общественного мнения в данной стране. Автор заявляет, что публичная дипломатия может не только давать сильные конкурентные преимущества перед другими странами и способствовать укреплению имиджа (даже за счет дис-

кредитации партнера), но и являться эффективным средством кооперации и развития взаимовыгодных отношений (Leonard M. 2002).

В современной науке используют многочисленные альтернативные термины, содержательно полностью или частично пересекающиеся с понятием публичная дипломатия, такие как *народная, частная* или *гражданская дипломатия, а также культурная дипломатия, культурная внешняя политика, культурная экспансия*.

Термин «культурная дипломатия» появился в 1930-х годах и был введен американским исследователем Ф. Баргхорном. По его определению, это «манипуляция культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях» (Боголюбова, Н.М., Николаева, Ю.В., 2006). То есть, изначально термин имел идеологизированное звучание, естественное в условиях биполярного мира. Согласно более позднему определению М. Каммингса (2003), культурная дипломатия – это «обмен идеями, информацией и другими аспектами культуры между нациями и их представителями, направленный на улучшение взаимопонимания». Таким образом, по мнению Каммингса, культурная дипломатия воплощается в культурной деятельности, в которой представления нации о самой себе представлены наилучшим образом для вдохновения людей со всего мира независимо от их политических пристрастий и территориальных границ.

Культурная дипломатия – это общественный институт, позволяющий налаживать мосты и взаимодействия между народами, идентифицировать сети и сферы влияния культур, преодолевающих национальные границы. Наиболее традиционными формами культурной дипломатии являются международные выставки, форумы, фестивали, регулярно проводимые в разных странах. Одновременно с этим, культурная дипломатия является сферой дипломатической деятельности и связана с использованием культуры в качестве объекта и средства достижения основополагающих целей внешней политики государства, создания благоприятного образа страны, популяризации культуры и языков ее народов. В результате культурные связи рассматриваются не как некое дополнение к связям политическим и экономическим, а как один из определяющих факторов, работающих на внешнеполитические интересы страны,

В последние годы появилось значительное количество исследований посвященных публичной дипломатии в условиях информационного общества, в частности авторы Я. Мелиссен (Melissen J., 2005), Э. Гилбоа (Gilboa E. 2009) исследуют особенности оказания влияния на иностранные аудитории в условиях развития Интернета, повышения роли НГО и гражданского общества. К. Фицпатрик (Fitzpatrick K.R., 2007) и С. Анхольт (Anholt, S. 2007) изучают возможность соединения традиционных инструментов публичной дипломатии с инструментами из области маркетинга и PR. Весомый вклад в изучение публичной дипломатии в России внес А.В. Долинский (2011), проследивший эволюцию понятия «публичная дипломатия», ее целей и средств и сформулировал особенности данной политики на современном этапе. В той или иной степени вопросы публичной дипломатии рассматривались В.И. Фокиным (2004), А.В. Лукиным, Н.М. Боголюбовой (2007).

Немаловажный вопрос, который, так или иначе, затрагивается во всех работах, посвященных вопросам публичной дипломатии – это оценка ее эффективности, необходимая для обоснования материальных затрат и корректировки стратегии.

Обычно для проведения такой оценки используются опросы общественного мнения, позволяющие отслеживать как прямые (увеличение благосклонности к стране), так и косвенные (изменение гражданского или политического поведения) (Cull N., 2009). По результатам таких исследований довольно сложно оценить какую роль сыграли именно мероприятия, публичной дипломатии. На данный момент не выработано единой успешной модели, позволяющей адекватно и точно анализировать программы государства в этой области. Можно выделить несколько проблем в этой области, которые отмечают авторы, изучающие данный вопрос:

Результаты от многих мероприятий публичной дипломатии могут проявиться лишь в долгосрочной перспективе. Например, эффект от образовательных обменов проявляется через 5-10 лет.

Сложно точно определить роль публичной дипломатии в достижении (или не достижении) той или иной политической цели. Чаще всего оказывает влияние целая совокупность факторов.

Существующие модели подсчета эффективности в большинстве своем ориентированы на количественные показатели (количество проведенных программ, количество слушателей радио, количество людей, принявших участие в культурном обмене), но они не учитывают качественные показатели (например, сколько человек из тех, кто принял участие в образовательном обмене, стали лояльнее к политике и культуре данной страны).

Действительно, оценить роль публичной дипломатии в отрыве от общего политического курса страны довольно сложно, так как она является его неотъемлемой частью и тесно связана с событиями, происходящими в стране и в мире. Вместе с тем ряд американских и отечественных авторов предлагают свои варианты оценки эффективности, которые позволяют дать общую оценку успешности страны в данной области. Например, А.Ю. Цветков (2010) предлагает следующие параметры оценки эффективности:

Приближение / отдаление к целям, объективно подлежащим достижению в рамках публичной дипломатии. В данном случае предполагается оценить общую стратегию государства в сфере публичной дипломатии на основе анализа официально декларируемых целей и их достижения.

Полнота / фрагментарность мобилизации ресурсов, находящихся в распоряжении субъектов публичной дипломатии. Для оценки этого показателя необходимо рассмотреть арсенал ресурсов государства в сфере публичной дипломатии, имеющихся в распоряжении или потенциально доступных ему.

Репертуар практических действий, осуществляемых в рамках публичной политики довольно широк, их результативность варьирует в зависимости от тесноты взаимосвязи с другими внешнеполитическими практиками, их специфическими целями и задачами. Обменные программы представляют собой один из наиболее важных инструментов публичной и молодежной политики, современного образования, развивающего в духе ценностей Болонской декларации. В то время как большинство форм международного сотрудничества работают с образами и информацией, обмены позволяют напрямую задействовать «человеческий фактор», воздействуя на личность и опосредуясь психологическими особенностями участников (Scott-Smith G., 2008). Какими бы аполитичными и имеющими отношение только к образованию не представлялись программы молодежного обмена, они неотвратимым

образом оказываются включенными в широкий политический контекст международных отношений. Межличностная природа опыта участия в программе обмена, корреспондирующая с личным характером участия являются уникальным сочетанием возможностей для использования в качестве средства публичной дипломатии. Являясь формой частных межнациональных отношений и порождаемых ими социальных сетей, молодежные обмены представляют собой наиболее диффузную, но тем не менее реальную «мягкую силу» (там же).

Обмены являются гибким инструментом, благодаря которому можно задействовать и вовлечь в международную деятельность любые социальные группы и категории населения, сохранив внешнюю независимость от политических целей. Опыт участия в программе обмена практически всегда оказывается уникальным. Он может быть связан с возможностями получения новых знаний и умений, которые невозможно получить в своей стране, погружением в новую культурную среду, где первое впечатление всегда оказывает больший эффект, чем вторичные знания (полученные посредством средств массовой информации и литературы). Для разных типов обмена важными факторами могут являться престиж приглашающей организации, возможности получения доступа к институтам, встречи с авторитетными людьми, недостижимые формальными средствами. Обмены также выполняют важную функцию по установлению «культурного посредничества», установления связей между индивидами и организациями. Однако, программы молодежного обмена будут иметь наилучшие результаты только в том случае, если они будут согласованы и скоординированы с общими стратегиями международного сотрудничества и внешней политикой государства.

В последние десятилетия в науке значительно актуализировался интерес к интеграционным процессам, происходящим в экономическом и политическом пространствах, значительное число исследований было посвящено теории и отдельным теоретическим и практическим аспектам данных процессов, в том числе конструированию и описанию идеальных моделей интеграции, осмыслению имеющегося опыта Европы и анализу интеграционных тенденций в других регионах мира. Эти темы широко представлены в работах и публикациях М. Pollack (1998), G. Ross (1998), B. Rosamond (2000), S. Meunier S. и K.T. McNamara (2007), G. Lipsitz (2001), A. Escobar (1992), A. Fishlow (1999), Th. Skidmore (1993), J. Clark (1994), D. Cohen (1994), З. Бзежинского (2010), W. Wallace (1991), J. Bailes, P. Dunai, V. Baranovsky (2007) и др. исследователей. Среди отечественных авторов, исследовавших теоретические проблемы интеграции, следует отметить в первую очередь Ю. В. Шишкова (2001), П. А. Цыганкова (2006), В. Г. Шемятенкова (2003), Г. М. Костюниной (2002).

Понятие «интеграция» появилось в контексте общественно-политических и образовательных исследований только в послевоенный период, отразив потребность в осмыслении тенденций мирового сообщества найти общие пути развития после окончания войны. В рамках либеральной концепции международных отношений «интеграция» нередко используется в качестве синонима таких понятий, как «интернационализация», «глобализация», «сотрудничество». Несмотря на семантическое сходство, эти понятия имеют свои особые поля употребления. Так, международное сотрудничество чаще осуществляется при сохранении государственного суверенитета, тогда как «интеграция», напротив, означает его частичную

потерю и создание надгосударственных структур, осуществляющих координацию интеграционного процесса, передачу части суверенитета «в общий котел интегрирующихся государств» (Kubicek P. 1997). Как справедливо отмечают П.-Ф. Гонидек и Р. Шарвен, интеграция может быть одновременно состоянием и процессом. На уровне индивидуального сознания интеграция порождает лояльность и приверженность новому объединению, а на структурном уровне – участие каждого в его поддержке и развитии (Gonides P.-F., Charvin R, 1984). Следует также различать особенности употребления производных от «интеграции» терминов, таких, например, как «интеграционный потенциал». Так, «интеграционный потенциал» зачастую используется в значении возможности для этнических меньшинств адаптироваться в инородной социокультурной среде. Об «интеграционном потенциале» говорят и тогда, когда хотят оценить степень взаимозависимости экономик для обеспечения их более качественного и стабильного роста.

В связи с интенсификацией международных связей в рамках постепенно развивающейся Шанхайской организации сотрудничества, ее деятельность привлекает внимание российского и зарубежного экспертного сообщества, прежде всего в государствах-членах ШОС. Проблемы становления ШОС, взаимосвязи между участниками международных отношений в регионе рассматривают в своих работах А.В. Болятко, С.И. Кузнецова (2003), Торопыгин А.В., Марышев А.А. (2014), Э.А. Меркулова (2003, 2005), Мухамеджанова Д.Ш. (2015), И. Комиссина, А. Куртов (2003, 2006), Ю.М. Филатова (2015), А.В. Лукина (2004, 2007, 2009), А.Д. Воскресенского (2004). Комплексному сравнительному анализу интеграционных объединений в Центральной Азии и на евразийском пространстве в целом посвящены работы А.В. Малашенко (2007), А.А. Казанцева (2008), М.Н. Суюнбаева (2007), Б. К. Казбекова (2005) К. Я. Сыроежкина (2003), Ю.В. Косова, А. В Торопыгина (2008), Н.А. Черкасова (2002), А.Д. Богатурова (2010), Е.Ф. Троицкого, Д. Тренина (2009).

Большой вклад в концептуально-теоретическое осмысление характера и эволюции современных международных отношений, в контексте которых происходил процесс становления Шанхайской организации сотрудничества, и формирования ее роли и места в современном мире, оказали работы Е.П. Бажанова (2004), Н.Е. Бажановой (2009, 2010), Ю.П. Бойко (2010), А.В. Бурсова (2006), А.Г. Володина (2007), А.А. Волоховой (2007), В.П. Воробьева (2009), С.С. Жильцова (2010), А.Г. Задохина (1998, 2003), К.Н. Кулматова (2006, 2010), В.Ф. Ли (2002), А.В. Лукина (2007), А.В. Митрофановой (2010), В.С. Мясникова (2006), Е.О. Подолько (2006) Е.М. Примакова (2002), А.В. Торкунова (1999), А.Д. Шутова (1998), Г.А. Рудова (2002), В.В. Штоля (2006) и др., которые, наряду с глубокой теоретической проработкой вопроса содержат уникальную фактологическую базу.

Деятельности Евразийского экономического сообщества посвящены работы Н.Б. Кондратьевой (2009), А.Е. Лихачева (2010), А.А. Спектор (2013), В.В. Облизиной (2007), Г.Г. Рахматулиной (2008) и др. Данные исследователи рассматривают деятельность ЕврАзЭС, анализируют основные направления развития интеграции в рамках данной организации, такие как, например, перспектива вступления членов организации во Всемирную торговую организацию и возможные последствия для ее членов, а также создание Таможенного союза, перспективы его деятельное и дальнейшее развитие интеграции в рамках Организации.

Научные работы К.К. Егимбаева (2014), Г.В. Кирсанова (2004), Л.М. Капустинной (2009), М.В. Старчака (2006), Ю.А. Никитиной (2009), А.Ф. Клименко (2009) посвящены вопросам военно-технического, экономического сотрудничества, проблемам безопасности и стабильности социально-экономического развития в Центральной Азии и мире, налаживания гуманитарных и культурных связей России и стран-членов ШОС. Российские авторы проявляют значительный интерес к проблемам общей безопасности в регионе, констатируют рост международной конкуренции за доступ к природным ресурсам ЦА и отмечают потенциальную роль ШОС как силы, способной внести коррективы в ход этого соперничества.

Применительно к проблематике нашего исследования представляет интерес анализ научной литературы, посвященной молодежным обменам как инструменту реализации международного сотрудничества в рамках ШОС с позиций концепции «мягкой силы», молодежной политики, интернализации образования.

Стоит отметить, что, несмотря на декларируемые паритетные и доверительные отношения между участниками ШОС, далеко не все из них рассматриваются в качестве обладателей «мягкой силы». В частности, велик интерес к «мягкой силе» Китая, которую данная страна активно изучает и использует в качестве противодействия негативному дискурсу о «китайской угрозе» и китайской экспансии (Михневич С.В. 2014). Работы Ц. Лю (2009), Д.В. Мосякова (2010), В.А. Абрамова, Я. Шуфана (2011), Е.В. Соловьевой (2012), С.М. Абрамец (2013), С.А. Подяпольского (2014) посвящены актуальным вопросам применения «мягкой силы» как важного элемента внешнеполитической стратегии Китая, позволяющего осуществить его интеграцию в мировые процессы, его основные инструменты и механизмы.

Что касается других стран-участниц ШОС, то, за исключением России, они все в обозримых исследованиях выступают скорее объектами, нежели субъектами, реализующими стратегии «мягкой» дипломатии в своих целях. В этой связи, в значительном числе научных работ рассматриваются проблемы и перспективы использования «мягкой силы» в отношении стран Центральной Азии со стороны России, Китая и США. Этим вопросам посвящены одни из последних публикаций М.М. Лебедевой (2014), Н.А. Ивановой (2014), Г. Ван, Е.В. Журавлевой (2015), Д. Александрова, И. Ипполитова, Д. Попова (2014), В.В. Кутенева (2013) и др.

Интеграционным процессам в области образования, функционированию сетевого университета ШОС как фактору гуманитарного сотрудничества, развитию образовательных объединений, научного потенциала, партнерским взаимодействиям образовательных учреждений в ШОС посвящены исследования С.К. Федина (2011), Н.А. Эмих (2013), Р.В. Нигматуллина (2014), Е.М. Минина (2014), Е.С. Белуковой (2013), Ю.Н. Савичева (2015) и др.

Исходя из анализа существующей литературы, можно сделать вывод, что, несмотря на наличие множества работ, посвященных трансформации центрально-азиатского региона и сотрудничества мировых держав, комплексных исследований о роли и значении Шанхайской организации сотрудничества в региональной политике не так много. Безусловно, на объем и качество исследований оказывает влияние относительно небольшой, по сравнению с европейским, опыт общественно-политической науки, изучающей вопросы интеграции. Проблемы молодежных обменов между странами ШОС, особенности реализации молодежной политики фак-

тически еще не попадали в фокус научных исследований (так на запрос «молодежные обмены в ШОС» поисковая система РИНЦ не выдает ни одного результата), по отдельным аспектам проблемы имеются лишь крайне фрагментарные и разрозненные сведения. Вместе с тем, накопленный теоретический потенциал изучения международного сотрудничества, молодежной политики в рамках других интеграционных образований и стран может и должен лечь в основу концептуализации и обобщения результатов эмпирических исследований в данной области. Практическая значимость таких исследований вызывает сомнения, поскольку речь идет не о ретроспективном анализе, а об осмыслении процессов и явлений, которые в данный момент только начинают зарождаться и получают первые импульсы для своего развития.

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ОБМЕНОВ МЕЖДУ СТРАНАМИ-УЧАСТНИЦАМИ ШОС: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ, СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА

Актуальность исследования перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС определяется ролью Шанхайской организации сотрудничества в укреплении взаимного доверия и добрососедских отношений между странами-участницами ШОС; развитии интеграционных процессов в области образования, науки и технологий; придании нового импульса к расширению многостороннего образовательного, научного и культурного сотрудничества; расширению возможностей для молодежи получать качественное современное образование, а для педагогов и ученых – развивать научные контакты; содействии эффективному сотрудничеству стран – участниц Организации в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях.

Это, безусловно, актуализирует исследовательский интерес к вопросам формирования международного сотрудничества, в том числе и молодежных обменов между странами участницами ШОС.

Важнейшей тенденцией последних десятилетий являются мощные интеграционные процессы, захватывающие все сферы общественной жизни, в том числе и высшую школу. Высшее образование и наука становятся глобальным фактором общественного развития, выдвигаются в число наиболее важных национальных и общемировых приоритетов, выступают в качестве важнейших компонентов культурного, социального и экономически устойчивого развития людей, сообществ, наций. С развитием процессов глобализации и интернационализации экономики и бизнеса перед высшим образованием встали новые цели - подготовка профессиональных кадров, способных эффективно работать в изменившихся условиях глобального рынка. Интернационализация образования преследует различные цели, среди которых: диверсификация и рост финансовых поступлений через привлечение иностранных студентов на платное обучение; расширение учебных планов и обучение своих студентов в зарубежных вузах-партнерах; расширение региональной сети вуза для эффективного использования своих ресурсов; повышения качества образования и исследований за счет участия студентов и преподавателей в международном процессе обмена знаниями и др. Развитие международного межвузовского сотрудничества позволяет организовывать совместные исследовательские проекты, обменные программы для студентов и преподавателей, специальные программы для иностранных студентов.

К настоящему времени западная и российская наука значительно обогатились работами, посвященными изучению вопросов международного сотрудничества. Вместе с тем сегодня сложно найти комплексные научные исследования, посвящен-

ные изучению социального механизма формирования международного молодежного сотрудничества, в частности молодежных обменов.

С учетом вышесказанного нам видится необходимость теоретического обоснования рассматриваемого объекта сначала с позиции его отдельных структурных элементов – социального механизма формирования международного молодежного сотрудничества, социального механизма формирования молодежных обменов, а затем уже комплексно. Вместе с тем, нельзя не провести теоретическую концептуализацию ключевого понятия «социальный механизм».

Представление о рассматриваемом объекте базируется на разграничении социальных институтов и социальных практик. В понимании института как формальных и неформальных правил игры и способов контроля за их соблюдением используются работы Д. Норта. Формой проявления и действия этих правил являются социальные практики, то есть системы устойчивых и массовых социальных действий и взаимодействий акторов (индивидов, групп, организаций), обеспечивающие как функционирование, так и трансформацию института. Именно в комплексе социальных практик выражается эффективность (качество) института (Заславская, 1995, 1996).

В качестве магистральной теоретической основы в нашем исследовании обоснована ценность концепции социального механизма для интерпретации социальных процессов и явлений, наличия в них причинно-следственных связей. Суть данной концепции состоит в том, что определенные формальные правила и нормы оказывают влияние на поведение разного уровня социальных субъектов, а их индивидуальные решения и практики, как обратная реакция, имеют последствия для системы в целом. В этой связи актуализируется необходимость поиска механизма взаимодействия различного рода элементов, что позволит объяснить причины и характер тех или иных социальных процессов и явлений (М. Грановеттер, 2002, 2004, Дж. Коулман, Р. Мертон, 2006, Д. Стил, П. Хедстром, 1996, Т.И. Заславская, 1995, 1996, Л.Я. Косалс, 1989, Р.В. Рывкина, 1986, М.А. Шабанова, 1997).

Относительно дефиниции термина «социальный механизм» в современной научной литературе еще нет однозначного ответа. Довольно распространены трактовки частных механизмов, касающихся каких-то определенных, конкретных социальных явлений и процессов. Например, исследователь И. Бачило описывает механизм ответственности и управления, в который он включает такие составные элементы, как органы законодательной власти; субъекты управления; субъекты, которые оценивают поведение и деятельность субъектов управления; субъекты, имеющие юридические полномочия; субъекты, оценивающие эффективность деятельности всех участников процесса и обеспечивающие обратную связь с законодателями для соблюдения правовых норм. Нормы права, в свою очередь, регулируют поведение и отношения участников механизма ответственности и управления (Ответственность ..., 1985).

Другой частный механизм, а именно социальный механизм развития экономики, определяется как система, в которой тесным образом взаимосвязаны двоякого рода механизмы: с одной стороны, влияние хозяйственного механизма и государственного управления на экономическую деятельность работников, а с другой, – обратное влияние на развитие экономики экономического поведения и интересов людей. Причем, если первое влияние обеспечивает плановое управление экономи-

кой, то обратное влияние не поддается прямому плановому управлению (Заславская, 1985).

Еще одним частным механизмом является механизм миграций. В. Переведенцев, изучая данный механизм, характеризовал его как «совокупность экономических, демографических, этических, поселенческих и социально-психологических факторов, влияющих на интенсивность и направления перемещений населения» (Переведенцев, 1975). В литературе выделяются и другие «частные» социальные механизмы. Например, механизм социального управления, социально-экономический механизм стимулирования, механизм комплектования управленческих кадров, механизм совершенствования производственных отношений, механизм самоуправления демографической системы, механизм формирования миграционных ориентаций и др.

Если рассматривать все механизмы в широком смысле слова, то к социальным можно отнести любые механизмы, которые касаются общественных процессов. В то же время, в гуманитарных науках термин «социальный механизм» применяется со специальным смыслом.

В последние годы анализ социальных механизмов считается одним из наиболее приоритетных направлений не только исследовательской практики. В научных публикациях, официальных документах, периодической печати категория «механизм» в контексте анализа социальных процессов утвердилась давно. Более того, термин «механизм» уже довольно долго используется в социологической науке, несмотря на то, что не входит в ее категориально-понятийный аппарат. Более 40 лет назад в отечественной социологии «прозвучала» одна из первых трактовок механизма: «механизм в методологии социальных исследований выражает выделение в объекте особого образования (системы элементов и связей), которые обеспечивают функционирование и развитие объекта, будучи относительно устойчивым, стабильным; выделение механизма позволяет объяснить существование объекта» (Социология в СССР, 1966, С. 494–495).

Будучи заимствованным из технических наук термин **«социальный механизм»** применялся первоначально скорее в «образном» смысле, а затем уже в содержательном. Тем не менее, он уже давно используется в социологической, философской и другой литературе применительно к характеристике различных процессов, происходящих в обществе. Так, имеются работы о социальных механизмах формирования личности, человеческой деятельности, стратегий поведения, нравственности, согласования интересов личности и общества, управления социальными процессами и т.д. Данный термин применяется и при анализе процессов, происходящих в сфере международного сотрудничества.

Существует мнение, что О. Конт (1910) впервые ввел понятие «социальный механизм общества» для истолкования жизнеспособности и целостности общества как «социального тела». О. Конт считал, что в любом обществе есть свой социальный механизм, именно он обеспечивает выживание и развитие данного общества. Дальнейшее развитие концепция социального механизма получила в работах почти всех классиков западной социологии (М. Вебер, 1990; Т. Веблен, 1984; Э. Дюркгейм, 1995; К. Маркс, Р. Мертон, Т. Парсонс, 1991; Г. Спенсер, 1898 и др.).

В рамках модели Т. Парсонса в качестве базовой единицы социального механизма, выступает статусно-ролевой комплекс. Это не аспект, связанный с акторами

или их взаимодействием. Это структурный компонент системы взаимодействия органов государственной власти и местного сообщества, в которой статусы представителя государственной власти и представителя местного сообщества относятся к структурной позиции в пределах данной системы, а роль есть то, что эти представители делают, занимая соответствующие позиции, рассматриваемые в контексте ее функциональной значимости для системы в целом (Ритцер, 2002).

Теория Р. Мертона постулирует, что социальный механизм имеет явную и скрытую (латентную) части. Последняя, по мнению В.И. Франчука может носить нелегитимный характер, даже если она играет решающую роль (Франчук, 2000).

Одним из главных свойств социального механизма является тенденция к самоподдерживающемуся порядку (равновесию), что, по мнению Т. Парсонса, включает сохранение границ и взаимоотношений частей с целым, контроль модификаций внешней среды и контроль над тенденциями к внутренним изменениям системы (Ритцер, 2002). Таким образом, в рамках структурно-функционального подхода социальный механизм, контролируя системные элементы социума, также берет на себя функцию интеграции происходящих социальных процессов. Это позволяет соотносить потребности социальной системы с функциями, выполняемыми социальными субъектами, а также выявлять степень их адекватности друг другу.

В отечественной научной мысли изучением социальных механизмов, имеющих место в разных сферах жизни общества, занимались такие исследователи как А. Вишневский, Т. Заславская, 1991, 1996, 2001, 2003, Л. Корель, Л. Косалс, 2000; А. Кочетков, В. Рассохин, Р. Рывкина, 1986 и др.

В методологическом плане при категоризации понятия «социальный механизм» существенно преуспели ученые новосибирской экономико-социологической школы (Т. Заславская, З. Калугина, Л. Корель, Л. Косалс, Р. Рывкина и др.). Именно они в дефиниции социального механизма делали упор на экономическом поведении социальных групп, рассматривая его как устойчивую систему, в которой эти группы взаимодействуют друг с другом и с государством по вопросам производства, распределения, обмена и потребления материальных благ и услуг. Исследователи также отмечали, что социальные институты того или иного общества регулируют экономическое поведение социальных групп. Помимо этого, экономическое поведение регулируется социально-экономическим положением и сознанием этих групп (Заславская, Рывкина, 1991, С. 59).

Длительные исследования ученых новосибирской школы позволили им определить социальный механизм как **«устойчивую систему поведения социальных групп, а также взаимодействий этих групп друг с другом и с государством по поводу предмета их интереса, регулируемую, с одной стороны, социальными институтами данного общества, а с другой – социальным статусом и сознанием этих групп»** (Заславская, Рывкина, 1991). Благодаря такому определению социального механизма можно говорить о его субъективном и объективном измерении. Первое, субъективное, измерение характеризует социальный механизм как продукт активности социальных групп. Второе же, объективное, измерение позволяет увидеть некоторые универсальные свойства социального механизма.

Основываясь на вышесказанном, исследователи утверждали, что для **социального механизма** развития экономики характерны некие **институциональные**

свойства, такие как устойчивость и системность. Именно благодаря этим свойствам социальный механизм является системой, которая регулирует социальные процессы, фиксирует деятельность социальных групп.

Дальнейшие исследования в области социального механизма развития экономики позволили Т. Заславской впоследствии дать определение **«социального механизма общественного процесса»**. Под ним ученый понимала *«устойчивую систему взаимодействий социальных акторов разных типов и уровней, конечным результатом которых служит удовлетворение определенной общественной потребности»* (Заславская Т.И., 2003). Такой подход к социальному механизму позволяет его применить и к процессам, которые непосредственно влияют на формирование международного молодежного сотрудничества.

По мнению других представителей новосибирской школы Р.В. Рывкиной и Л.Я. Косалса (1986), механизм можно рассматривать, как особого рода *«сложную социальную систему, обеспечивающую регулирование того или иного процесса»*. В широком смысле в составе любого механизма отчетливо просматриваются конкретные социальные институты (право, культура и т.д.), формирующие четкие социально-экономические условия и результаты активности социальных групп; сами социальные субъекты (группы), реализующие определенный вид активности (деятельности); а также общественная потребность, на удовлетворение которой направлена работа всего механизма.

По мнению Л. Васильевой, «социальный механизм – это устойчивое по форме социальное отношение, которое реализуется при любом числе повторений с максимально предсказуемым результатом. *Реализация социального действия в форме социального механизма предполагает ориентацию на поведение других людей, т.е. на контакт индивида с социокультурной средой.* Функция социального механизма состоит в закреплении «правильных» действий, вернее, того, что считается правильным в данной социальной среде» (Васильева, 2011).

Таким образом, *в основе многочисленных дефиниций социальных механизмов лежит специфика отношений акторов в социальной системе того или иного масштаба, выраженная в социальных практиках и деятельности социальных институтов.*

Выделяемые в научной литературе механизмы можно условно разделить на действующие объективно, независимо от сознания людей, и действующие субъективно, то есть применяемые людьми сознательно. Эти механизмы формируются социальными субъектами для того, чтобы различные процессы в обществе могли развиваться и функционировать.

При этом социальные механизмы, их функционирование в обществе регулируется с двух сторон: во-первых, формальными и неформальными правилами игры (соответствующими общественными институтами), а во-вторых, – интересами и возможностями игроков (социальным положением и культурными особенностями социальных субъектов: органов власти, организаций, групп, индивидов. Это позволяет рассматривать социальный механизм с двух сторон: с одной стороны, как структуру общественного процесса, обеспечивающую его протекание; с другой, – как способ постижения общественного процесса некими субъектами, метод выявления в этом процессе основополагающих сторон, похожих черт, закономерных

противоречий, средство разрешения этих противоречий, в том числе и организационно-управленческих.

Говоря о социальных механизмах тех или иных процессов (политических, экономических и пр.), следует иметь в виду, что речь идет о совокупности явлений и факторов, определяющих эти процессы, что образует некий целостный феномен, изучение строения которого позволяет лучше понять исследуемые закономерности. За последние несколько лет термин «социальный механизм» прочно вошел в методологию некоторых социологических школ в качестве базового компонента, а также он стал использоваться обществоведами различного профиля (Заславская Т.И., 1996, 2003; Косалс Л.Я., 2000; Рывкина Р.В., 1991; Соколова Г.Н., 1998; Шабанова М.А., 2001; Якуба Е.А., 1998). Эти обстоятельства, безусловно, определяют перспективность понятия «*социальный механизм*».

Можно выделить основные черты социального механизма, исходя из того, как разные авторы употребляют ее в своей практической деятельности. Отличительные особенности социальных механизмов заключаются в том, что они позволяют регулировать социальные процессы. Это можно объяснить тем, что социальные связи, обуславливающие системность социальных механизмов, обладают особенной силой, устойчивостью и значимостью. Механизмы социальных процессов включают в себя сосуществующие элементы, которые одновременно принадлежат как прошлому, так и настоящему. Это обстоятельство приводит к инерционности механизмов, невозможности их полного обновления. Помимо этого, рассматриваемые механизмы включают в себя феномены разной природы. Одни феномены возникают в ходе общественной эволюции, развиваются естественно-историческим путем, их трансформация происходит под действием внутренних изменений. Другие феномены в процессе социальных преобразований сознательно конструируются для достижения определенных целей (Косалс, Рывкина, 1996).

В разных обществах действуют разные социальные механизмы, характер которых зависит от особенностей институционального строения этих обществ, а также от функциональных потребностей этих обществ. Причем потребности эти связаны либо с поддержанием стабильности, т.е. с воспроизводством сложившихся отношений, либо с определенными социальными изменениями. Если социальные процессы носят общий характер, то регулирующие их механизмы становятся более сложными и многогранными. Соответственно, конкретизировать их становится очень сложно (Заславская, 2003).

В то же время категория «социальный механизм» позволяет решать достаточно широкий круг научных задач. Это и развитие экономики, стимулирование труда, социальное управление, демографическое развитие, социально-экономическое развитие региона, трансформация неправовых практик, стратегии формирования международного сотрудничества, формирования поведенческих стратегий в молодежных обменах и др.

Итак, понятие «социальный механизм» является сложным, трудно объяснимым и раскрываемым термином, поскольку отражает изменчивость и противоречивость протекающих в обществе социальных процессов. Сегодня это понятие прочно вошло в категориально-понятийный аппарат многих социальных и гуманитарных наук (право, экономика, философия, социология, социальная психология и др.), что позволяет применять его к самым различным

объектам, процессам и явлениям общественной жизни. Более распространенной является трактовка социального механизма в управленческом контексте. Это понятие часто применяют при анализе процессов мотивации, организации, упорядочивания, направленности и прочих изменениях. Социальному механизму присущи институциональные свойства. Социальный механизм рассматривается как система, которая регулирует социальное поведение и деятельность социальных групп, а также различные социальные процессы. С другой стороны социальные институты конкретного общества, социальный статус и сознание социальных групп, в свою очередь, регулируют саму систему социального механизма.

Важно отметить, что в последние несколько лет значительно возросла теоретическая и методологическая роль моделей социальных механизмов. По мнению некоторых исследователей, в современных условиях кризисного состояния социологической науки приоритетным направлением ее развития может стать именно исследование социального механизма. Такие установки объясняются эвристическими потенциями моделей социальных механизмов. Выделяют причинно-следственные и структурно-функциональные модели (механизмы). Именно первые в основном предназначены описывать развитие событий и процессов во времени, определять направленность, содержание и динамику социальных изменений. Благодаря причинно-следственной модели можно выделить оптимальный набор факторов, которые, взаимодействуя между собой, помогают понять строение изучаемого объекта и построить прогноз его поведения.

Одной из целей настоящего исследования является построение теоретической модели социального механизма формирования молодежных обменов между странами-участницами ШОС.

Представим вначале теоретическое моделирование социального механизма формирования молодежных обменов.

Изучение социального механизма формирования молодежных обменов чрезвычайно актуально на сегодняшний день. Такую актуальность «подогревают» не только общемировые тенденции развития социальных и политических систем, но и специфические условия новой российской государственности.

Деятельность молодежи, сформулированная в современной литературе как международное молодежное сотрудничество, молодежные связи, характеризует основные формы ее институционального взаимодействия на международной арене. Кроме того, в международной среде наиболее важной формой деятельности молодежи становятся элементы традиционной дипломатии, направленные на выстраивание отношений сверстниками с помощью средств общественных организаций, культуры, науки, спорта и т. д.

Анализ материалов о состоянии международного молодежного движения в конце 80-х гг. XX в. позволяет отметить, что участие молодежи в народной диплома-

тии и создание собственной «молодежной дипломатии» рассматривались как одни из самых актуальных задач в международной деятельности различных объединений молодого поколения. Недостаточная теоретическая и практическая изученность одной из современных форм международной деятельности молодежи требует рассматривать и учитывать не только множество факторов, которые непосредственно влияют на ее характер и развитие, но также понимание ее роли и влияния на формирование международного сотрудничества в молодежной среде. (Асадов Б, 2014).

Можно выделить следующие основные цели развития международного молодежного сотрудничества:

- формирование позитивного имиджа и укрепление авторитета Российской Федерации на международной арене;
- развитие долгосрочного сотрудничества и взаимопонимания с сопредельными государствами;
- углубление региональных интеграционных процессов на постсоветском пространстве;
- укрепление кадрового инновационного потенциала Российской Федерации посредством формирования эффективной государственной молодежной политики с учетом уникального международного опыта (Устинкин С., Тихонов А., 2010).

В 2009 г. российской стороной был сделан серьезный шаг в развитии молодежного сотрудничества в рамках ШОС. По инициативе Молодежной общественной палаты России и Российского союза молодежи при поддержке Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ был создан Молодежный совет Шанхайской организации сотрудничества. Впервые предложение о создании «молодежного крыла» ШОС было выдвинуто В.В. Путиным на встрече глав государств данной организации еще в 2006 г.

В качестве учредителей Молодежного совета выступили национальные молодежные объединения стран – участниц ШОС, представляющие более 400 млн молодых людей. Согласно принятой ими Декларации, Совет образован для «сотрудничества и обмена опытом представителей молодого поколения стран ШОС в различных областях развития молодой личности, которое смогло бы обеспечить фундаментальную преемственность политики ШОС и способствовать реализации ее исторической миссии»¹

Для России, заинтересованной в «укреплении политического потенциала Шанхайской организации сотрудничества, стимулировании в ее рамках практических шагов, способствующих укреплению взаимного доверия и партнерства в Центральном-Азиатском регионе», создание молодежного крыла ШОС приобретает серьезную значимость².

В рамках первого заседания Молодежного совета ШОС были подписаны Положение и Декларация о создании Молодежного совета ШОС, разработаны структура и основные направления работы, в ходе второго заседания стороны коснулись

1 Декларация о создании Молодежного совета Шанхайской организации сотрудничества // http://sco2009.ru/docs/documents/youngsco_declaration.html.

2 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Сайт Совета Безопасности Российской Федерации // <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>.

актуальных вопросов развития молодежного кадрового резерва и молодежного предпринимательства в государствах ШОС.

В современных социально-политических системах важным функциональным элементом является именно формирование социального механизма международного молодежного сотрудничества, в частности развитие молодежных обменов. Соответственно, для того, чтобы обеспечить стабильное функционирование и самовоспроизводство социально-политических систем, необходимо обеспечить целенаправленность действий в сфере формирования международного молодежного сотрудничества. На общемировом пространстве проблемы международного молодежного сотрудничества «подогреваются» как социально-политическими последствиями глобализации, кризисом наций-государств, так и усилением процессов региональной интеграции, проблемами в функционировании демократических институтов.

Значительная трансформация российского общества и государства, вызвавшая радикальные перемены социальной реальности, усиливает актуальность вопросов формирования международного молодежного сотрудничества в современной России.

В связи с вышесказанным изучение социального механизма формирования международного молодежного сотрудничества, нахождение потенциальных путей оптимизации этого механизма, повышение его эффективности с помощью оптимально скоординированных усилий институтов государства и гражданского общества до сих пор остается актуальнейшей задачей.

По мнению отдельных отечественных исследователей, **социальный механизм формирования** международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов *можно считать более или менее устойчивой системой взаимосвязанных и последовательных действий государственных институтов и других социально-политических субъектов, методов и способов формирования* международного молодежного сотрудничества.

Социальный механизм формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов можно отнести к сложной социальной системе. С одной стороны, в его составе можно увидеть все базовые элементы общества, его главные регуляторы. С другой стороны, регуляторы, которые входят в состав механизма, переструктурируются внутри и приобретают конкретное специфическое содержание. Разного рода механизмы ориентированы на достижение специфической цели – регулирование определенного социального процесса. В составе социальных механизмов можно увидеть субъектов двоякого рода, причастных к управлению социальным процессом и его участники. Субъекты, управляющие действиями других людей, включены в регулируемые ими процессы. Это, безусловно, сказывается на деятельности социальных механизмов, воздействует на их развитие и совершенствование. В социальном механизме формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов одновременно существуют явления двоякого рода: те, которые развиваются естественно-историческим путем, и те, которые создаются для достижения определенных целей. Явления, развивающиеся естественно-историческим способом, возникают в эволюционном процессе, медленно меняются и поэтому не поддаются прямому управлению. Вторые, создаваемые искусственно для достижения какой-либо цели, возника-

ют в процессе прямых преобразований, поисковых решений. В частности, в состав социального механизма формирования международного молодежного сотрудничества включены, с одной стороны, государство как механизм, который формируется с определенной целью и носит по преимуществу планово-управленческий характер, а с другой – ценности, убеждения, интересы, установки и поведение молодого населения, складывающиеся исторически и не поддающиеся прямому управлению.

Для социального механизма формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов свойственно управление двоякого рода: внутреннее (самоуправление) и внешнее. Этот факт – следствие того, что в составе механизма находятся, с одной стороны, социальные институты, а с другой – группы обладающих сознанием людей, с социальной рефлексией. Внутренне самоуправление также связывается с наличием в структуре механизма некоторых элементов, которые олицетворяют социальную память. К таким элементам можно отнести культуру, нравственность, идеологию, религию. **Сердце социального механизма образовано четырьмя группами элементов: определенный набор социальных институтов общества; определенные условия жизнедеятельности социальной группы; определенные стороны сознания групп, такие как цели, интересы, потребности; определенные формы активности (деятельности, поведения) групп.** В рамках различных социальных механизмов, которые действуют в разных сферах социальной жизни, указанные выше элементы конкретизируются, но несмотря на это их набор остается стабильным. Внутри каждого механизма эти группы явлений взаимосвязаны, они образуют систему, которая способна к функционированию. Результатом функционирования становится порождение социальных процессов, оказывающих непосредственное влияние на формирование международного молодежного сотрудничества, и управлению им.

К базовым элементами «ядра» социального механизма можно отнести поведение и деятельность различных социальных и молодежных групп. Благодаря этим элементам формируются условия жизнедеятельности, а социальные институты функционируют и развиваются.

Социальный механизм формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов – это устойчивая система взаимодействий социальных акторов (государства, институтов гражданского общества, социальных групп, отдельных индивидов), на которые оказывают влияние потребности и интересы этих групп, а также этнокультурная специфика среды, особенности протекания этнических процессов, общественно-политические и социально-культурные условия функционирования этих групп. Деятельность и поведение социальных акторов являются главным двигателем социального механизма формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов.

Социальный механизм формирования международного молодежного сотрудничества, в частности молодежных обменов включает несколько групп социальных акторов, которые функционируют на разных его уровнях. Выделяют два основных вида групп: те, которые причастны к управлению поведением (государство, социальные институты, институты гражданского общества); и рядовые участники социального процесса формирования международного молодежного сотрудничества, в

том числе молодежных обменов – отдельные индивиды, молодежные и социальные группы.

Таким образом, функционирование социального механизма формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов является системой связей между входящими в его состав элементами. Эта система состоит в следующем: с помощью социальных институтов формируются условия жизнедеятельности социальных и молодежных групп, определяется их характер, особенности социального положения и этноконтактной среды, а также статусные отношения между молодежными группами. Положение этих групп определяет характер их целей и интересов. Последние, в свою очередь, непосредственно влияют на поведение групп, а формы активности групп формируют и характер соответствующих социальных процессов (рисунок 1). Последнее объясняется тем, что на поведенческом уровне молодежные обмены рассматриваются как процесс решения социально и жизненно значимых проблем, причем каждое принятое решение по поводу мобильности будет вносить вклад в формирование структуры молодежного обмена в качестве ее элемента.

Рисунок 1 – Схема функционирования социального механизма международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов.

Теоретическая модель реализуется на основе анализа социального механизма формирования международного молодежного сотрудничества, в частности молодежных обменов **и включает в себя три уровня анализа: макроуровень (институциональный, культура), мезоуровень (социально-групповой), микроуровень (индивидуальный).**

Макроуровень представлен *институциональной структурой общества.*

В левой части (Рисунок 2) находится большой квадрат, в котором изображена институциональная структура общества. В него включаются четыре основных элемента: административные и формально-правовые нормы, устанавливаемые и контролируемые государством (блок А – *Государство / Политические институты*); социокультурные нормы, контролируемые гражданским обществом (блок Б – *Институты гражданского общества*), деятельность социальных институтов (право, культура, образование, и т.д.), формирующих конкретные социально-экономические условия активности социальных акторов и ее результаты (блок В – *Социальные институты*) и деятельность органов законодательной власти в области формирования международного сотрудничества (блок Г – *Законодательная и нормотворческая политическая деятельность*).

В основе любого социального института лежат нормы права, формально зафиксированные в законах, подзаконных актах и других нормативно-правовых документах (формально-правовые и административные нормы, устанавливаемые и контролируемые государством (блок А). Легитимность, полнота и непротиворечивость этих норм, их справедливость в глазах общества определяют социальное качество и эффективность института. Важно учитывать и качество контроля соблюдения правовых норм.

Второй элемент институциональной структуры общества – это социокультурные нормы, которые регулируют поведение социальных акторов (*связь 1*) в соответствующих сферах (блок Б). Соблюдение этих норм контролируется культурными механизмами, общественным мнением и моральными оценками окружающих.

Третьим элементом выступают непосредственно те или иные социальные институты (право, культура, образование, СМИ и т.д.) (блок В), формирующие конкретные условия жизнедеятельности социальных и молодежных групп (*связь 2*), определяющие их характер, особенности социального положения и этноконтактной среды, статусные отношения между социальными и молодежными группами (*связь 3*). Социальные институты данного общества регулируют устойчивую систему поведения социальных и молодежных групп, а также взаимодействия этих групп друг с другом и с государством по поводу предмета их интереса (*связи 4 – 6*).

Блок Г отражает деятельность органов законодательной власти в области формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов (в частности, реализация государственной международной политики, издание нормативно-правовых документов, принятие федеральных и региональных целевых программ по вопросам международного сотрудничества, международного молодежного сотрудничества, молодежных обменов и пр.) (*связь 7*), ограниченную формально-правовыми рамками (*связь 8*).

Волей политических лидеров (государства и его политических институтов) через социальные институты (*связь 9*), в первую очередь через средства массовой информации и образования, государственные знаки и символы оформляются, распространяются и закрепляются в официальных документах (*связь 10*), воздействуя на общественное сознание (*связь 11*).

Эффективность деятельности по формированию международного молодежного сотрудничества, молодежных обменов на уровне институциональной структуры зависит от взаимного соответствия, с одной стороны, формальных и неформальных норм (*связи 12 – 13*) и, с другой стороны, норм и реальных практик (*связи 1 и 14*). Таким образом, возможности социального института складываются из социокультурных и правовых сил, потенциал которых существенно значим для удовлетворения общественной потребности (необходимое условие существования института), в том числе в интеграции через приобщение к общим для данного социума ценностям и целям.

Мезоуровень (социально-групповой) процесса формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов представлен четырьмя блоками: деятельность руководителей министерств, комитетов, отдельных учреждений, межведомственных и общественных комиссий по вопросам международного сотрудничества (блок *Д – Деятельность учреждений по формированию международного сотрудничества*), конкретные социальные субъекты (социальные и молодежные группы, отдельные индивиды), реализующие определенный вид деятельности и взаимодействующие друг с другом (блок *Е – Социальные и молодежные группы*), те или иные формы активности (поведения, деятельности) групп, выраженные в социальных практиках (блок *Ж – Устойчивое поведение молодежных групп*), общественная потребность, на удовлетворение которой направлена работа механизма (блок *З – Удовлетворение общественной потребности в международном молодежном сотрудничестве*).

Внедрение новых правовых норм в социальную практику, координация действий по выполнению принимаемых программ в области формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов (в частности, реализация государственной международной политики, издание нормативно-правовых документов, принятие федеральных и региональных целевых программ по вопросам международного сотрудничества, международного молодежного сотрудничества, молодежных обменов и пр.) является функцией соответствующих межведомственных и общественных комиссий по вопросам международного молодежного сотрудничества, а также организаций разного уровня подчинения (федерального, регионального, муниципального), общественного, государственного и частного секторов, которые как непосредственно, так и опосредовано, включены в работу по формированию международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов (блок *Д*). Деятельность учреждений, составляющих блок *Д*, регулируется формально-правовыми нормами, контролируется политическими структурами (*связи 15 и 16*), а с другой стороны одновременно воздействует на них, предоставляя основания для модернизации существующего законодательства (*связи 17 и 18*).

В составе любого механизма можно увидеть конкретных социальных субъектов (социальные и молодежные группы, отдельные индивиды) (блок *Е: Е1 и Е2*),

реализующих определенный вид деятельности (*связь 19*) и взаимодействующих друг с другом (*связь 20*) и с государством (*связь 21*) по поводу предмета их интереса. «Ядро» социального механизма составляют такие его главные элементы, как деятельность и поведение различных социальных и молодежных групп (блок Ж: Ж1). Только благодаря им функционируют и развиваются социальные институты, формируются условия жизнедеятельности (*связи 22 и 2*). Устойчивая система поведения молодежных групп проявляется в социальных практиках (блок Ж: Ж2), под которыми понимается устойчивая система взаимосвязанного и взаимно ориентированного поведения социальных субъектов по поводу международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов. В конкретном случае речь касается именно таких социальных практик, результат которых способствует удовлетворению потребности общества (блок 3, *связь 23*) в международном молодежном сотрудничестве через приобщение к общим для данного социума ценностям и целям (*связи 14, 1, 4*), наполняющимся через социокультурный контекст конкретным содержанием (Блок У). Поведение групп формирует и характер соответствующих социальных процессов (*связь 23*).

Как правило, не всем социальным практикам свойственен институциональный характер. Преимущественно институционализируются социальные практики, отличающиеся либо большей значимостью и массовостью, либо устойчивостью и традиционностью (*связь 14*). Именно такие практики составляют устойчивое ядро жизнедеятельности данного общества (блок Ж: Ж2). Деятельность и поведение социальных акторов являются главным двигателем социального механизма формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов.

На мезоуровне происходит организация межсекторального и межведомственного взаимодействия, реализуется определенная активность взаимодействующих друг с другом молодежных групп в сфере формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов, формируется политика в этой области, основанная на законодательной и нормотворческой деятельности институционального уровня.

На этом уровне эффективность формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов зависит от степени развитости у акторов мезоуровня организационно-административных, политических, социально-экономических сил, от особенностей их взаимодействия друг с другом и с конкретным жизненным пространством, а также от выполнения социальными группами (*связь 24*) принимаемых программ в области формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов, и учета межведомственными и общественными комиссиями результатов реализации этих программ в своей деятельности (*связь 25*).

Микроуровень (индивидуальный) процесса формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов представлен тремя блоками: условия жизнедеятельности социальной группы (блок И – *Условия жизнедеятельности молодежных групп*), социальный статус группы в обществе (блок К – *Социальный статус*), поведение молодежных групп в области международного сотрудничества (цели, интересы, потребности) (блок Л – *Поведение молодежных групп в области международного сотрудничества*).

Те или иные условия жизнедеятельности молодежной группы (блок *И*), формируемые социальными институтами и социальными практиками (*связи 22, 2 и 26*), определяют положение социальных и молодежных групп в обществе (*связь 27*). При этом социальный статус (блок *К*), в свою очередь, оказывает обратное влияние на условия жизнедеятельности молодежных групп в обществе (*связь 28*). Условия жизнедеятельности и положение (социальный статус) групп детерминируют определенные стороны их сознания (*связи 29 и 30*) – характер потребностей, интересов, целей (блок *Л*), а цели и интересы социальных групп непосредственно влияют на их поведение (*связь 31*). Именно социальный статус и поведение этих групп в области международного сотрудничества завершают формирование реальных социальных практик в области формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов.

Эффективность формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов микроуровне будет определяться тем, насколько условия и положение групп, их поведение будут способствовать международному молодежному сотрудничеству, в том числе молодежных обменов.

Данный подход к выделению уровней социального механизма и социальный акторов не совсем совпадает с подходом Т.И. Заславской и М.А. Шабановой, однако в данной модификации нами видится некоторая эвристическая ценность. Такое выделение уровней процесса формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов делает возможным построение *континуума персонификации акторов*, функционирующих на разных его уровнях: на одном полюсе этого континуума находится институциональная структура как деперсонифицированный актор (государство, социальные институты, институты гражданского общества), а на другом – конкретные люди, рядовые участники социального процесса формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов – отдельные индивиды, молодежные и социальные группы, обладающие определенным социальным статусом и практиками в области международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов.

Структура **социального механизма международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов**, представленная выше, позволяет рассматривать систему факторов, благодаря которым можно определить эффективность социального механизма развития международного сотрудничества. Указанные факторы, дифференцируясь по разным уровням формирования международного сотрудничества, представляют собой характеристики и свойства деятельности социальных акторов, а также устойчивых взаимодействий между ними. Все это обуславливает необходимость модернизации социального механизма международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов.

Система факторов социального механизма формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов на макроуровне представлена совокупностью институциональных факторов (*Блок М*). В их число входят факторы трех категорий:

- *фактор конфигурации социальных институтов* (конкретные социальные институты, участвующие в формировании международного сотрудничества на том или ином этапе развития общества);

- *фактор легитимности* социального института, который входит в конфигурацию (устойчивость данного института, его способность оказывать организующее влияние на общественную жизнь);

- *нормативный фактор*, который характеризует сущностные элементы социального института (институционализированные социальные практики, формально-правовые и социокультурные нормы);

- *идейно-политический фактор*, который влияет на законодательную и нормотворческую политическую деятельность.

Мезоуровень формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов, представлен такими политико-административными факторами определения эффективности социального механизма, как (*Блок Н*):

- *организационно-административный фактор*, который определяет эффективность межсекторальных и межведомственных взаимодействий;

- *социально-экономический фактор*, который связан с распределением материальных, финансовых и трудовых ресурсов, необходимых для эффективного обеспечения международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов.

На микроуровне (индивидуальном) эффективность социального механизма определяется потенциалом жизненных сил индивидуальных субъектов, их жизненными позициями и принципами, социальными установками, ценностями и убеждениями, интересами, физическими, интеллектуальными и нравственными качествами, что представляет собой **фактор человеческой активности** модернизации формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов, воздействующий в целом на функционирование механизма (*Блок О, связи 32 – 36*)³.

Рассмотренная система факторов социального механизма формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов, дополняется факторами, действующими на межличностном, региональном, страновом и глобальном уровне (*связь 37*).

К факторам, оказывающим воздействие на формирование международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов **на глобальном уровне** (*Блок П*), можно отнести взаимосвязь экономик отдельных государств, формирование «новых солидарностей», преодолевающих традиционные политические границы, интенсификацию миграционных процессов и межкультурного обмена, унификацию жизненного уклада, появление глобальных угроз, таких, как терроризм.

Факторами формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов **на общероссийском уровне** (*Блок Р*) выступают реализуемая государством национальная политика, а также политика в сферах государственной безопасности, образования, регулирования деятельности СМИ, международная политика, культурная политика, уровень развития гражданского

³ В рамках данного исследования анализируются нормативный, организационно-административный и человеческий факторы.

общества, социально-экономическая дифференциация регионов, показатели уровня жизни, миграционные процессы, особенности исторического прошлого конкретных народов, населяющих Россию, политические границы.

На региональном уровне (Блок С) формирование международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов обусловлено географическим положением, историческим прошлым, имеющимся опытом межнационального взаимодействия, особенностями экономики региона и региональной политики, актуальными социально-экономическими проблемами, спецификой соседствующих культур и конфессий, а также конкретными событиями жизни региона.

К факторам, оказывающим воздействие на формирование международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов **на межличностном уровне (Блок Т)**, относятся особенности самоидентификации, специфика социализации в семье, школе и ближайшем социальном окружении, практика семейного воспитания, гетерогенность или гомогенность этноконтактной среды, статусные отношения между социальными и молодежными группами, влияние социального окружения индивида на его ценности и установки.

Любой социальный механизм действует в определенном социальном контексте, определенных условиях. Содержание того или иного контекста различается в зависимости от актуального развития всех сфер общественной жизни и от сущности самого механизма. Для социального механизма международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов в качестве основного контекста (**Блок У**) выступают следующие характеристики: глобальные изменения в социально-политической сфере и связанные с ними изменения в межстрановых отношениях, социально-демографические и социокультурные характеристики, этнокультурная специфика среды и особенности протекания этнических процессов в странах и регионах, общественно-политические и социально-культурные условия функционирования социальных групп.

Социальный механизм формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов опирается на систему социальных регуляторов (частных механизмов): практики международного сотрудничества; процесс социализации; традиции и обычаи, нормы и ценности этнокультурной среды различных стран; система идей и идеалов, господствующих в обществе; система образования, СМИ, пропаганда, национально-идеологическая работа, духовные ценности, культурное наследие.

Социальный механизм формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов можно типологизировать в зависимости от ключевых оснований его функционирования. Соответственно с этим, следует выделить социоэкономические, социокультурные, политические механизмы.

Социоэкономические механизмы формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов связаны с системой распределения доходов в обществе и в организациях, направленных на развитие международного сотрудничества.

Социокультурные механизмы связаны с действием таких факторов, как традиции, общественная мораль, религия. Сами во многом являясь результатом действия социоэкономических, политических и других факторов, они, тем не менее, приоб-

ретают самостоятельную значимость и начинают формировать экономические, политические и другие феномены социума, проникая на микросоциальный уровень и устанавливая социальную и социализационную нормы (Бояринова, 2014).

Политические механизмы проявляются в отчуждении власти и общества, в дискретности политической коммуникации и преимущественно односторонней ее направленности. Невозможность влиять на политические решения не только размывает политическое доверие, но и способствует распространению установки на отказ от любых форм общественного активизма.

Итак, социальный механизм формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов представляет собой устойчивую систему взаимодействий социальных акторов разных уровней и типов. Конечным результатом таких взаимодействий является удовлетворение определенной общественной потребности в международном молодежном сотрудничестве. С одной стороны, эти взаимодействия опосредованы объективными факторами, которые существуют вне субъекта (социальная структура, институты, нормативные предписания и т.д.). С другой стороны, взаимодействия социальных акторов отражают различия в индивидуальных жизненных ситуациях (дифференциация социальных ролей и статусов, положение индивида по отношению к ресурсам, ценностные ориентации, оценка условий жизни т. д.).

Формирование и проявление поведения индивидов в области международного молодежного сотрудничества детерминировано целым рядом факторов, обусловленных общественно-политическими и социально-культурными условиями, особенностями протекания этнических процессов в социуме, этнокультурной спецификой среды и социального окружения.

Структура социального механизма формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов образуется четырьмя группами элементов: конкретным набором социальных институтов общества; конкретными условиями жизнедеятельности группы; конкретными сторонами сознания группы (целями, интересами, потребностями); конкретными формами активности (поведения, деятельности) группы.

Обобщая рассмотренные положения, необходимо подчеркнуть, что теоретическая модель социального механизма **международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов** трактуется в рамках интеграции институционального, структурно-функционального и деятельностного подходов, а также выполняет ряд важных методологических и методических функций ее использования:

дает возможность представить модель конструирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов в современном российском обществе;

обеспечивает целостное видение процесса международного молодежного сотрудничества;

актуализирует междисциплинарные исследования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов;

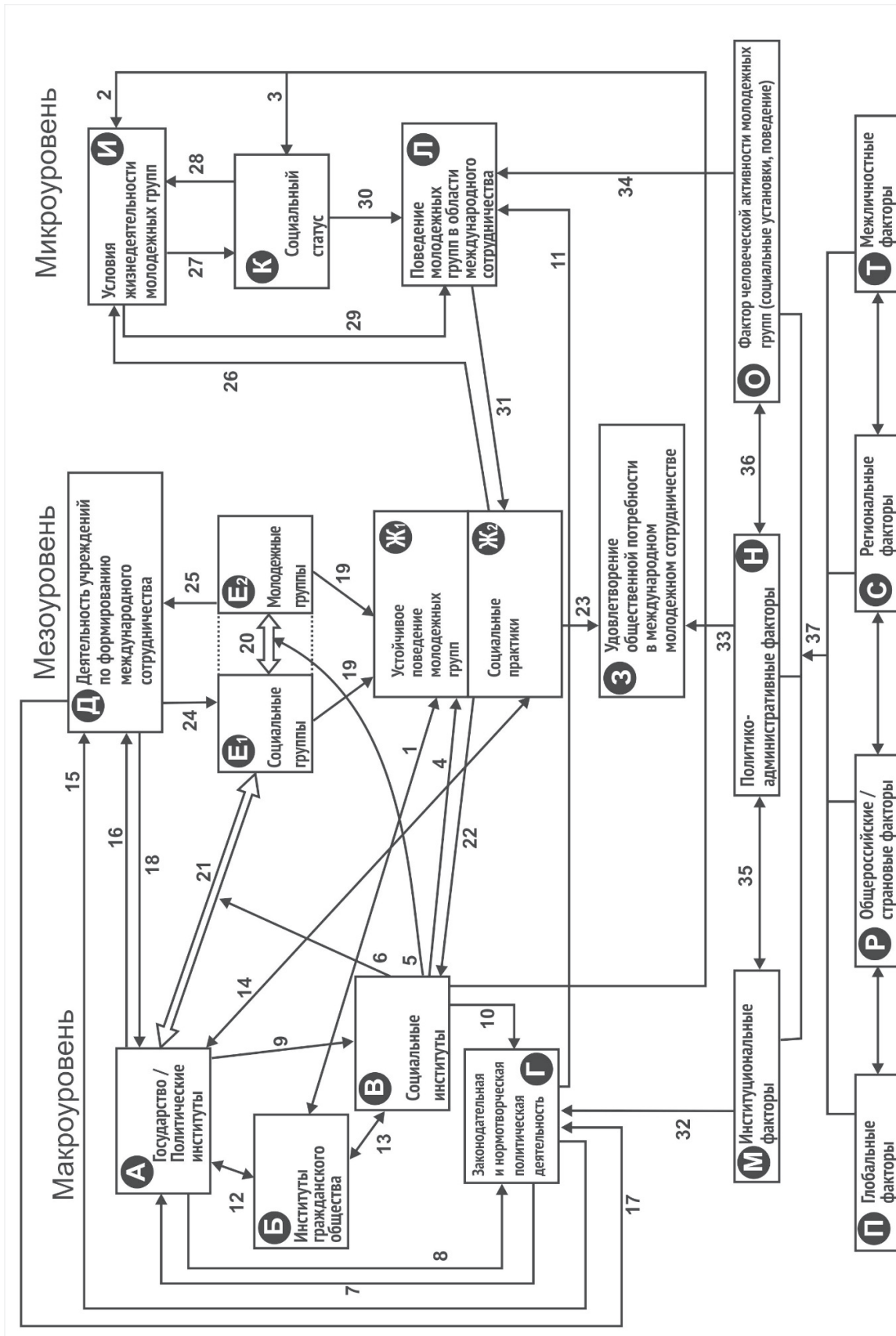

Рисунок 2 – Теоретическая модель социального механизма формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов.

помогает придать более системный характер межрегиональным и международным кросс-культурным исследованиям молодежных обменов;

позволяет сформулировать направления модернизации социального механизма формирования международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов;

позволяет разработать научно-обоснованную систему мониторинга различных показателей международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов;

актуализирует *разработку концептуальных основ* международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов;

позволяет разработать *систему мер по развитию* международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов;

эвристический потенциал моделей социальных механизмов позволяет глубже разобраться в анализе процессов, происходящих в гражданской и этнокультурной сфере.

Такое комплексное социологическое исследование **социального механизма международного молодежного сотрудничества, в том числе молодежных обменов** обладает существенным потенциалом для разработки новых концептуально-теоретических и эмпирических моделей.

МОЛОДЕЖНЫЕ ОБМЕНЫ МЕЖДУ СТРАНАМИ-УЧАСТНИЦАМИ ШОС В ПЕРИОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В 2014-2015 ГОДАХ: ПОКАЗАТЕЛИ, ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ

3.1. Социально-демографические характеристики участников молодежных обменов стран-участниц ШОС

О тличительной чертой межгосударственных отношений XXI века является содействие международным контактам различных категорий населения, прежде всего молодежи, специалистов в гуманитарной и иных сферах человеческой деятельности. Ежегодно по программам молодежного и академического обмена на научные стажировки, конференции, семинары, учебу в различные страны мира выезжают миллионы человек. Это развивает культурные и экономические связи между государствами, способствует общему научно-техническому прогрессу человечества, повышению уровня мировой цивилизации.

В настоящее время интеграция России в международное сообщество, в том числе в международное образовательное пространство, очевидна: наша страна активно вовлекается в процессы глобализации образования и науки, расширяются ее международные гуманитарные контакты, чему способствуют преобразования, совершившиеся в российском обществе в последнее десятилетие. Россия становится все более открытой для внешних контактов и связей не только на уровне государственных ведомств и учреждений, но и для рядовых граждан, в том числе школьников, студентов, молодых специалистов (Арефьев, 2008).

В российской высшей школе большее интеграционное движение отмечается в европейском направлении. Вместе с тем, и европейский, и относительно новый азиатский вектор интеграции российской системы высшего образования требует необходимости обеспечения высокого качества, отвечающего самым современным и актуальным стандартам международного признания.

Министерство образования и науки РФ в качестве одного из критериев оценки эффективности деятельности высших учебных заведений утвердило достижение ключевых показателей научно-исследовательской и международной деятельности, в частности, количество научно-педагогических работников, получивших международные гранты, объем средств НИОКР, полученных в результате выполнения работ по международным и зарубежным грантам и договорам с организациями-нерезидентами. Вместе с тем, международная деятельность высших учебных заведений становится еще и способом выстраивания новых дипломатических и межкультурных отношений, создания коммуникативных и инновационных площадок, со-

действующих помимо обмена опытом и производства профессиональных и научных кадров, формированию позитивного имиджа региона и страны в целом.

В рамках реализации научного исследования перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах проведен выборочный социологический опрос участников программ международных молодежных обменов (n=449).

Социально-демографические характеристики

В исследовании приняли участие граждане России (21,2%), Китая (22,3%), Казахстана (15,6%), Таджикистана (15,6%), Кыргызстана (14,7%). Граждане других государств, включая Узбекистан, составили 10,7% выборочной совокупности. Средний возраст участников программ международной мобильности – 22 года. При этом средний возраст граждан России, Казахстана, Таджикистана – 21 год, Кыргызстана – 22 года, Китая – 23 года, других стран – 27 лет (рисунок 3.1.1).

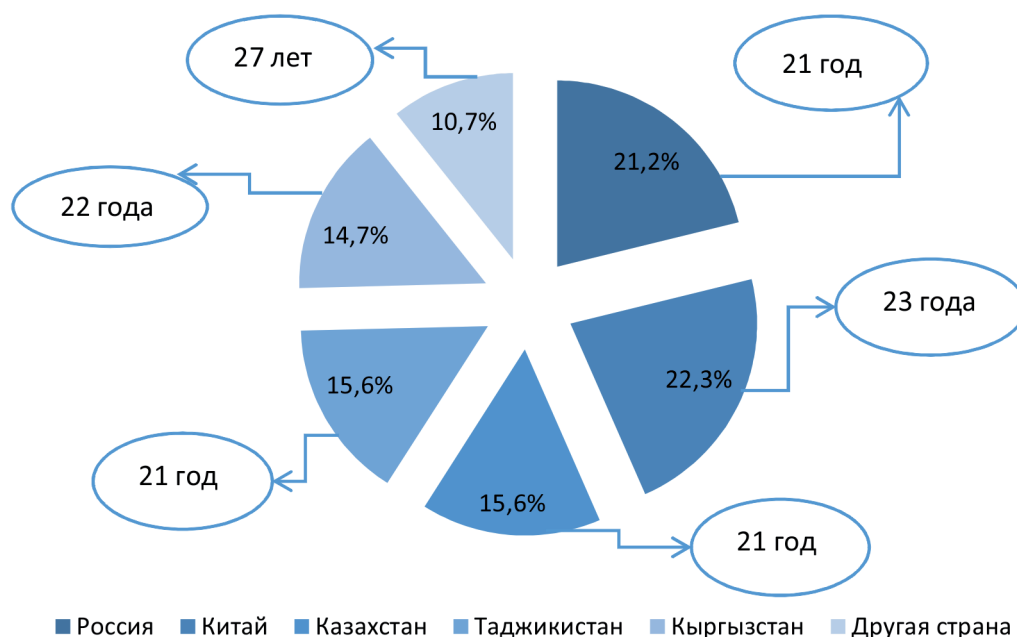

Рисунок 3.1.1 – Гражданство и средний возраст участников программ молодежных обменов, %.

Почти половину опрошенных (44,1%) составили участники в возрасте 21-25 лет, 38,2% участников опроса в возрасте 18-20 лет, 17,7% – в возрасте 26 лет и старше. Среди российских участников программ молодежных обменов 40% составили молодые люди в возрасте 18-20 лет, 52,6% – 21-25 лет, 7,4% – 26 лет и старше. Среди граждан Китая 13,4% участников в возрасте 18-20 лет, 69,1% – 21-25 лет, 17,5% – старше 26 лет. Более половины участников программ молодежных обменов Казахстана (60,3%) в возрасте 18-20 лет, четверть (26,5%) – 21-25 лет, 13,2% – в возрасте от 26 лет и старше. Среди граждан Таджикистана 56,1% в возрасте 18-20 лет, 34,8% – 21-25 лет, 9,1% – 26 лет и старше. Половина участников молодежных обменов – граждан Кыргызстана (50,8%) в возрасте 18-20 лет, 33,3% – 21-25 лет, 15,9% – в возрасте 26 лет и старше. Более половины участников из других стран (60,9%) старше 26 лет (рисунок 3.1.2).

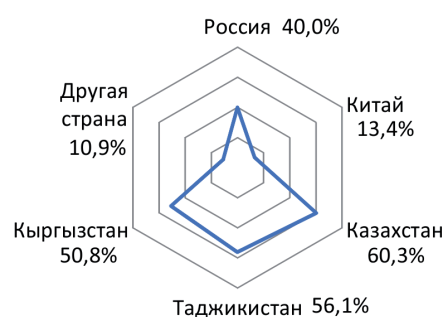
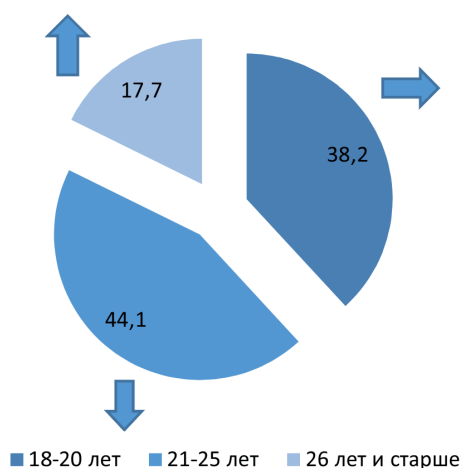
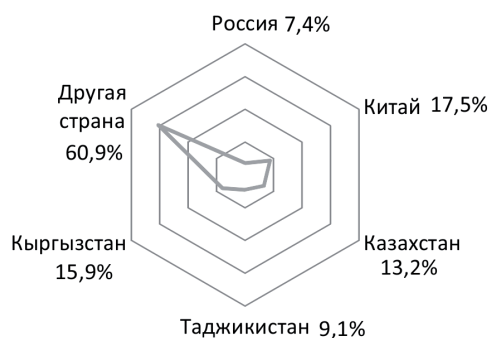
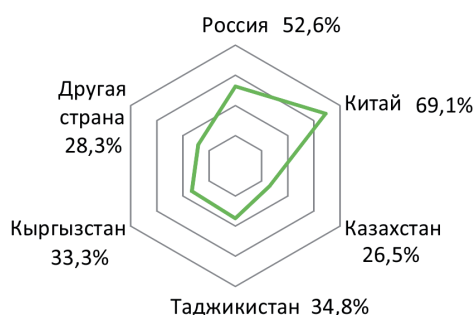

Рисунок 3.1.2 – Возраст участников программ молодежных обменов, %.

Женщины составляют 51,5% участников программ молодежных обменов, мужчины – 48,5%. Среди российских участников программ молодежных обменов 31,9% составили мужчины, 68,1% – женщины. Среди граждан Китая 37% участников – мужчины, 63% – женщины. 30% участников программ молодежных обменов Казахстана – мужчины, 70% – женщины. Среди граждан Таджикистана мужчины составили большинство опрошенных – 84,3%, женщины – 15,7%. Половина участников молодежных обменов – граждан Кыргызстана (50%) мужчины, половина – женщины. Большинство участников (78,7%) из других стран – мужчины, 21,3% – женщины (рисунок 3.1.3).

Рисунок 3.1.3 – Пол участников программ молодежных обменов, %.

Половина опрошенных участников программ молодежных обменов (49%) имеют высшее образование, 35,7% – незаконченное высшее, 14,4% – среднее. Среди российских участников программ молодежных обменов 36,8% составили молодые люди с высшим образованием, 57,9% – с незаконченным высшим, 5,3% – со средним. Большинство участников-граждан Китая (75%) имеют высшее образование, 25% – незаконченное высшее. 40% участников программ молодежных обменов Казахстана с высшим образованием, 38,6% – с незаконченным высшим, 20% – со средним. Среди граждан Таджикистана 40% имеют высшее образование, 15,7% – незаконченное высшее, 44,3% – среднее. 40% участников молодежных обменов – граждан Кыргызстана имеют высшее образование, 43,1% – незаконченное высшее, 15,4% – среднее. Более половины участников из других стран (57,8%) с высшим образованием (рисунок 3.1.4).

Подавляющее большинство участников программ молодежных обменов (84%) представляют высшие учебные заведения – институты, университеты или академии. Менее 10% опрошенных являются представителями среднего образования (школы, лицеи, гимназии). Общественные или молодежные организации представлены 3,8% опрошенных. Учреждения среднего профессионального образования (колледжи, техникумы, училища) представляют менее 2% респондентов. Российские участники программ молодежных обменов в подавляющем большинстве (92,6%) представляют высшие учебные заведения, 6,3% – общественные или молодежные организации. Участники-граждане Китая в большинстве представляют вузы (87%), а также учреждения среднего образования (9%) и другие организации (4%). Участники программ из Казахстана являются в большинстве представителями институтов, университетов и академий (88,6%), 7,1% – общественных или молодежных организаций, 2,9% – школ, лицеев, гимназий. Среди участников программ – граждан Таджикистана 59,4% представляют вузы, 34,8% – учреждения среднего образования, 4,3% – колледжи и техникумы. Участники программ молодежных обменов из Кыргызстана представляют в большинстве высшие учебные заведения (90,6%), а также школы, лицеи и гимназии – 6,3%. Участники из других стран пред-

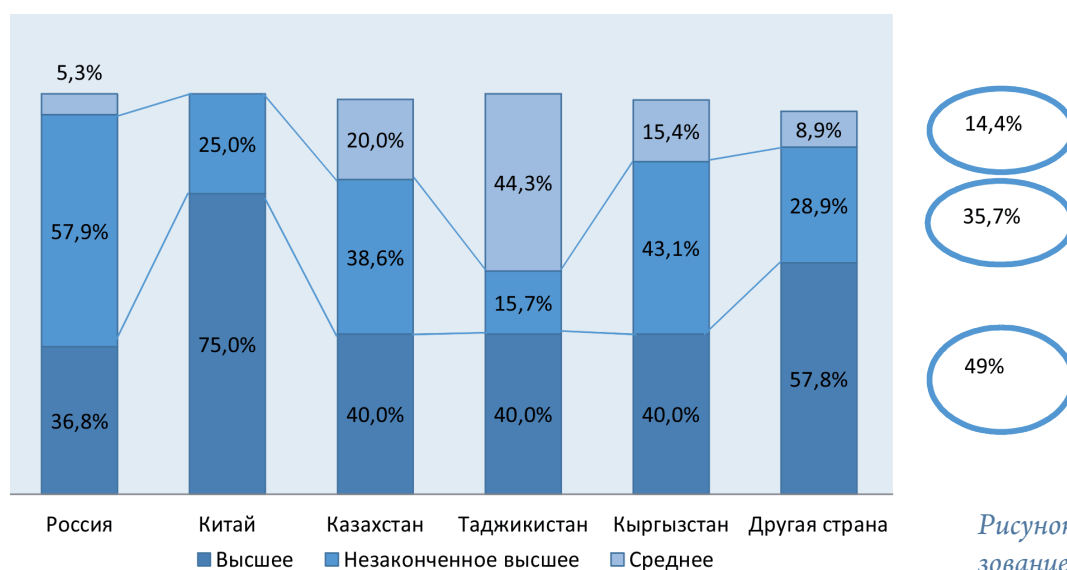

Рисунок 3.1.4 – Образование участников программ молодежных обменов, %.

Рисунок 3.1.5 – Организация, представляемая участниками программ молодежных обменов, %.

ставляют вузы (80,4%), общественные или молодежные организации (10,9%), учреждения среднего профессионального образования (8,7%) (рисунок 3.1.5).

Организация, которую представляют участники программ молодежных обменов, находится в областном городе у половины опрошенных (56%), мегаполисе и/или столице у 30,5% участников, районном городе у 12,6% респондентов. Менее чем у 1% участников представляемая организация находится в сельской местности. У четверти российских участников программ молодежных обменов (26,3%) представляемая организация расположена в крупном городе или столице, у 70,5% – в областном городе, у 3,2% – в районном городе. У участников программ молодежных обменов – граждан Китая организации расположены в мегаполисах и столице (5,1%), областном городе (60,2%), районном городе (32,7%) и селе (2%). Почти треть (26,9%) участников программ молодежных обменов Казахстана отметили, что их учреждение находится в крупном городе/столице, 65,7% – в областном горо-

де, 7,5% – районном городе. У половины участников программ – граждан Таджикистана организации расположены в мегаполисе, столице, у 39,7% – в областном городе, у 10,3% – в районном городе. 60,3% участников молодежных обменов – граждан Кыргызстана указали расположение своей организации в крупном городе и/или столице, 34,9% – в областном городе, 3,2% – в сельской местности. У трети участников из других стран (28,9%) организация находится в столице, у половины (55,6%) – в областном городе, у 15,6% – в районном городе (рисунок 3.1.6).

По должности в представляемой организации опрошенные участники программ молодежных обменов распределились следующим образом: 6,5% школьников, 74% студентов, 9% преподавателей, 5,9% специалистов по молодежной и социальной работе, 0,2% волонтеров. Среди других должностей (4,3%) были отмечены аспирант, председатель студенческой организации, председатель общественной организации, заместитель председателя профкома. Должности участников программ молодежных обменов из разных стран представлены в выборке следующим образом: Россия – 76,6% студентов, 8,5% преподавателей, 11,7% специалистов по моло-

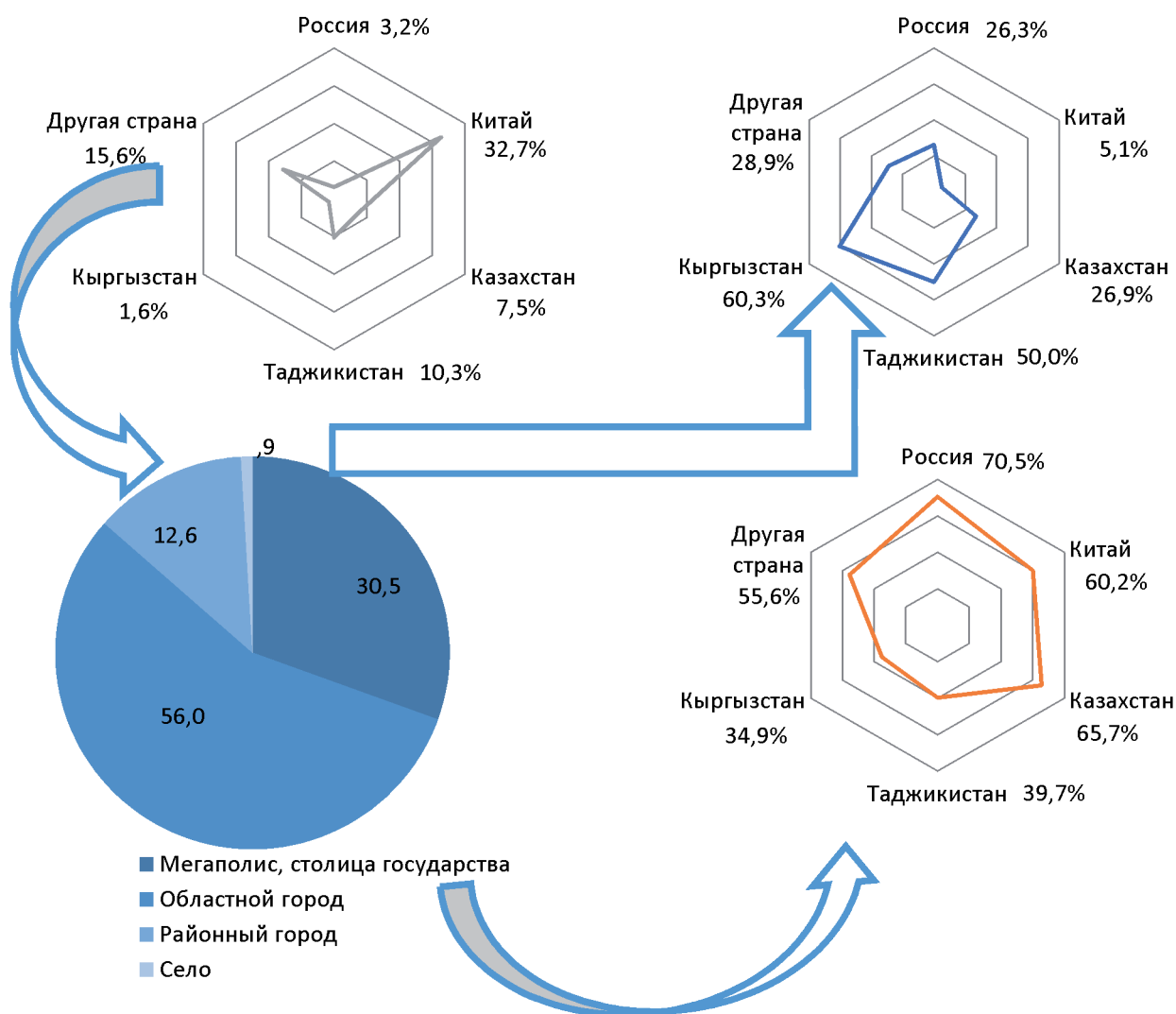

Рисунок 3.1.6 – Месторасположение организации, представляемой участниками программ молодежных обменов, %.

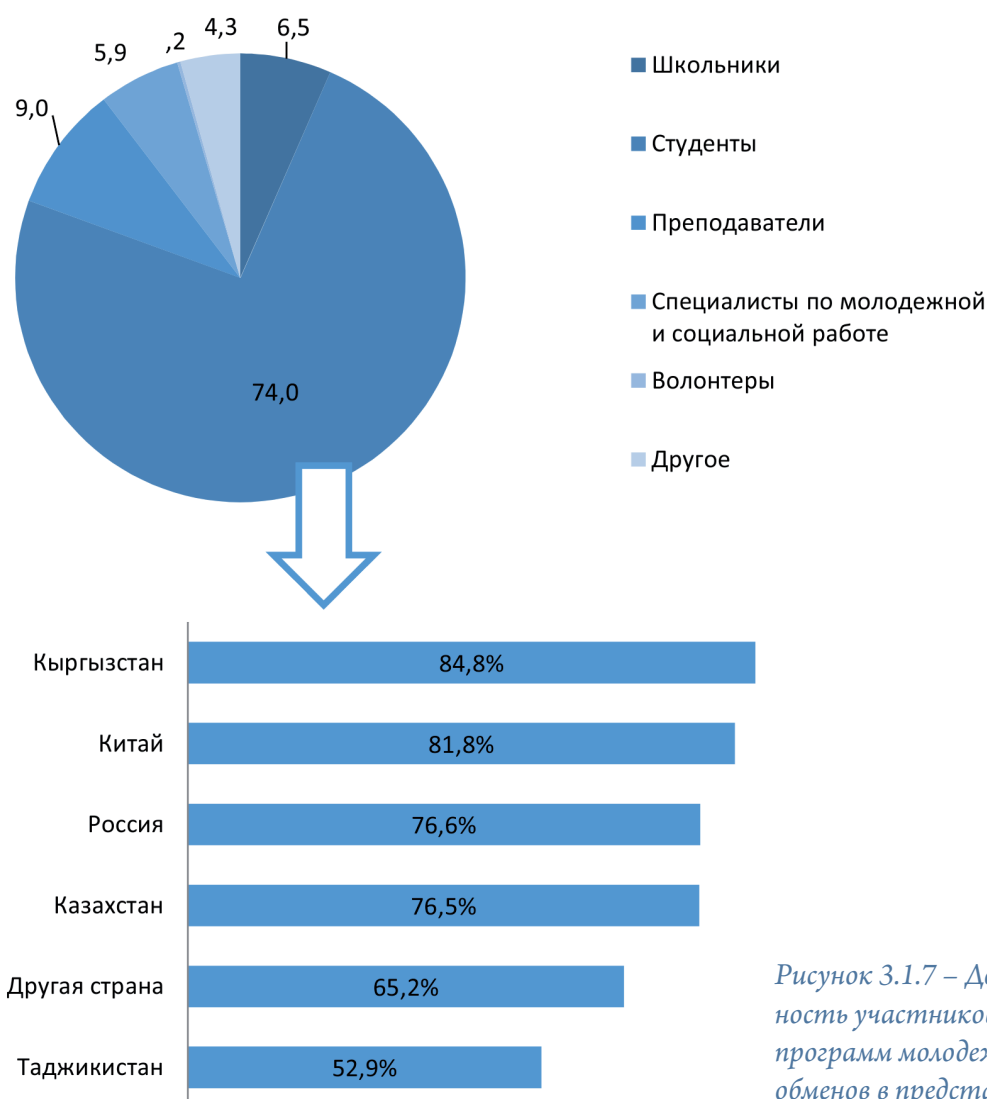

Рисунок 3.1.7 – Должность участников программ молодежных обменов в представляемой организации, %.

дежной и социальной работе; Китай – 81,8% студентов, 10,1% преподавателей; Казахстан – 76,5% студентов, 7,4% преподавателей, 7,4% специалистов по молодежной и социальной работе, 1,5% волонтеров; Таджикистан – 38,6% школьников, 52,9% студентов, 5,7% преподавателей, 1,4% специалистов по молодежной и социальной работе; Кыргызстан – 1,5% школьников, 84,8% студентов, 7,6% преподавателей, 6,1% специалистов по молодежной и социальной работе; другие страны – 2,2% школьников, 65,2% студентов, 17,4% преподавателей, 10,9% специалистов по молодежной и социальной работе (рисунок 3.1.7).

Владение иностранным языком приобщает к мировой культуре, а также позволяет стать высококвалифицированным специалистом-профессионалом в любой области деятельности. Общеизвестно, что язык лучше всего изучать в стране, где говорят на нем. Программы молодежных обменов между странами дают уникальную возможность общения с носителями языка. Вместе с тем, знание иностранного языка облегчает участие в международных программах обмена. Большинство участников опроса (76,9%) владеют английским языком как иностранным, 67,8% – русским,

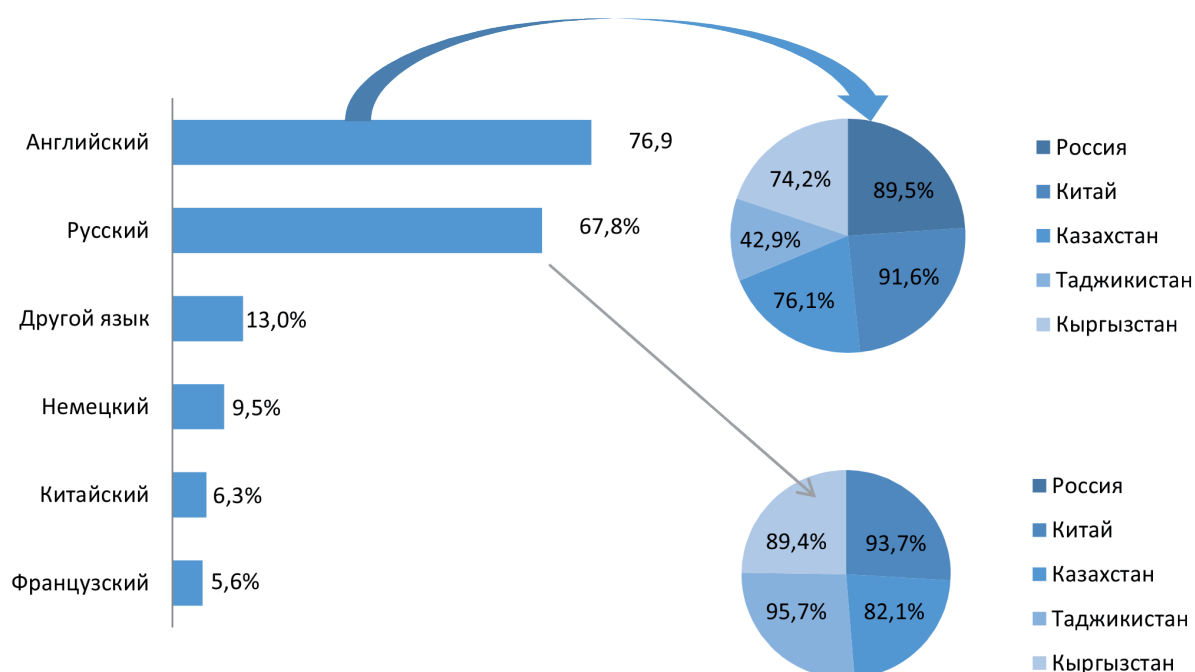

Рисунок 3.1.8 – Владение иностранными языками участников программ молодежных обменов, %.

9,5% – немецким, 6,3% – китайским, 5,6% – французским, другим иностранным языком владеют 13% опрошенных. Среди других иностранных языков участники молодежных обменов называли алтайский, арабский, армянский, белорусский, бурятский, грузинский, испанский, итальянский, казахский, киргизский, корейский, курдский, латинский, монгольский, персидский, пушту, татарский, турецкий, узбекский, украинский, урду, чешский, японский. Многие участники молодежных программ владеют двумя-тремя языками, в основном это участники из азиатских государств. Знание иностранных языков участниками программ молодежных обменов из разных стран представлены в выборке следующим образом: Россия – 89,5% владеют английским языком, 20,9% немецким, 7% французским, 12,8% китайским, 10,5% другим иностранным языком; Китай – 91,6% английским, 93,7% русским, 1,1% французским, 7,4% другим иностранным языком; Казахстан – 76,1% английским, 9% немецким, 82,1% русским, 4,5% французским, 13,4% китайским, 7,5% другим иностранным; Таджикистан – 42,9% английским, 7,1% немецким, 95,7% русским, 5,7% французским, 8,6% китайским, 14,3% другим иностранным; Кыргызстан – 74,2% английским, 7,6% немецким, 89,4% русским, 4,5% французским, 1,5% китайским, 13,6% другим иностранным языком (рисунок 3.1.8).

3.2. Особенности международных программ молодежного сотрудничества

Россия выбрала для себя ключевой стратегией интеграции в международное образовательное и научное пространство, развитие интернационализации деятельности вузов.

Стратегическая цель реформирования российской системы образования – повышение ее конкурентоспособности на международном пространстве и модернизация экономики. Основными задачами преобразований, согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.⁴ являются:

- Повышение качества научных исследований и разработок (фундаментальной науки и инноваций). Ключевыми направлениями международного сотрудничества для развития научного сектора должны стать мобильность исследователей и специалистов, привлечение ведущих ученых к проведению исследований и преподаванию в российских вузах, поддержка молодых ученых.
- Повышение качества образования. Важными направлениями международного сотрудничества в области образования являются обмены учеными, преподавателями, студентами; развитие институциональной мобильности и мобильности программ. Одним из показателей достижения данной задачи будут служить позиции российских образовательных учреждений в начале рейтинг-листа результатов международных сопоставительных исследований.
- Развитие экспорта образовательных услуг. Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., доход от обучения иностранных студентов в российских вузах должен составить не менее 10% объема финансирования системы образования.

В ряде стратегических документов заданы показатели академической мобильности студентов и преподавателей, позволяющей обеспечить новые уровни взаимодействия различных образовательных и экономических систем, организацию стажировок и обучение специалистов в ведущих зарубежных образовательных центрах.

Согласно основным документам стратегического развития России, к 2020 г. должна быть увеличена доля:

1. иностранных студентов, обучающихся в России, до 5% от общего числа студентов;
2. профессорско-преподавательского состава, прошедшего стажировки в ведущих российских и зарубежных университетах и научных центрах, в общей численности ППС вузов до 12%;
3. российских студентов, прошедших в течение учебного года обучение в зарубежном вузе не менее одного семестра (кроме вузов государств – участ-

4 ГП «Развитие образования» (2013) Государственная программа «Развитие образования» на 2013 – 2020 гг. // Портал КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=146497> (дата обращения: 03.11.2015).

ников Содружества Независимых Государств) до 6% в общей численности студентов вузов [Там же]. Российские стратегические документы предполагают решение широкого круга задач по модернизации системы высшего образования, значимая роль в решении которых отводится развитию академической мобильности (физическим обменам, совместным программам), а также привлечению зарубежных преподавателей и ученых.

При оценке состояния и перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами Шанхайской Организации Сотрудничества (Россия, Китай, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан) в период председательства России в 2014-2015 годах рассматривались показатели, связанные с дифференциацией участия молодежи в международных программах стран-участниц ШОС; участие молодежи в программах молодежных обменов стран Шанхайской организации сотрудничества в течение 2014-2015 года; виды программ молодежного обмена, в которых принимали участие в последний раз; страны, в которые выезжали участники по программам молодежных обменов; источники информации о программах молодежных обменов; мотивы участия в программах молодежного обмена.

Исследование участия молодежи в международных программах показало, что наиболее часто молодые люди принимали участие в программах, посвященных культурным обменам и реализации молодежной политики стран-участниц Шанхайской Организации сотрудничества (57,3%), в сравнении с образовательно-академическими обменами (42,7%) (рисунок 3.2.1).

Дифференциация участия молодежи по видам международных программ позволило построить рейтинг участия в данных программах:

1. Включенное обучение в рамках межвузовского сотрудничества в течение одного или более семестров без выдачи второго диплома (63,5%);
2. Совместные мероприятия по обмену опытом в области молодежной политики (37,6%);
3. Обмены между образовательными учреждениями, включая обмены между школьниками, учителями и преподавателями (26,2%);
4. Молодежные краткосрочные визиты и посещения с целью знакомства и обмена опытом (24,8%);
5. Совместные мероприятия в области культуры с участием представителей творческой молодежи и молодых деятелей искусств (21,7%);
6. Совместные научно-исследовательские программы и конференции по итогам научных исследований (19,0%);
7. Участие в международных спортивных соревнованиях, туристических слетах и фестивалях (18,3%);
8. Совместные мероприятия по общественно-политическим, историческим, социально-экономическим, экологическим и правовым вопросам (14,3%);
9. Прохождение учебной (исследовательской, производственной) практики (13,4%);
10. Совместные добровольные трудовые акции (лагеря) молодежи (13,0%);
11. Прохождение стажировки (в т.ч. языковой) (10,3%);
12. Участие в летних школах (семестрах) (8,3%);
13. Проведение совместных молодежных лагерей (8,1%);

Рисунок 3.2.1 – Виды международных программ, в которых принимала участие молодежь стран-участниц ШОС, %.

14. Обучение в рамках совместных программ двойных дипломов (степеней) (5,1%);
15. Мероприятия по изучению и распространению русского языка в странах-партнерах (4,3%);
16. Сотрудничество представителей молодежных издательств и СМИ, а также обмены молодыми журналистами (4,3%).

Все страны-участницы ШОС реализуют международные программы, по оценкам молодежи наиболее часто они принимали участие в международных программах, которые были реализованы в России (29,7%), Китае (17,2%), Казахстане (16,6%), Таджикистане (13,3%), в меньшей степени в Кыргызстане (12,0%), Узбекистане (7,0%) (рисунок 3.2.2).

По материалам социологического исследования был построен рейтинг международных программ, который реализуются в каждой стране-участнице Шанхайской организации сотрудничества, в которых принимала участие молодежь (по оценкам участников исследования) (таблица 3.2.1).

Рисунок 3.2.2.
Международные
программы страны-
участниц ШОС

Рейтинг, международных программ, реализуемых в России (по оценкам молодежи, принимавших участие в данных программах):

1. Мероприятия по изучению и распространению русского языка	100,00%
2. Сотрудничество представителей молодежных издательств и СМИ	94,70%
3. Проведение совместных молодежных лагерей	91,40%
4. Прохождение практики	91,20%
5. Совместные программы двойных дипломов	90,50%
6. Обмены между образовательными учреждениями	90,40%
7. Молодежные краткосрочные визиты	87,40%
8. Совместные мероприятия по общественно-политическим вопросам	86,90%
9. Совместные мероприятия в области культуры	85,70%
10. Участие в летних школах	85,30%
11. Прохождение стажировки	83,30%
12. Включенное обучение либо получение основного образования	82,90%
13. Совместные добровольные трудовые акции	81,80%
14. Мероприятия по обмену опытом в области молодежной политики	81,60%
15. Совместные научно-исследовательские программы и конференции по итогам научных исследований;	81,50%
16. Участие в международных мероприятиях	80,00%

Рейтинг, международных программ, реализуемых в Китае (по оценкам молодежи, принимавших участие в данных программах):

1. Прохождение стажировки	73,80%
2. Сотрудничество представителей молодежных издательств и СМИ	68,40%
3. Совместные мероприятия в области культуры	63,70%
4. Участие в летних школах	55,90%
5. Прохождение практики	52,60%
6. Совместные мероприятия по общественно-политическим вопросам	52,50%
7. Совместные программы двойных дипломов	52,40%
8. Проведение совместных молодежных лагерей	51,40%
9. Обмены между образовательными учреждениями	50,90%
10. Мероприятия по обмену опытом в области молодежной политики	50,30%
11. Включенное обучение либо получение основного образования	46,10%
12. Молодежные краткосрочные визиты	45,60%
13. Совместные добровольные трудовые акции	45,50%
14. Участие в международных мероприятиях	45,00%
15. Совместные научно-исследовательские программы и конференции по итогам научных исследований	43,20%
16. Мероприятия по изучению и распространению русского языка	42,10%

Рейтинг, международных программ, реализуемых в Казахстане (по оценкам молодежи, принимавших участие в данных программах):

1. Мероприятия по изучению и распространению русского языка	78,90%
2. Проведение совместных молодежных лагерей	68,60%
3. Совместные научно-исследовательские программы и конференции по итогам научных исследований	66,70%
4. Молодежные краткосрочные визиты	66,00%
5. Совместные мероприятия по общественно-политическим вопросам	63,90%
6. Мероприятия по обмену опытом в области молодежной политики	63,90%
7. Прохождение практики	61,40%
8. Сотрудничество представителей молодежных издательств и СМИ	57,90%

9. Совместные мероприятия в области культуры	56,00%
10. Участие в летних школах	52,90%
11. Участие в международных мероприятиях	52,50%
12. Прохождение стажировки	47,60%
13. Обмены между образовательными учреждениями	47,40%
14. Совместные добровольные трудовые акции	45,50%
15. Совместные программы двойных дипломов	42,90%
16. Включенное обучение либо получение основного образования	36,40%

Рейтинг, международных программ, реализуемых в Таджикистане (по оценкам молодежи, принимавших участие в данных программах):

1. Молодежные краткосрочные визиты	52,40%
2. Проведение совместных молодежных лагерей	51,40%
3. Обмены между образовательными учреждениями	46,50%
4. Совместные мероприятия в области культуры	45,10%
5. Участие в международных мероприятиях	42,50%
6. Сотрудничество представителей молодежных издательств и СМИ	42,10%
7. Прохождение практики	42,10%
8. Мероприятия по обмену опытом в области молодежной политики	40,10%
9. Участие в летних школах	38,20%
10. Включенное обучение либо получение основного образования	35,30%
11. Прохождение стажировки	33,30%
12. Совместные научно-исследовательские программы и конференции по итогам научных исследований	32,10%
13. Мероприятия по изучению и распространению русского языка	31,60%
14. Совместные мероприятия по общественно-политическим вопросам	31,10%
15. Совместные добровольные трудовые акции	29,10%
16. Совместные программы двойных дипломов	19,00%

Рейтинг, международных программ, реализуемых в Кыргызстане (по оценкам молодежи, принимавших участие в данных программах):

1. Мероприятия по обмену опытом в области молодежной политики	50,30%
---	--------

2. Участие в летних школах	50,00%
3. Проведение совместных молодежных лагерей	48,60%
4. Прохождение практики	45,60%
5. Совместные научно-исследовательские программы и конференции по итогам научных исследований	44,40%
6. Сотрудничество представителей молодежных издательств и СМИ	42,10%
7. Совместные мероприятия в области культуры	41,80%
8. Молодежные краткосрочные визиты	41,70%
9. Совместные мероприятия по общественно-политическим вопросам	39,30%
10. Участие в международных мероприятиях	38,80%
11. Совместные программы двойных дипломов	38,10%
12. Мероприятия по изучению и распространению русского языка	36,80%
13. Совместные добровольные трудовые акции	32,70%
14. Прохождение стажировки	31,00%
15. Обмены между образовательными учреждениями	27,20%
16. Включенное обучение либо получение основного образования	25,30%

Сроки реализации международных программ варьируют от недели до двух–четырех лет.

Наиболее часто молодежь стран-участниц ШОС принимала участие в **краткосрочных программах (до 1 месяца)**:

- сотрудничество представителей молодежных издательств и СМИ (81,3%);
- мероприятия по обмену опытом в области молодежной политики (76,2%)
- совместные мероприятия по общественно-политическим вопросам (68,9%);
- участие в летних школах (67,9%);
- мероприятия по изучению и распространению русского языка (64,3%)
- совместные научно-исследовательские программы и конференции по итогам научных исследований (59,6%);
- прохождение стажировки (53,8%);
- прохождение практики (53,3%);
- участие в международных мероприятиях (50,0%);
- совместные добровольные трудовые акции (47,8%);
- молодежные краткосрочные визиты (44,3%);
- совместные мероприятия в области культуры (43,3%).

В среднесрочных программах (срок реализации до полугода):

- обмены между образовательными учреждениями (43,0%);
- проведение совместных молодежных лагерей (35,0%)

Таблица 3.2.1 – Международные программы стран-участниц ШОС (виды программ, реализуемые в странах-участницах ШОС) в зависимости от страны реализации программы

Международные программы	Страна реализации программы				
	Россия	Китай	Казахстан	Таджики- стан	Кыргыз- стан
Молодежные краткосрочные визиты	87,4%	45,6%	66,0%	52,4%	41,7%
Обмены между образовательными учреждениями	90,4%	50,9%	47,4%	46,5%	27,2%
Совместные мероприятия по общественно-политическим вопросам	86,9%	52,5%	63,9%	31,1%	39,3%
Совместные мероприятия в области культуры	85,7%	63,7%	56,0%	45,1%	41,8%
Участие в международных мероприятиях	80,0%	45,0%	52,5%	42,5%	38,8%
Совместные научно-исследовательские программы и конференции по итогам научных исследований;	81,5%	43,2%	66,7%	32,1%	44,4%
Совместные добровольные трудовые акции	81,8%	45,5%	45,5%	29,1%	32,7%
Мероприятия по обмену опытом в области молодежной политики	81,6%	50,3%	63,9%	40,1%	50,3%
Сотрудничество представителей молодежных издательств и СМИ	94,7%	68,4%	57,9%	42,1%	42,1%
Мероприятия по изучению и распространению русского языка	100,0%	42,1%	78,9%	31,6%	36,8%
Проведение совместных молодежных лагерей	91,4%	51,4%	68,6%	51,4%	48,6%
Включенное обучение либо получение основного образования	82,9%	46,1%	36,4%	35,3%	25,3%
Совместные программы двойных дипломов	90,5%	52,4%	42,9%	19,0%	38,1%
Прохождение стажировки	83,3%	73,8%	47,6%	33,3%	31,0%
Прохождение практики	91,2%	52,6%	61,4%	42,1%	45,6%
Участие в летних школах	85,3%	55,9%	52,9%	38,2%	50,0%
Другое	58,3%	16,7%	12,5%	12,5%	25,0%

В долгосрочных программах (срок реализации более полугода)

- включенное обучение либо получение основного образования (бакалавриат или магистратура) (50,8%);
- совместные программы двойных дипломов (42,1%) (рисунок 3.2.3).

Анализ участия в международных программах молодежью из разных стран-участниц ШОС показал, что **представители России** наиболее часто участвовали в:

- совместных мероприятиях по обмену опытом в области молодежной политики (83,2%);

Рисунок 3.2.3 – Сроки реализации международных программ, в которых принимала участие молодежь стран-участниц ШОС, %

- молодежных краткосрочных визитах и посещениях с целью знакомства и обмена опытом (37,9%);
- совместных мероприятиях по общественно-политическим, историческим, социально-экономическим, экологическим и правовым вопросам (26,3%);
- совместных научно-исследовательских программах и конференциях по итогам научных исследований (26,3%);
- совместных мероприятиях в области культуры с участием представителей творческой молодежи и молодых деятелей искусств (25,3%).

Представители Китая наиболее часто участвовали в:

- включенном обучении либо получении основного образования (бакалавриат или магистратура) (94,0%);
- обменах между образовательными учреждениями, включая обмены между школьниками, учителями и преподавателями (38,0%);
- совместных добровольных трудовых акциях (лагерях) молодежи (18,0%);
- совместных мероприятий в области культуры с участием представителей творческой молодежи и молодых деятелей искусств (17,0%);
- прохождение стажировок (в т.ч. языковой) (16,0%).

Представители Казахстан наиболее часто участвовали в:

- включенном обучении либо получении основного образования (бакалавриат или магистратура) (72,1%);
- совместных мероприятиях по обмену опытом в области молодежной политики (32,4%);
- молодежных краткосрочных визитах и посещениях с целью знакомства и обмена опытом (27,9%);
- совместных научно-исследовательских программах и конференциях по итогам научных исследований (27,9%);
- совместных мероприятиях в области культуры с участием представителей творческой молодежи и молодых деятелей искусств (23,5%).

Представители Таджикистан наиболее часто участвовали в:

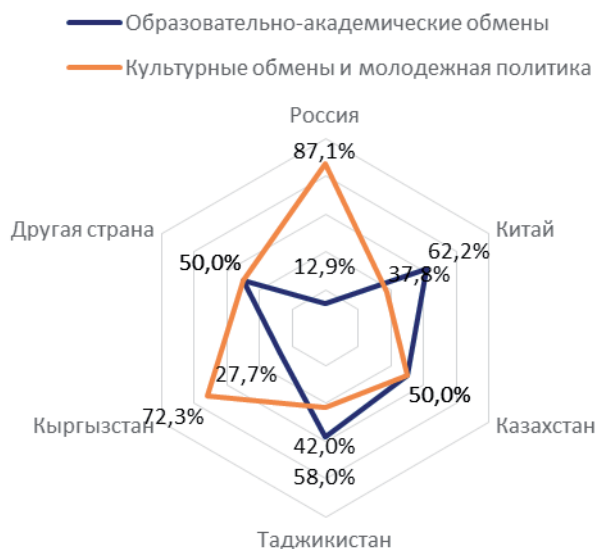
- включенном обучении либо получении основного образования (бакалавриат или магистратура) (85,7%);
- обменах между образовательными учреждениями, включая обмены между школьниками, учителями и преподавателями (48,6%);
- в международных спортивных соревнованиях, туристических слетах и фестивалях (32,9%);
- молодежных краткосрочных визитах и посещениях с целью знакомства и обмена опытом (15,7%);
- совместных мероприятиях по обмену опытом в области молодежной политики (14,3%).

Представители Кыргызстана наиболее часто участвовали в:

Таблица 3.2.2. – Виды международных программ, в которых принимала участие молодежь из стран-участниц ШОС, %.

Международные программы	Страна гражданства участника программы					
	Россия	Китай	Казах- стан	Таджи- кистан	Кыр- гыз- стан	Другая страна
Молодежные краткосрочные визиты и посещения с целью знакомства и обмена опытом;	37,9%	13,0%	27,9%	15,7%	34,8%	18,8%
Обмены между образовательными учреждениями, включая обмены между школьниками, учителями и преподавателями;	17,9%	38,0%	17,6%	48,6%	15,2%	12,5%
Совместные мероприятия по общественно-политическим, историческим, социально-экономическим, экологическим и правовым вопросам;	26,3%	8,0%	14,7%	4,3%	15,2%	16,7%
Совместные мероприятия в области культуры с участием представителей творческой молодежи и молодых деятелей искусств;	25,3%	17,0%	23,5%	21,4%	22,7%	20,8%
Участие в международных спортивных соревнованиях, туристических слетах и фестивалях.	20,0%	9,0%	14,7%	32,9%	15,2%	22,9%
Совместные научно-исследовательские программы и конференции по итогам научных исследований;	26,3%	8,0%	27,9%	7,1%	22,7%	27,1%
Совместные добровольные трудовые акции (лагеря) молодежи;	12,6%	18,0%	11,8%	4,3%	9,1%	22,9%
Совместные мероприятия по обмену опытом в области молодежной политики;	83,2%	7,0%	32,4%	14,3%	56,1%	27,1%
Сотрудничество представителей молодежных издательств и СМИ, а также обмены молодыми журналистами;	8,4%	1,0%	4,4%	4,3%	1,5%	6,3%
Мероприятия по изучению и распространению русского языка в странах-партнерах;	2,1%	6,0%	7,4%	2,9%	4,5%	2,1%
Проведение совместных молодежных лагерей;	8,4%	4,0%	10,3%	5,7%	12,1%	10,4%
Включенное обучение либо получение основного образования (бакалавриат или магистратура)	15,8%	94,0%	72,1%	85,7%	47,0%	72,9%
Обучение в рамках совместных программ двойных дипломов (степеней);	2,1%	8,0%	4,4%	1,4%	7,6%	8,3%
Прохождение стажировки (в т.ч. языковой)	13,7%	16,0%	13,2%	4,3%	6,1%	2,1%
Прохождение учебной (исследовательской, производственной) практики	13,7%	11,0%	22,1%	8,6%	15,2%	10,4%
Участие в летних школах (семестрах)	9,5%	9,0%	8,8%	2,9%	10,6%	8,3%
Другое	2,1%	5,0%	8,8%	7,1%	9,1%	0,0%

Рисунок 3.2.4 – Виды международных программ, в которых принимала участие молодежь стран-участниц ШОС, %

- совместных мероприятиях по обмену опытом в области молодежной политики (56,1%);
- включенном обучении либо получении основного образования (бакалавриат или магистратура) (47,0%);
- молодежных краткосрочных визитах и посещениях с целью знакомства и обмена опытом (34,8%);
- совместных мероприятиях в области культуры с участием представителей творческой молодежи и молодых деятелей искусств (22,7%);
- совместных научно-исследовательских программах и конференциях по итогам научных исследований (22,7%) (таблица 3.2.2).

Таким образом, исследование участия молодежи в международных программах показало, что наиболее часто молодые люди, проживающие в Китае и Таджикистане, принимали участие в программах, посвященных образовательно-академическим обменам (62,2% и 58,0% соответственно). Молодежь, проживающая в России и Кыргызстане, чаще участвовала в международных программах, посвященных культурным обменам и реализации молодежной политики стран-участниц Шанхайской Организации сотрудничества (87,1% и 72,3% соответственно) (рисунок 3.2.4).

3.3. Специфика программ молодежных обменов стран-участниц ШОС

Ключевой вопрос исследования касался участия молодежи в программах молодежных обменов стран Шанхайской организации сотрудничества в течение 2014 – 2015 гг.

Изначально выбока респондентов была построена таким образом, чтобы отбор проводился именно той молодежи, которая реально принимала участия в программах молодежных обменов стран-участниц ШОС.

Исследование охватило часть молодежи, принимавшей активное участие в мероприятиях, реализованных при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, Федерального агентства по делам молодежи, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Ассоциации азиатских университетов, а именно:

I Саммит студенческих лидеров стран ШОС, 24–28 августа 2015 года. Место проведения Алтайский государственный университет, в работе Саммита студенческих лидеров приняли участие представители 8 стран – участниц Шанхайской организации сотрудничества.

II Азиатский студенческий форум «Кыргызстан-Азия – 2015», 3–6 сентября 2015 года. Алтайский государственный университет и Кыргызско-Российский Славянский университет им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина в рамках Ассоциации азиатских университетов провели II Азиатский студенческий форум «Кыргызстан-Азия - 2015» в Кыргызской Республике. В работе Форума приняли участие студенты, молодые преподаватели, ученые и другие представители университетских сообществ ведущих вузов стран Азии: Индии, Ирана, Казахстана, Китая, Кыргызстана, Монголии, России, Таджикистана и др.

Саммит молодежных лидеров стран Центральной Азии по развитию общественной дипломатии и международного сотрудничества, 9 – 14 октября 2015 года. Место проведения Алтайский государственный университет, в работе масштабного студенческого международного мероприятия, открывшего новые возможности в сфере международного молодежного сотрудничества Азиатского региона, приняли участие 110 молодых лидеров из 35 университетов 13 стран Азиатского региона, 26 экспертов и модераторов, 16 членов оргкомитета и 15 волонтеров.

В рамках саммита была проведена **международная школа молодых ученых «Алтай-Азия»**. Основной целью школы, организуемой в рамках координируемой Россотрудничеством программы краткосрочных ознакомительных поездок в Российскую Федерацию молодых представителей политических, общественных, научных и деловых кругов иностранных государств «Новое поколение», является создание условий для реализации совместных международных проектов и программ.

Оценивая участие молодежи в программах молодежных обменов, отметим, что 98,4% молодых людей, принимали участие в данных программах, из них 19,9% являлись гражданами России; 22,6% – Китая; 15,8% – Казахстана; 15,8% – Таджикистана; 14,9% – Кыргызстана; 10,9% – другой страны (рисунок 3.3.1).

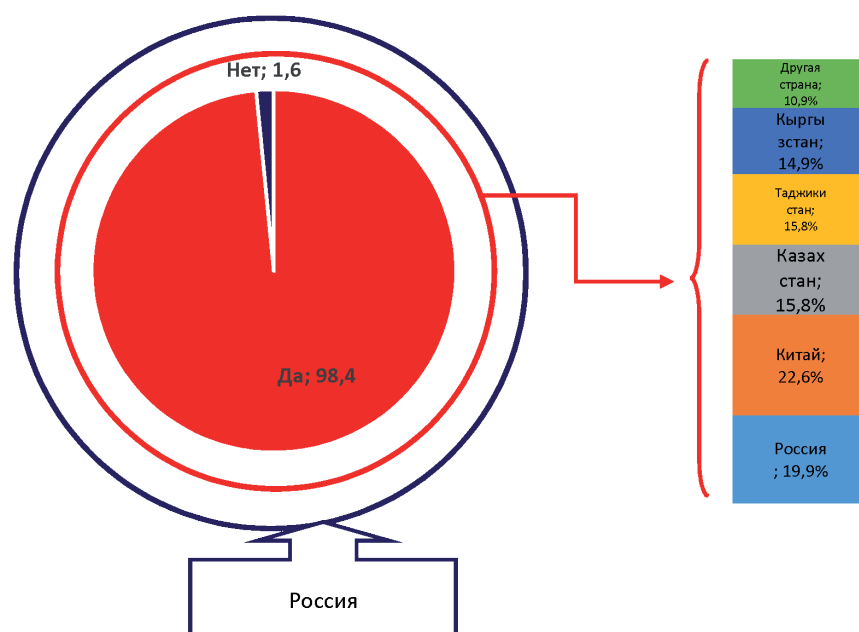

Рисунок 3.3.1 – Участие молодежи в программах молодежных обменов стран Шанхайской организации сотрудничества в течение 2014-2015 гг., %

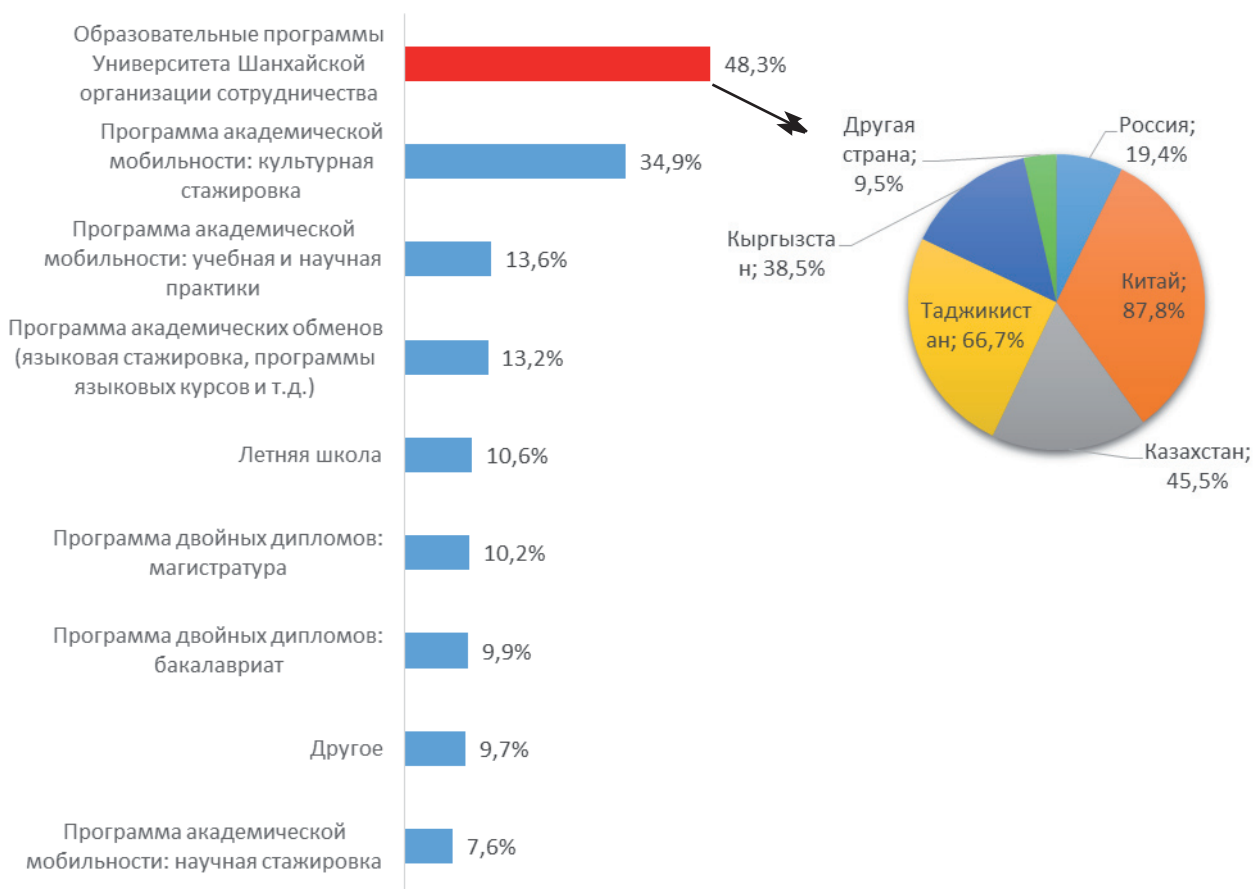

Рисунок 3.3.2 – Участие в программах молодежного обмена, %

Приоритетными программами молодежных обменов для молодых людей стран-участниц ШОС являются образовательные программы Университета Шанхайской организации сотрудничества (48,3%). Популярностью эти образовательные программы чаще всего пользуются у представителей Китая (87,8%), Таджикистана (66,7%), в меньшей степени у представителей Казахстана (45,5%), Кыргызстана (38,5%), России (19,4%).

Молодежь принимает участие и в других программах молодежного обмена, а именно в программах академической мобильности: культурной стажировке (34,9%); учебной и научной практики (13,6%); научной стажировки (7,6%). Кроме

Рисунок 3.3.3 – Принимающие страны по программам молодежных обменов в оценках участников, %

того, пользуется популярностью языковые стажировки, программы языковых курсов (13,2%); летние школы (10,6%)

По программам двойных дипломов обучаются 10,2% молодежи в магистратуре и 9,9% в бакалавриате (рисунок 3.3.2).

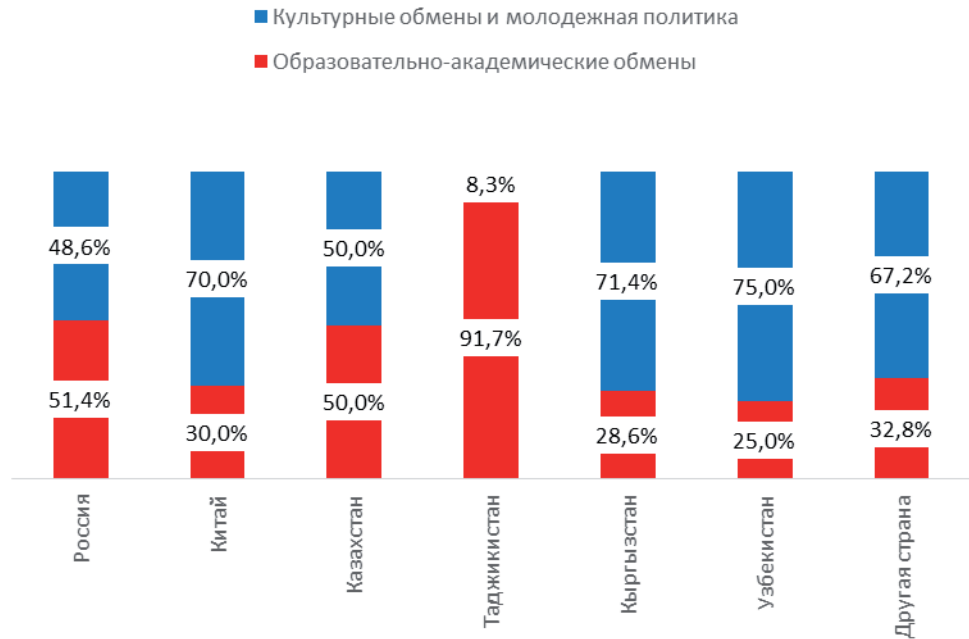
По результатам оценок молодежи принимающей страной по программам молодежных обменов наиболее часто является Россия (54,9%), в меньшей степени принимающими странами являются Казахстан (10,1%), Китай (9,6%), Таджикистан (5,8%), Кыргызстан (3,4%), Узбекистан (1,0%) (рисунок 3.3.3).

Интересные закономерности выявились при выборе молодежью той или иной программы молодежного обмена, так в образовательно-академических обменах наиболее часто участвуют представители Таджикистана (91,7%) и России (51,4%), а в культурных обменах и в области молодежной политики – представители Узбекистана (75,0%), Кыргызстана (71,4%) и Китая (70,0%).

Представители Казахстана в равной степени участвуют в образовательно-академических обменах и в культурных обменах и в области молодежной политики (рисунок 3.3.4).

Источниками информации о программах молодежного обмена наиболее часто являются другие молодежные организации (85,7%); от иностранных партнеров, преподавателей, специалистов (52,3%). Часто информация передается на лекциях, семинарах, конференциях (80,7%), через Интернет, СМИ (71,9%). В меньшей сте-

Рисунок 3.3.4 – Участие в программах молодежного обмена в зависимости от гражданства участника программы, %

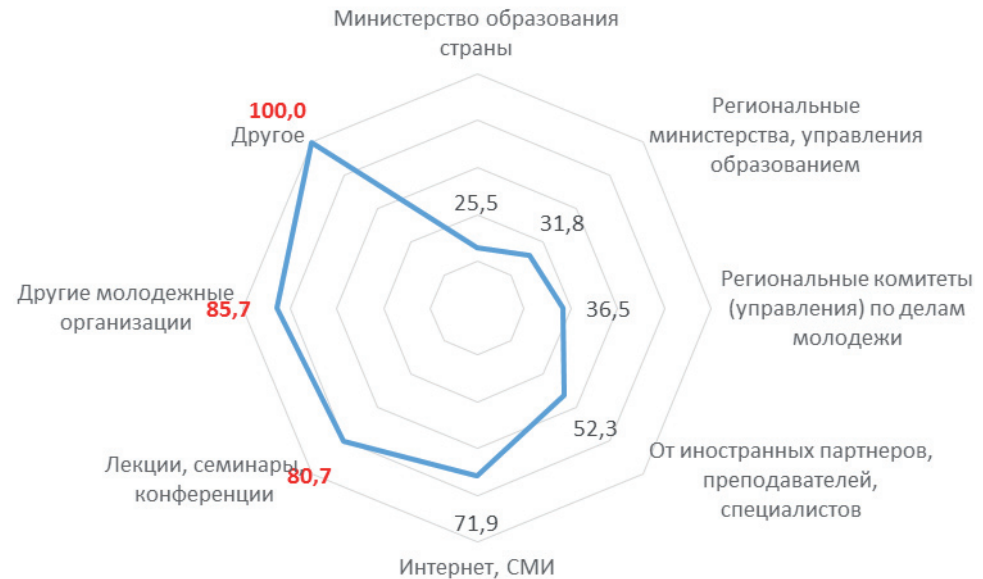

пени молодежь получает информацию через институционализированные формы, в частности через ресурсы министерства образования страны (25,5%); региональные министерства, управления образованием (31,8%); региональные комитеты (управления) по делам молодежи (36,5%) (рисунок 3.3.5).

Таким образом, выявлено, что наиболее часто молодежь получает информацию через партикулярные, неофициальные каналы, в связи с этим рекомендуется развивать предоставление информации о программах молодежных обменов с использованием официальных структур, что вероятно скажется на более активной вовлеченности молодежи в программы обмена.

Существует своя специфика в прохождении информации в каждой стране-участнице ШОС, так официальными источниками информации (министерства образования страны; региональные министерства, управления образованием; регио-

Рисунок 3.3.5 – Источники информации о программах молодежных обменов, %

нальные комитеты (управления) по делам молодежи) наиболее часто пользуются граждане Таджикистана (60,3%; 5,9%; 4,4% соответственно).

В России молодежь использует в качестве источников информации чаще Интернет, СМИ (30,6%) и другие молодежные организации (16,1%).

В Китае четкой дифференциации по источникам получения информации нет, хотя молодежь отмечает, что информация чаще поступает от иностранных партнеров (15,6%), на лекциях, семинарах, конференциях (13,5%) и Интернета, СМИ (14,6%).

В Казахстане молодежь отдает приоритет в поступлении информации Интернету, СМИ (26,2%), иностранным партнерам (18,0%) и министерству образования своей страны (18,0%).

В Кыргызстане информация о программах молодежных обменов чаще поступает от иностранных партнеров (25,5%) и Интернета, СМИ (23,6%) (рисунок 3.3.6).

Молодежь, участвующая в программах молодежных обменов целенаправленно разграничивает причины участия в той или иной программе. Наиболее часто она обосновывает участие в программах молодежных обменов возможностью саморазвития (63,9%); изучить опыт зарубежных коллег в области молодежной работы в партнерской стране (32,5%); получить языковую практику или улучшить знание иностранного языка (31,4%); получить дополнительное образование: диплом, сертификат дают преимущества при устройстве на работу (30,1%); познакомиться с культурой, достопримечательностями страны-партнера (26,5%); расширить дальнейшее сотрудничество в различных сферах (социальной работы, молодежной работы, политики, образования) (24,7%); познакомиться с практикой вовлечения молодежи в общественно-политическую жизнь (18,2%). В меньшей степени причина

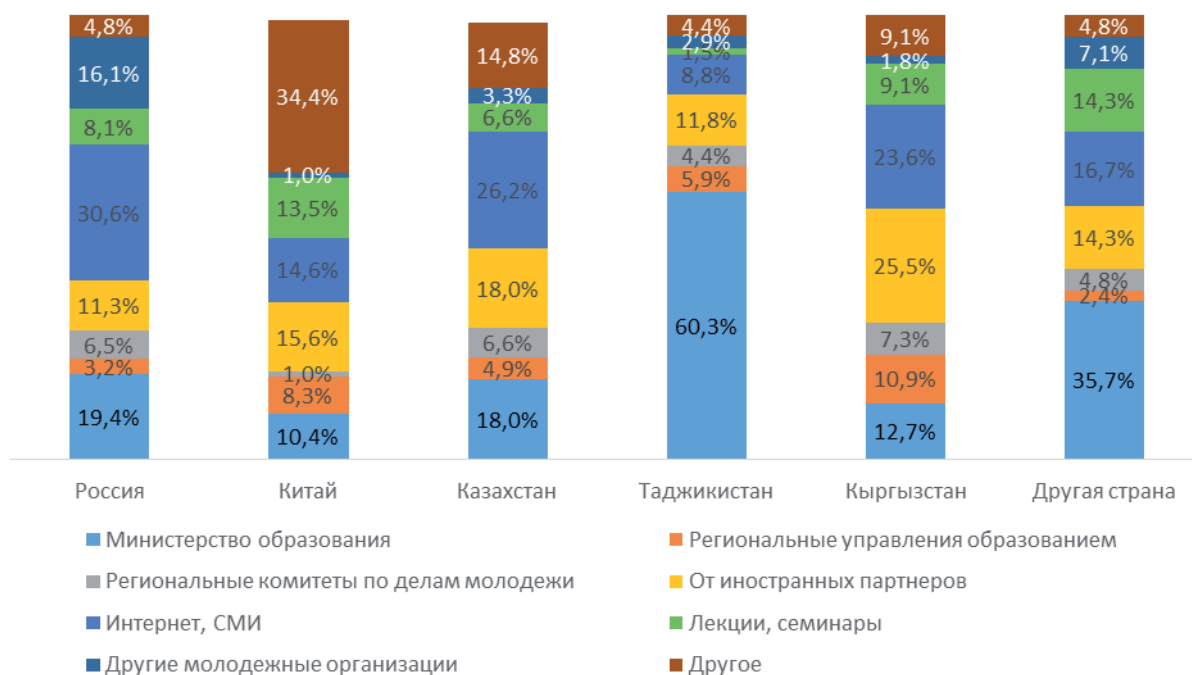

Рисунок 3.3.6 – Источники информации о программах молодежных обменов, в зависимости от страны гражданства участника молодежного обмена %

Рисунок 3.3.7 – Мотивы участия в программах молодежных обменов, %

ми участия является установление личных контактов (10,1%); успешно реализовать запланированные совместные мероприятия (5,5%); в последующем переехать в эту страну на постоянное место жительства (3,6%); доступность (низкие цены за участие и проживание) (2,3%) (рисунок 3.3.7).

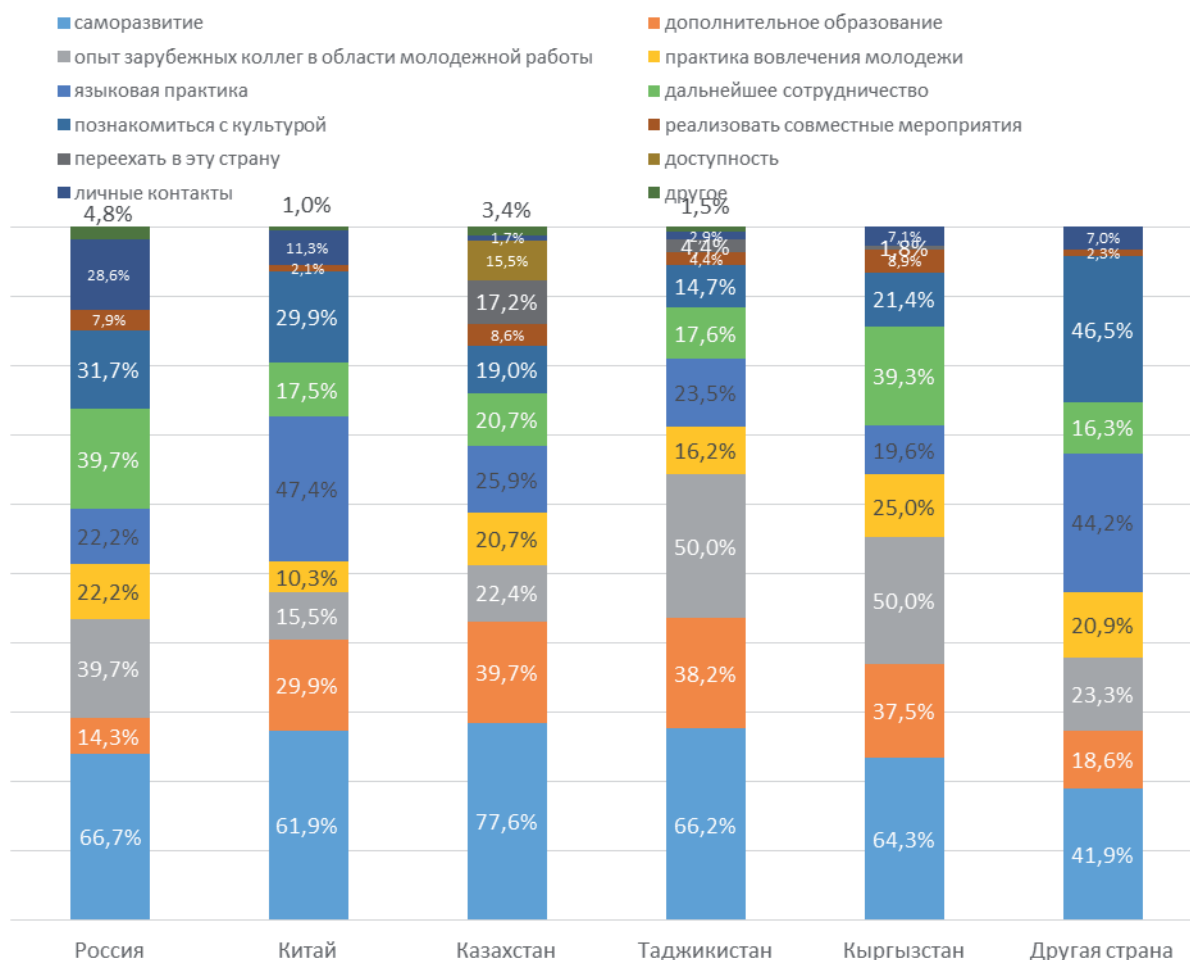
Мотивы участия в программах молодежных обменов достаточно дифференцированы для представителей разных стран-участниц ШОС.

Практически все молодые люди, участники исследования о причинах участия в программах молодежного обмена отмечали возможность саморазвития, но значимость остальных мотивов достаточно сильно варьирует от страны гражданства участников молодежных обменов.

Молодые люди, граждане России, в качестве причин участия в программах молодежных обменов наиболее часто указывают возможность изучить опыт зарубежных коллег в области молодежной работы в партнерской стране (39,7%), расширить дальнейшее сотрудничество в различных сферах (социальной работы, молодежной работы, политики, образования) (39,7%); познакомиться с культурой, достопримечательностями страны-партнёра (31,7%) (рисунок 3.3.8).

Молодежь Китая обосновывает участие в программах молодежного обмена следующими причинами: получить языковую практику или улучшить знание иностранного языка (47,4%); познакомиться с культурой, достопримечательностями страны-партнёра (29,9%); получить дополнительное образование: диплом, сертификат дают преимущества при устройстве на работу (29,9%).

Молодежь Казахстана отмечает следующие причины участия в программах молодежных обменов: получить дополнительное образование: диплом, сертификат

дают преимущества при устройстве на работу (39,7%); получить языковую практику или улучшить знание иностранного языка (25,9%); возможность изучить опыт зарубежных коллег в области молодежной работы в партнерской стране (22,4%).

Молодежь Таджикистана обосновывает участие в программах молодежного обмена следующими причинами: возможность изучить опыт зарубежных коллег в области молодежной работы в партнерской стране (50,0%); получить дополнительное образование: диплом, сертификат дают преимущества при устройстве на работу (38,2%); получить языковую практику или улучшить знание иностранного языка (23,5%).

Молодежь Кыргызстана отмечает следующие причины участия в программах молодежных обменов: возможность изучить опыт зарубежных коллег в области молодежной работы в партнерской стране (50,0%); возможность изучить опыт зарубежных коллег в области молодежной работы в партнерской стране (39,3%); получить дополнительное образование: диплом, сертификат дают преимущества при устройстве на работу (37,5%).

Для повышения эффективности международного сотрудничества в молодежной сфере необходимо сосредоточиться не только на совершенствовании действующих форм молодежного сотрудничества, но и на создании механизмов международного молодежного сотрудничества нового типа.

Рисунок 3.3.8 – Мотивы участия в программах молодежных обменов в зависимости от гражданства участника программы, %.

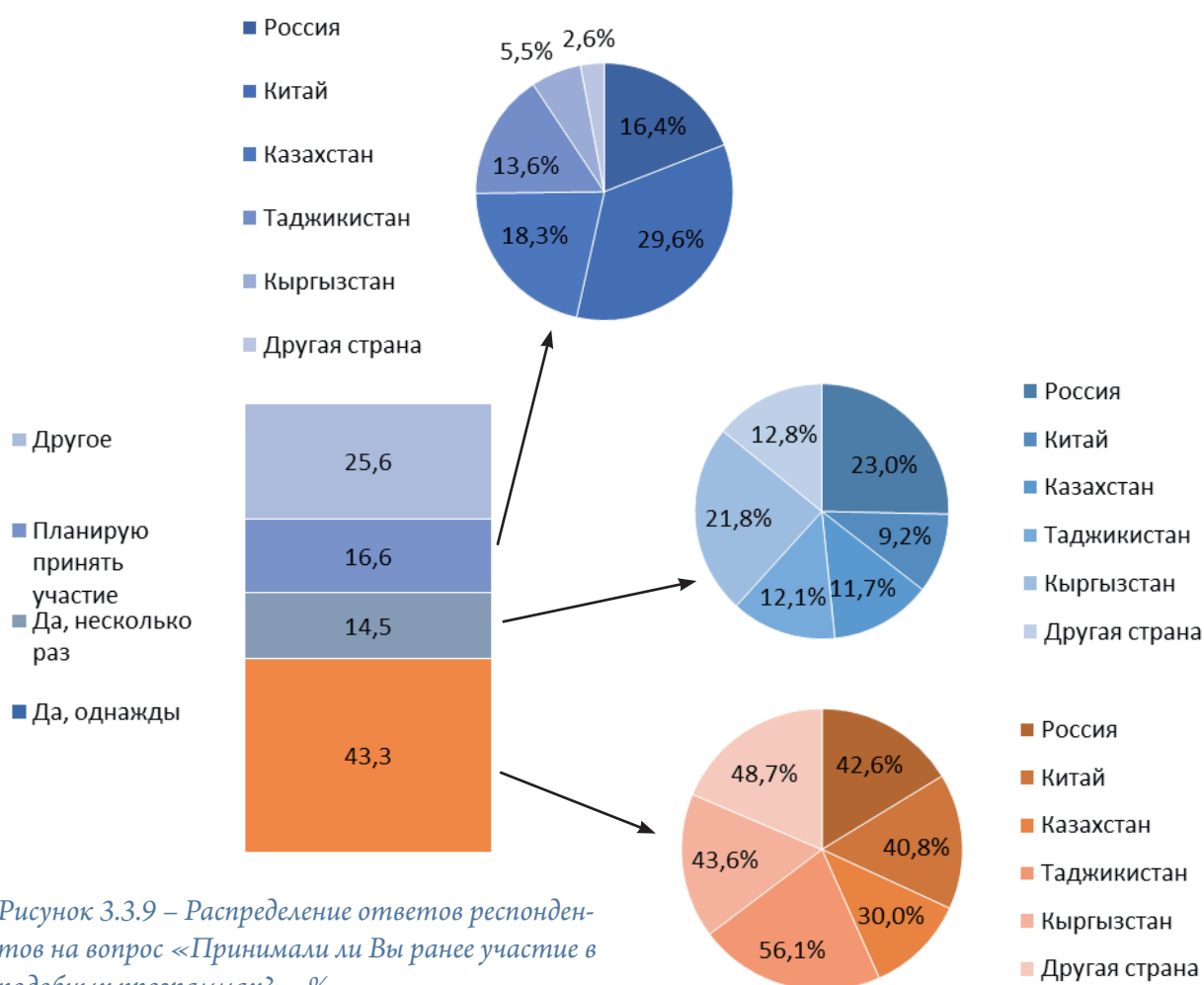
Особую актуальность и значимость в данном случае приобретает задача развития инновационного потенциала международного молодежного сотрудничества – создание структур, ориентированных на привлечение талантливой молодежи к созданию совместных научных разработок и инновационных бизнес-проектов.

Участие в молодежных обменах дает возможность развивать компетенции обучения на протяжении жизни (общение на иностранном языке, социальные и межкультурные компетенции и др.). Общаясь и живя с людьми из разных стран, молодые люди не только узнают больше о других странах, но и получают уникальный опыт взаимодействия с людьми из различных культур. Это способствует пониманию культурных особенности людей при общении и совместной работе, а также и осмыслению собственной культуры, обучению принятию решений с учетом потребностей и мнений всех участников. Международная мобильность молодежи как показатель ее активности подтверждается неоднократным участием в подобных программах. В ходе исследования нами анализировалось раннее участие в программах молодежных обменов. Так, в подобных программах однажды участвовали 43,3% опрошенных, несколько раз принимали участие в таких мероприятиях 14,5% респондентов. Участники программы молодежного обмена, приехавшие впервые (16,6%), планируют свое участие в будущем 2016-2017 гг. или в любое другое время, когда подобные программы состоятся. Четверть опрошенных до настоящего времени не принимали участие в молодежных обменах.

Рассмотрим, молодежную мобильность участников программ обменов из разных стран. Так, наиболее активными оказались молодые граждане России (23%) и Кыргызстана (21,8%), ранее принимавшие участие в программах молодежных обменов несколько раз. При этом большинство участников опроса из всех стран принимали участие в подобных программах единожды. Прежде всего, это молодые граждане Таджикистана (56,1%) и других государств (48,7%). Наименьшей мобильностью отличаются молодые граждане Китая и Казахстана: 40,8% и 30% соответственно принимали участие в программах молодежных обменов только один раз. Более того, 40% участников программы – молодых граждан Казахстана ответили, что ранее не принимали участие в подобных мероприятиях (вариант ответа «другое»).

Несмотря на более низкую активность, по сравнению с другими странами, участники опроса – молодые граждане Китая имеют более высокий миграционный потенциал – 29,6% опрошенных планируют принять участие в программах международной молодежной мобильности в ближайшем будущем (рисунок 3.3.9).

На рисунке 3.3.10 отражены характеристики молодежной мобильности в зависимости от типа программы и страны, в которой эта программа была реализована (значимость различий χ^2 , $p \leq 0,05$). Так, наибольшей популярностью у молодежи пользуются программы культурных обменов и молодежной политики – 21% опрошенных принимали участие в подобных программах несколько раз. В образовательно-академических обменах участвовали почти половина респондентов (47,4%), но при этом только один раз, несколько раз участвовали в подобных программах менее 7% опрошенных. Больше всего молодежь предпочитает участвовать в программах молодежных обменов, проводимых в странах ШОС (кроме России): 20,3% выезжали в эти страны несколько раз и 54,2% однажды. На втором месте по популярности находятся другие государства, не входящие в ШОС – 17,4% участ-

ников опроса ездили туда несколько раз. Однократным участием в молодежных программах, проводимых в России, могут похвастаться 42,7% респондентов. При этом дальнейшие намерения у молодежи связаны именно с Россией: 17,4% опрошенных планируют принять участие в молодежных программах, проводимых в нашей стране (рисунок 3.3.10).

Желание участвовать в молодежных обменах определяется не только периодичностью поездок молодежи и типом программы, но и ее продолжительностью. Все программы молодежного обмена условно можно разделить на три основные группы по срокам их реализации: краткосрочные программы продолжительностью до одного месяца, среднесрочные программы продолжительностью до полугода и долговременные программы продолжительностью более полугода. Участники нашего опроса являлись слушателями различных по длительности программ молодежной мобильности. Так, 38,8% опрошенных принимали участие в краткосрочных программах, 22,7% в среднесрочных и 38,5% в долговременных. Рассмотрим, сколько времени пробыли в партнерской стране в рамках программы молодежного обмена участники из разных стран. Так, молодые граждане Российской Федерации (76,9%) и других государств (60%) чаще других посещали краткосрочные програм-

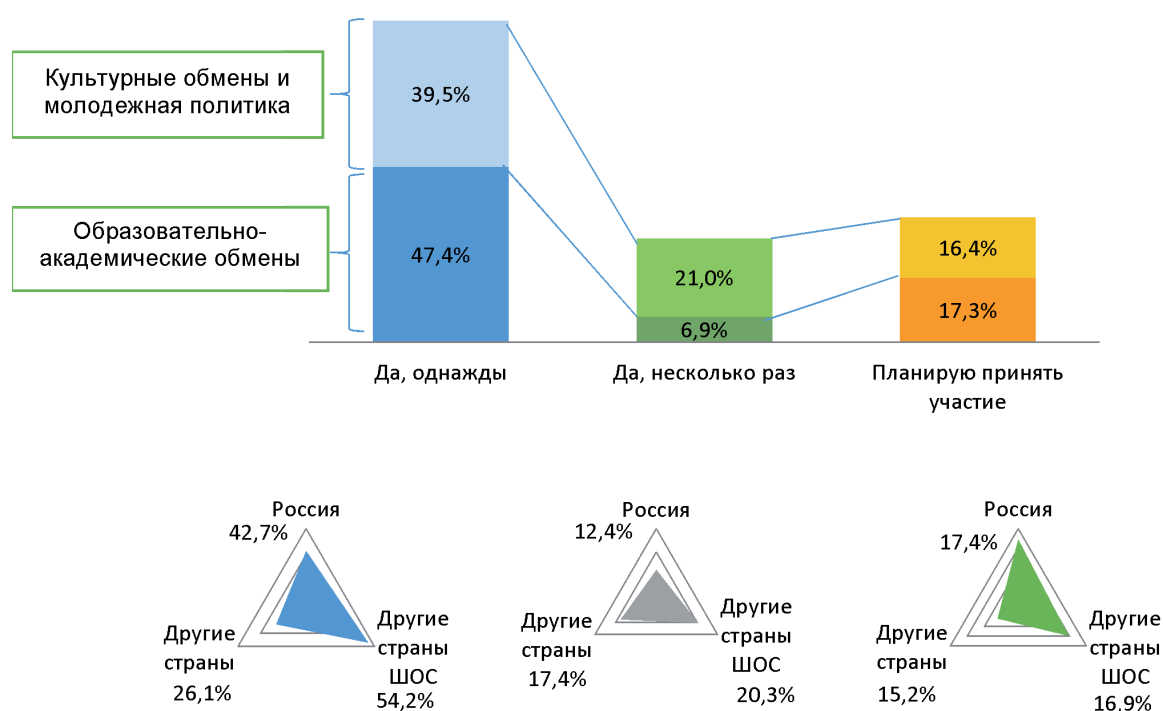
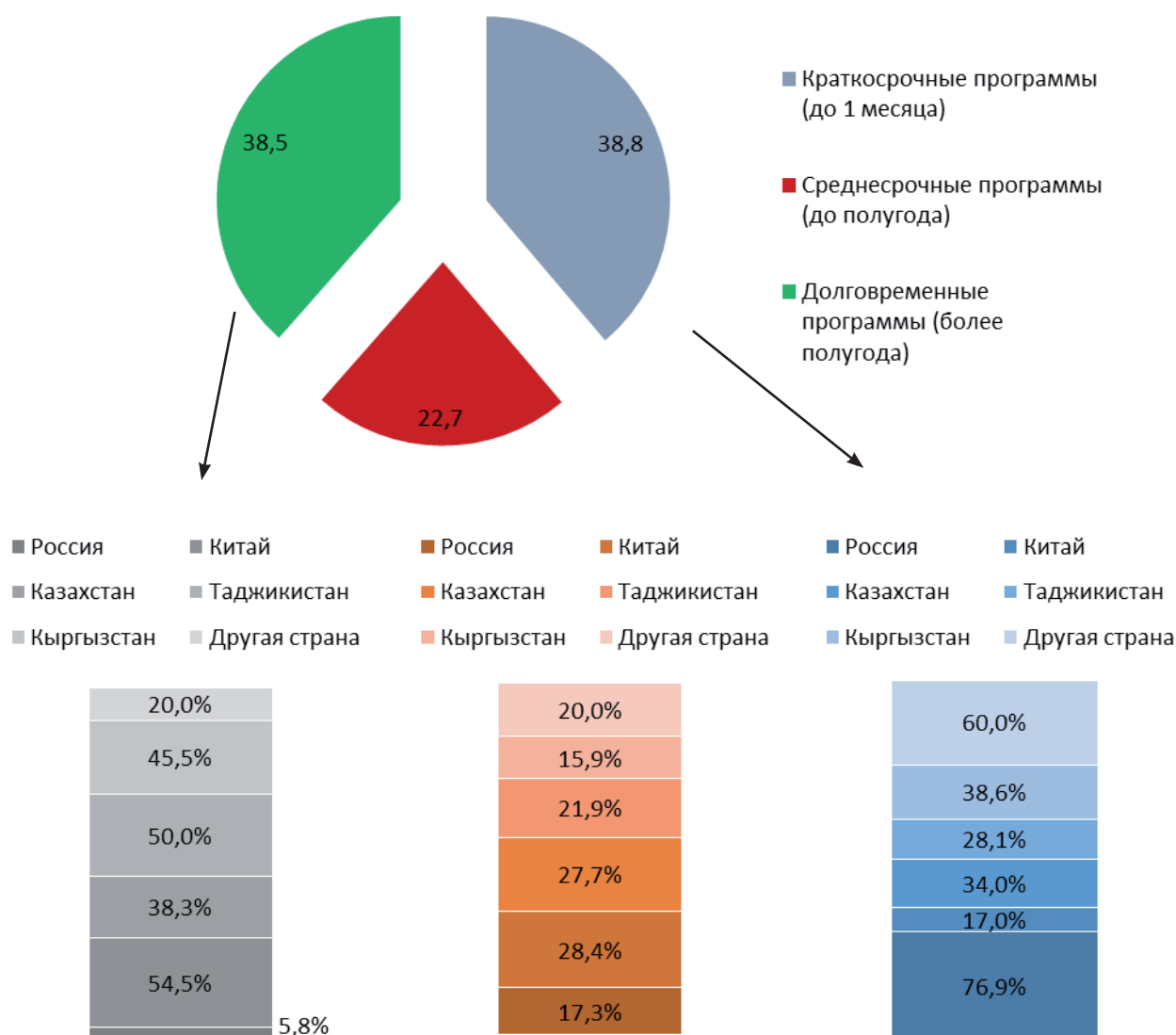

Рисунок 3.3.10 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Принимали ли Вы ранее участие в подобных программах?», в зависимости от типа и страны программы, %.

мы молодежных обменов, находясь в партнерской стране менее одного месяца. Молодые граждане Китая (54,5%), Таджикистана (50%) и Кыргызстана (45,5%) пробыли в партнерской стране более полугода, посещая долговременные программы мобильности. Участники опроса из Казахстана в рамках молодежного обмена посетили все типы программ мобильности от краткосрочных до долговременных (рисунок 3.3.11).

Образовательно-академические обмены предполагают освоение студентами части своей образовательной программы в зарубежном вузе-партнере в течение одного семестра или года, не уходя в академический отпуск. Поэтому они, как правило, охватывают более длительный период. Культурные обмены дают возможность ознакомления с достижениями культурного богатства других стран, ведут к росту взаимопонимания между народами, что не может не способствовать стабильности международных отношений. При этом они, чаще всего, носят кратковременный характер. Посмотрим, сколько времени слушатели пробыли в партнерской стране в рамках программы молодежного обмена. Участники образовательно-академических обменов в основном посещали долговременные программы длительностью более шести месяцев (48,8%), тогда как участники культурных обменов в рамках реализации молодежной политики пребывали в стране-партнере чаще всего менее одного месяца (51,5%) (рисунок 3.3.12).

В рамках программы молодежного обмена половина опрошенных (53,3%) посетили краткосрочные мероприятия в других странах ШОС, кроме Российской Федерации. Среднесрочные программы мобильности чаще всего посещались участниками опроса в других странах, не входящих в ШОС (36,8%). При этом долговременные программы молодежного обмена, в которых приняли участие 50,3% опрошенных, проводились в России (рисунок 3.3.13).

Как часть социума молодежь подвержена большинству социальных воздействий и испытывает те же трудности, что и взрослое население в самоопределении, профориентации, трудоустройстве, образовании. Программы международной молодежной мобильности могут рассматриваться как один из способов решения этих проблем. Однако, несмотря на все прелести жизни за границей, участники этих программ могут сталкиваться с определенными трудностями. И чаще всего речь идет не о безопасности пребывания в партнерской стране, а прежде всего о психологических сложностях, так называемом «культурном шоке».

Участники нашего исследования в процессе участия в программе обмена сталкивались с различными трудностями, первое место среди которых занимают языковые проблемы (41,6% выборов респондентов). На втором месте с большим отрывом стоят трудности проживания, включая неудобное расположение и низкий комфорт жилья, его стоимость (17,3%). Третью позицию занимают информационные перегрузки, связанные с интенсивностью программы мобильности (16,4%). Чет-

Рисунок 3.3.11 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Сколько времени Вы пробывали в партнерской стране в рамках программы молодежного обмена?», %.

Рисунок 3.3.12 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Сколько времени Вы пробывали в партнерской стране в рамках программы молодежного обмена?», в зависимости от типа программы, %.

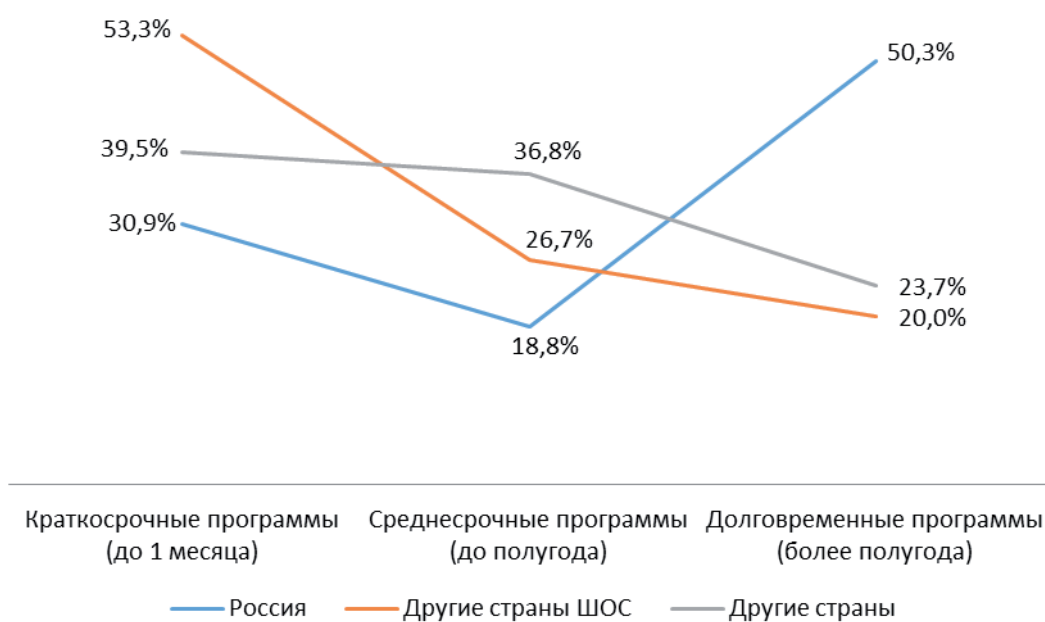

Рисунок 3.3.13 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Сколько времени Вы пробывали в партнерской стране в рамках программы молодежного обмена?», в зависимости от страны программы, %.

вертой проблемой для участников программ обмена являются трудности, связанные с оформлением документов для поездки (13,6%). Меньше всего молодежь беспокоят трудности с налаживанием взаимодействия между участниками (10,2%), трудности, связанные с недостатками организации программы, в том числе неудобное расписание, многочисленные переезды (8,5%), слабая культурная программа, плохая организация досуга, отдыха (7,1%). При этом треть участников опроса (27,8%) не сталкивались с трудностями во время программы международной мобильности.

Рассмотрим, с какими трудностями в процессе участия в программе обмена сталкиваются молодые люди из разных стран. Языковые трудности чаще всего испытывают молодые граждане Китая (69,5%), Таджикистана (34,4%) и России (34%). С трудностями проживания в партнерской стране сталкиваются в первую очередь молодые граждане Китая (28,4%) и Таджикистана (18,8%), очевидно привыкшие к другим бытовым условиям и испытывающие в этой связи дискомфорт в непривычной обстановке. К информационным перегрузкам, связанным с интенсивностью программы, оказались более неподготовленными молодые участники из Таджикистана (25%) и России (17%). Трудности, связанные с оформлением документов для поездки (виз, командировочных удостоверений и пр.) чаще всего испытывают молодые граждане Китая (18,9%) и России (15,1%).

Наиболее высокий адаптационный потенциал имеют молодые граждане Казахстана и Кыргызстана. Именно они лучше приспосабливаются к новым условиям жизни в партнерской стране и не испытывают трудностей во время участия в программе обмена: 65,4% опрошенных участников из Казахстана и 46,8% опрошенных участников из Кыргызстана ответили, что у них не возникало трудностей во время участия в программе мобильности (рисунок 3.3.14).

Тип программы молодежного обмена, как показали результаты нашего исследования, определенным образом оказывает влияние на восприятие трудностей, с которыми сталкиваются слушатели этих программ. Так, участники образовательно-академических обменов в основном сталкиваются с проблемами длительного характера, тогда как участники молодежных культурных обменов такие трудности испытывают в меньшей степени. В частности, молодые люди, принимавшие участие в программах образовательно-академической мобильности, чаще испытывали трудности, связанные со знанием языка (47,9% против 37,5% участвующих в культурных обменах), проживанием (17% против 15,9%), оформлением документов (14,5% против 12,5%) и информационными перегрузками (17% против 15,3%). Участники культурных обменов чаще отмечали такие трудности в процессе участия в программе мобильности, как слабая организация самой программы, а также культурно-досуговых мероприятий. Очевидно, это не соответствовало их ожиданиям от участия в программе. Вместе с тем, молодежь, побывавшая на программах культурных обменов, чаще участников образовательно-академической мобильности не испытывала никаких трудностей (34,7% против 20%) (рисунок 3.3.15).

На рисунке 3.3.16 представлены оценки трудностей, которые возникали у участников программ молодежных обменов в разных странах реализации программ. При поездке в Россию иностранные участники чаще сталкиваются с языковыми трудностями (47,1%) и вытекающими из них проблемами налаживания взаимодействия между участниками (12,8%). Кроме того, при поездках в Россию слушатели

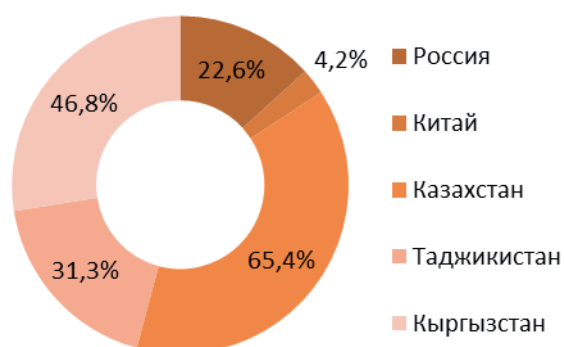
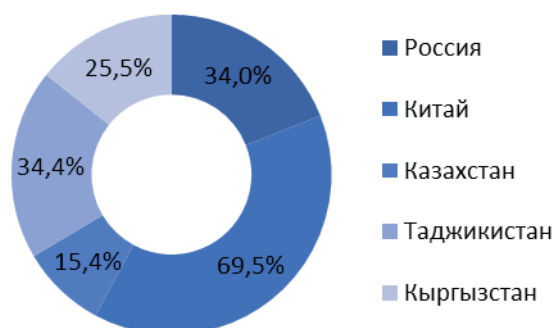

Рисунок 3.3.14 – Распределение ответов респондентов на вопрос «С какими трудностями Вы сталкивались в процессе участия в программе обмена?», %.

сталкивались с трудностями проживания (22,7%), проблемами оформления документов (15,1%) и недостаточно хорошей организацией программы (8,7%). При поездке в другие страны ШОС у участников программ молодежных обменов, как правило, трудностей не возникает (35%), а если и возникают, то связываются слушателями с информационными перегрузками (16,7%) и слабой организацией культурно-досуговой части программы (10%). Обусловлено это, видимо тем, что в другие страны ШОС молодежь выезжает в основном для участия в культурных обменах, а не по академической мобильности (рисунок 3.3.16).

Важным условием, определяющим наряду с другими факторами степень удовлетворенности слушателей программой мобильности, является финансовая составляющая участия в программе. Существуют разные формы финансовой поддержки молодежных обменов – от собственных расходов до полного возмещения партнерской стороной. Рассмотрим, какие финансовые условия пребывания в партнерской стране в рамках программы молодежных обменов были предоставлены участникам нашего исследования. Почти половина опрошенных (42,6%) пользовались смешанной формой финансирования, при которой проезд до места проведения программы оплачивала собственная сторона, а пребывание в стране-партнере – иностранная сторона. Четверть респондентов (24,5%) участвовали в программах обмена с оплатой всех расходов собственной стороной. И почти каждый шестой участник опроса (18,4%) пользовался финансированием иностранного партнера.

Рисунок 3.3.15 – Распределение ответов респондентов на вопрос «С какими трудностями Вы сталкивались в процессе участия в программе обмена?», в зависимости от типа программы, %.

Рисунок 3.3.16 – Распределение ответов респондентов на вопрос «С какими трудностями Вы сталкивались в процессе участия в программе обмена?», в зависимости от страны программы, %.

Участники программ мобильности из разных стран пользуются разными формами финансовой поддержки молодежных обменов. Так, молодые граждане Таджикистана (52,4% опрошенных), Российской Федерации (50%) и Казахстана (45,5%) чаще всего получают смешанное финансирование с оплатой проезда силами собственной стороны, а пребывания в партнерской стране – иностранной стороной. Участники молодежных обменов – граждане Китая пользуются двумя основными формами финансирования своей мобильности: 38,9% получают финансовое сопровождение собственной стороны, 37,9% получают смешанное финансирование. Молодые граждане Кыргызстана использовали все возможные финансовые условия пребывания в партнерской стране в рамках программы обмена, но приоритетной является все-таки смешанное финансирование (37,7%). Молодые граждане других государств чаще участвовали в программах молодежной мобильности на условиях полного финансирования всех расходов иностранной стороной (46,3%) (рисунок 3.3.17).

На этом же рисунке ниже представлены сведения о том, что участники молодежных обменов, приезжавшие на программы мобильности в Россию, преимущественно получали смешанное финансирование своего участия (40,6%) или сами оплачивали все расходы (30,6%). При поездках в другие страны ШОС 60,3% участников также пользовались возможностями смешанного финансирования с оплатой проезда силами собственной стороны, а пребывания – партнерской страной ШОС,

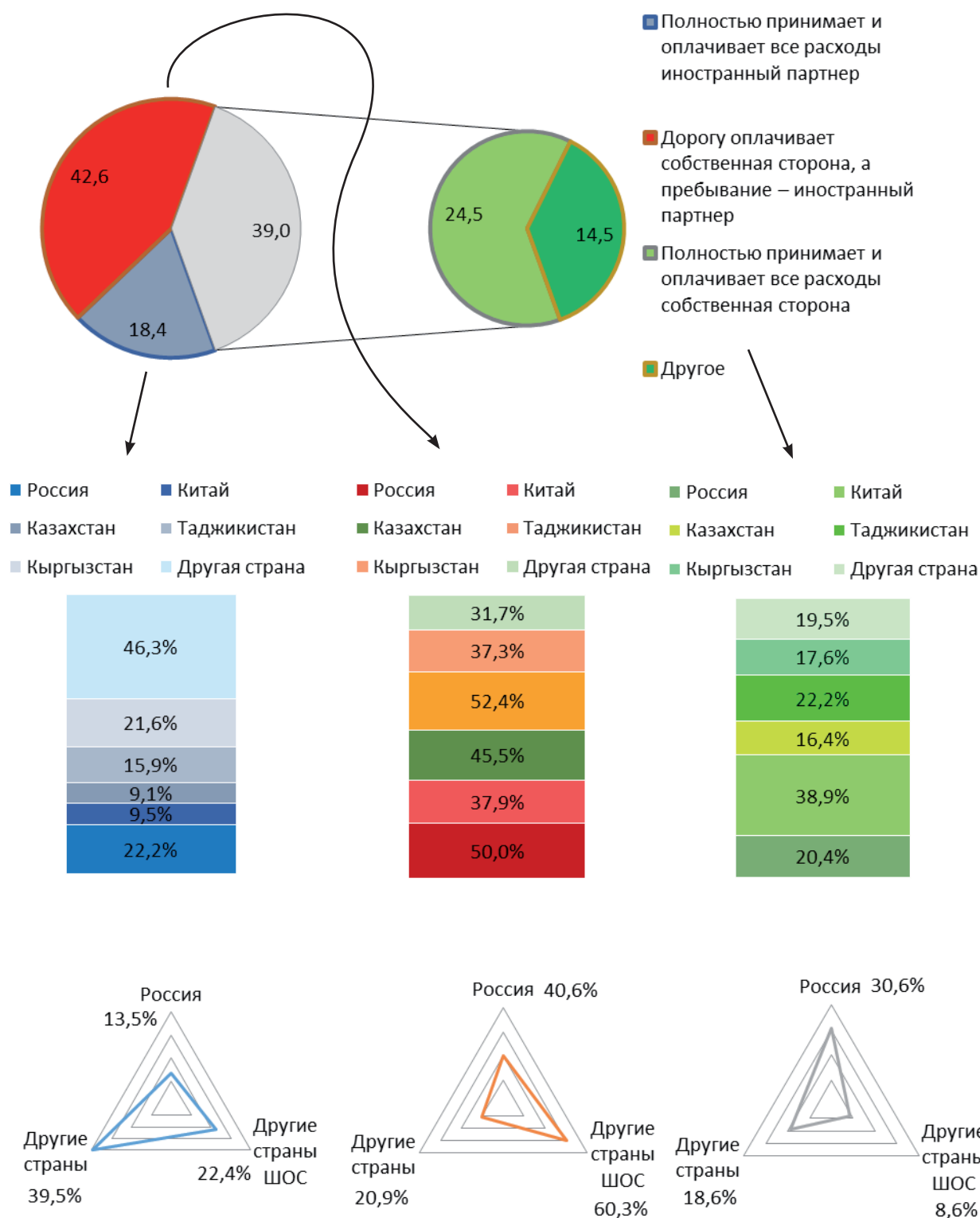

Рисунок 3.3.17 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Каковы финансовые условия пребывания Вашей группы в партнерской стране в рамках данной программы?», в зависимости от гражданства участников и страны программы, %.

при этом каждый пятый участник получал полную компенсацию расходов от страны ШОС. Поездки в другие государства для 39,5% опрошенных, участвовавших в молодежных обменах, были полностью компенсированы иностранным партнером (рисунок 3.3.17).

Помимо прошлого опыта участия в молодежных обменах необходимо проанализировать также и текущие программы мобильности, в которых принимают участие слушатели. Образовательный компонент проекта, в реализации которого участвуют опрошенные, заключается в усовершенствовании иностранного языка (27,9%), возможности изучения культуры страны-партнера (27,9%), получении основного профессионального образования по направлениям бакалавриата (26,2%) и повышении квалификации в области молодежной работы (22,3%). При этом для слушателей программ образовательно-академических обменов образовательный компонент проекта заключается, преимущественно, в получении основного профессионального образования по направлениям бакалавриата (35,4%), практике иностранного языка (24,4%) и обучении в магистратуре (20,1%). Участники культурных обменов образовательный компонент проекта видят в возможности изучения культуры страны-партнера (35,7%), повышении квалификации в области молодежной работы (31,9%) и практике иностранного языка (31,4%) (рисунок 3.3.18).

При выборе страны реализации программы молодежных обменов участники руководствовались следующими критериями: образовательный компонент проекта, реализуемого в России, связывается с получением основного профессионального образования на уровне бакалавриата (37% опрошенных); в других странах ШОС слушатели участвуют в проектах, направленных преимущественно на изучение культуры партнерской страны (35%), повышение квалификации в области молодежной работы (28,3%), получение дополнительного образования (21,7%); в других государствах слушатели получают, как правило, основное профессиональное образование в магистратуре (36,4%). Практика иностранного языка практически в равной степени присутствует во всех программах молодежной мобильности, независимо от страны ее реализации (рисунок 3.3.19).

Рассмотрим, в чем заключается образовательный компонент программы мобильности для граждан разных государств. Усовершенствовать практику иностранного языка в рамках реализации текущего проекта молодежной мобильности приезжают молодые граждане России (38,6%), Китая (41,3%) и Таджикистана (36,1%). Возможность изучения культуры страны-партнера в рамках молодежного обмена рассматривается молодыми гражданами России (45,6%) и Китая (31,5%). Повышение квалификации в области молодежной работы как образовательный компонент проекта, отмечают участники опроса – молодые граждане России (43,9%) и Кыргызстана (41,8%). За получением дополнительного образования приезжают преимущественно молодые граждане Таджикистана (27,9%) и Кыргызстана (23,6%). Получение основного профессионального образования на уровне бакалавриата в рамках программы молодежных обменов является приоритетным чаще всего для молодых граждан Китая (45,7%), Казахстана (34%) и Кыргызстана (30,9%). Обучение в магистратуре как образовательный компонент программы молодежных обменов рассматривают, прежде всего, молодые граждане Казахстана (26,4%) (рисунок 3.3.20).

Рисунок 3.3.18 – Распределение ответов респондентов на вопрос «В чем состоит образовательный компонент проекта, в реализации которого Вы участвуете?», в зависимости от типа программы, %.

Рисунок 3.3.19 – Распределение ответов респондентов на вопрос «В чем состоит образовательный компонент проекта, в реализации которого Вы участвуете?», в зависимости от страны программы, %.

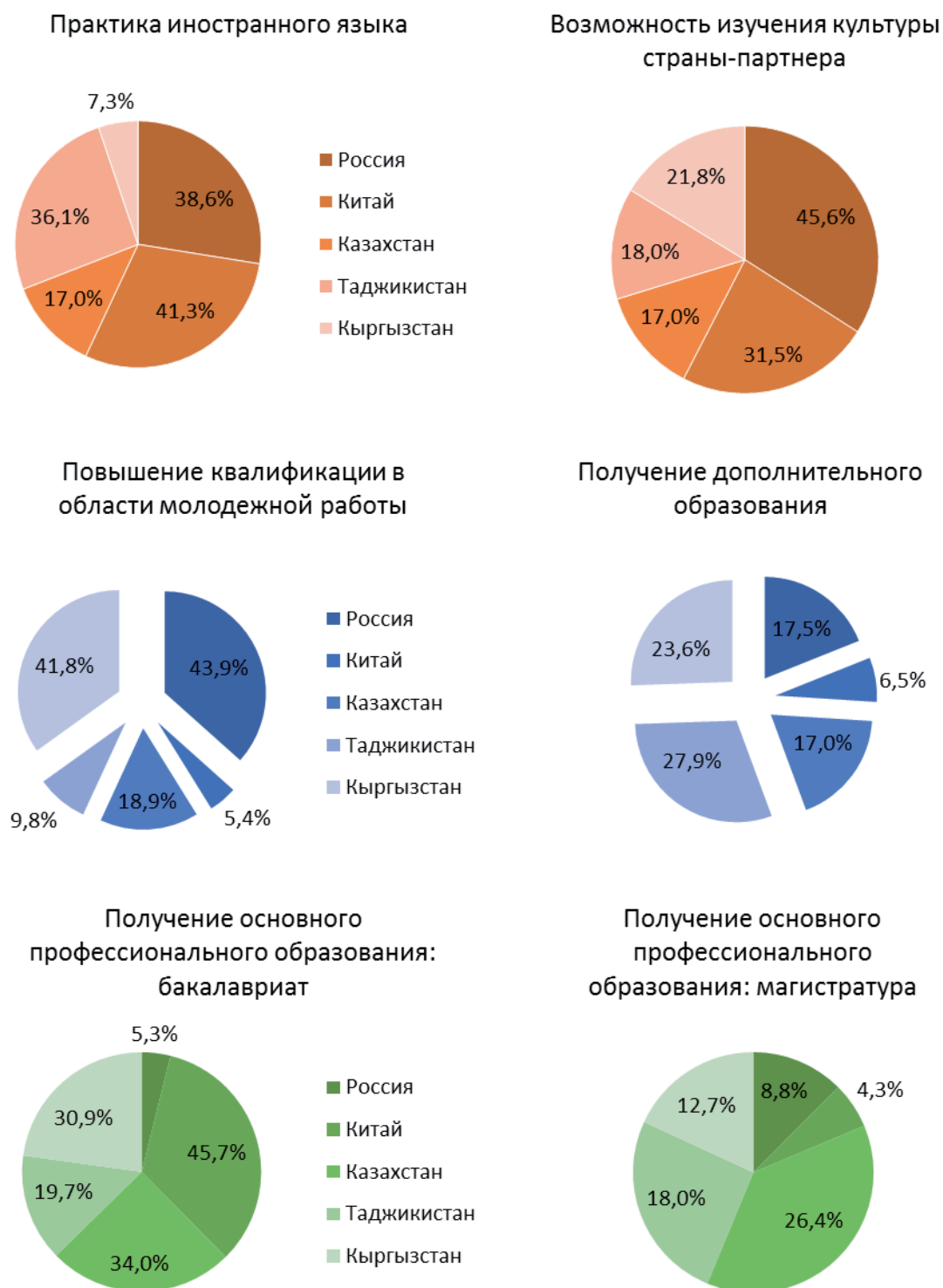
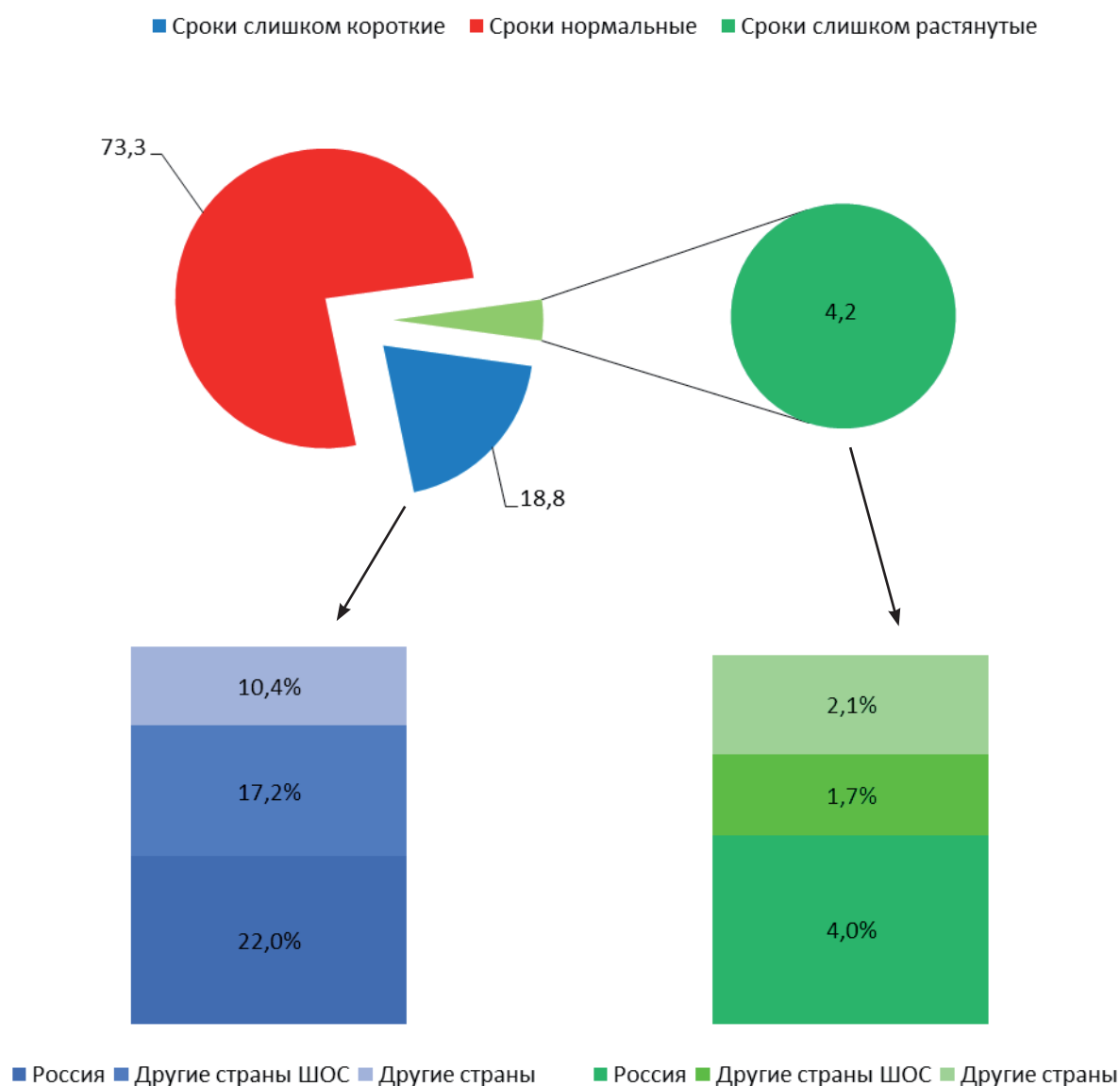

Рисунок 3.3.20 – Распределение ответов респондентов на вопрос «В чем состоит образовательный компонент проекта, в реализации которого Вы участвуете?», в зависимости от гражданства участников программ, %.

Как уже было отмечено выше, по срокам реализации все программы молодежного обмена можно разделить на краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные. В рамках текущего опроса подавляющее большинство респондентов (73,3%) считают сроки молодежного обмена оптимальными, нормальными для реализации поставленных целей. Слишком короткими сроки считают 18,8% участников опроса, а слишком растянутыми – только 4,2%. При этом пятая часть респондентов (22%), принимавших участие в молодежных обменах, реализуемых в России, указали на слишком короткие сроки программы для реализации поставленных целей (рисунок 3.3.21).

Анализ результатов исследования показал, что более половины опрошенных ранее принимали участие в программах международных молодежных обменов. Наиболее активными в этом плане являются молодые граждане России и Кыргызстана, продемонстрировавшие свою мобильность несколько раз. Наименьшей мобильностью отличается молодежь, приехавшая из Китая и Казахстана. Однако, не-

Рисунок 3.3.21 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Считаете ли Вы сроки молодежного обмена оптимальными для реализации поставленных целей?», в зависимости от страны программы, %.

смотря на более низкую активность по сравнению с другими странами молодые граждане Китая имеют более высокий миграционный потенциал – планируют принять участие в программах международной молодежной мобильности в ближайшем будущем.

Следует отметить, что наибольшей популярностью у молодежи пользуются программы культурных обменов и молодежной политики, реализуемые, как правило, в странах ШОС или других государствах, кроме России. Тем не менее, дальнейшие намерения у молодежи связаны именно с Россией: пятая часть опрошенных планирует принять участие в молодежных программах, проводимых в нашей стране. А поскольку граждане Китая отличаются более высоким миграционным потенциалом, возможно, они и составят основную целевую аудиторию будущих молодежных обменов с Россией.

Все программы молодежного обмена можно разделить на три основные группы по срокам их реализации: краткосрочные программы продолжительностью до одного месяца, среднесрочные программы продолжительностью до полугода и долгосрочные программы продолжительностью более полугода. Краткосрочные программы молодежных обменов носят, как правило, культурно-ознакомительный характер. Чаще всего такие программы, реализующиеся в странах ШОС (кроме России), посещают молодые граждане Российской Федерации и других государств. Среднесрочные программы мобильности чаще всего посещались участниками опроса в других странах, не входящих в ШОС. Долгосрочные программы мобильности, реализующиеся в России, предполагают образовательно-академические обмены, участниками которых чаще становятся молодые граждане Китая, Таджикистана и Кыргызстана.

Основными трудностями в процессе реализации программы обмена для граждан России являются языковые проблемы, информационные перегрузки и трудности, связанные с оформлением документов; для граждан Китая – языковые проблемы, трудности проживания и трудности, связанные с оформлением документов; для граждан Таджикистана – языковые проблемы, трудности проживания, информационные перегрузки, связанные с интенсивностью программы мобильности. Наиболее высоким адаптационным потенциалом отличаются молодые граждане Казахстана и Кыргызстана, которые не испытывают трудностей во время участия в программе обмена. Участники образовательно-академических обменов в основном сталкиваются с проблемами длительного характера (язык, проживание, оформление документов, информационные перегрузки), тогда как участники молодежных культурных обменов такие трудности испытывают в меньшей степени. Более того, молодежь, побывавшая на программах культурных обменов, чаще не испытывала никаких трудностей. Большинство трудностей возникает у слушателей в основном при участии в программах, реализуемых в Российской Федерации. Очевидно, это связано с тем, что в нашу страну иностранные участники приезжают, как правило, на длительный срок для участия в программах образовательно-академических обменов (что неизбежно сопряжено с проблемами адаптации), а в другие страны, в том числе страны ШОС, молодежь выезжает для участия в культурных обменах.

Финансовые условия пребывания в партнерской стране в рамках программы молодежных обменов различны. Почти половина опрошенных пользовались смешанной формой финансирования, при которой проезд до места проведения про-

граммы оплачивала собственная сторона, а пребывание в стране-партнере – иностранная сторона. Чаще всего смешанное финансирование получают молодые граждане Таджикистана, Российской Федерации и Казахстана. Граждане Китая получают как финансовое сопровождение собственной стороны, так и смешанное финансирование. На условиях полного финансирования всех расходов иностранной стороной участвовали в программах молодежной мобильности молодые граждане других государств.

Образовательный компонент проекта для слушателей программ образовательно-академических обменов заключается, преимущественно, в получении основного профессионального образования по направлениям бакалавриата в России, обучении в магистратуре в других государствах и практике иностранного языка (независимо от страны реализации программы молодежной мобильности). Для участников культурных обменов образовательный компонент проекта заключается в возможности изучения культуры страны-партнера и повышении квалификации в области молодежной работы в странах ШОС (кроме России), а также практике иностранного языка.

Подавляющее большинство респондентов считают сроки молодежного обмена оптимальными для реализации поставленных целей. При этом пятая часть респондентов, принимавших участие в молодежных обменах, реализуемых в России, указали на слишком короткие сроки программы для реализации поставленных целей. Возможно, структурам, занимающимся организацией международных молодежных обменов, следует скорректировать сроки выполнения совместных проектов и мероприятий.

3.4. Оценка удовлетворенности от участия в программе молодежного обмена: роль организационных и личных факторов

Будучи одной из важнейших технологий, направленных на распространение ценностей, языка и культуры страны, представляющих основу политики «мягкой силы», молодежные обмены играют важную роль в международных отношениях, влияя напрямую, или косвенно, на мировую политику и деловые связи. Для России обменные программы, в том числе программы академической мобильности, межкультурной коммуникации, в области молодежной политики и международного молодежного сотрудничества являются также ключевым средством интеграции в мировые образовательное и научное пространства, глобальные сетевые молодежные движения, способом наращивания лидерского и инновационного потенциала молодежи.

Участие в программах позволяет участникам всех сторон лучше узнать друг друга и достичь синергетического эффекта в реализации проектов и задач, невозможного без совместного сотрудничества и обмена мнениями. В этой связи принципиально важно, чтобы программы обмена давали реальные знания, умения и навыки и положительные эмоции, в противном случае, эффект от участия может быть противоположный планируемому и способен нанести серьезный ущерб репутации и имиджу организации и стране, которая является организатором программы.

В исследовании нами проведена оценка удовлетворённости слушателями программ молодежных обменов результатами своего участия в них. Так, абсолютное большинство участников программ обменов (89,2%) полностью и скорее удовлетворены результатами участия. При этом 49,5% – удовлетворены результатами программы полностью, а 39,7% – скорее удовлетворены, чем нет. Только 2,6% опрошенных молодых людей отметили полную неудовлетворенность программой молодежных обменов, а 6,6% – скорее не получили удовлетворения от итогов участия в программе (рисунок 3.4.1).

Рассмотрим, как распределились оценки удовлетворённости результатами участия программе молодежью разных стран. Мы разделили всех респондентов на две группы в зависимости от удовлетворенности (89,2% от всей выборки, выбор альтернатив «полностью удовлетворен» и «скорее удовлетворен, чем не удовлетворён») или неудовлетворенности (9,2% от всей выборки, выбор альтернатив «полностью не удовлетворен» и «скорее не удовлетворен, чем удовлетворён») результатами участия в программах молодежных обменов. В первой группе представители разных стран – участников ШОС распределились практически равномерно, с минимальной долей удовлетворенных среди молодых граждан Китая (83,7%) и максимальной – Казахстана (96,6%).

Во второй группе не удовлетворённых итогами программы преобладают граждане Китая (16,3%), других стран (14,3%) и реже прочих фиксируются жители Казахстана (3,4%) (рисунок 3.4.2).

На рисунке 3.4.3 отражены параметры удовлетворенности результатами участия молодых людей в программах обменов в зависимости от их параметров. Так, молодежь незначительно чаще бывает удовлетворена культурными обменами, нежели чем образовательными, наиболее привлекательными в оценках выглядят и страны

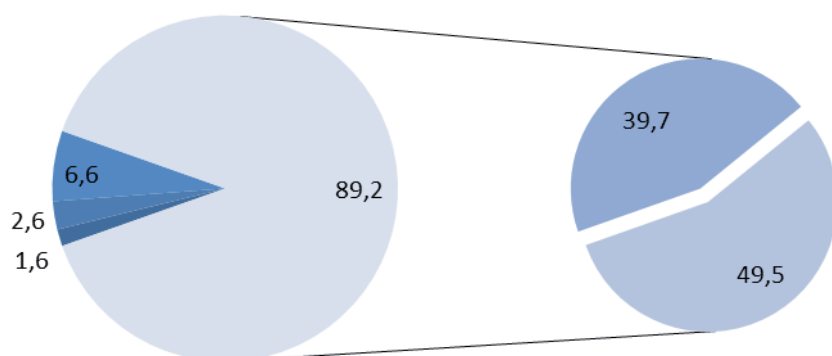

Рисунок 3.4.1 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены результатами своего участия в программе молодежного обмена?», %.

- Другое
- Полностью не удовлетворен
- Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен
- Скорее удовлетворен, чем не удовлетворен
- Полностью удовлетворён

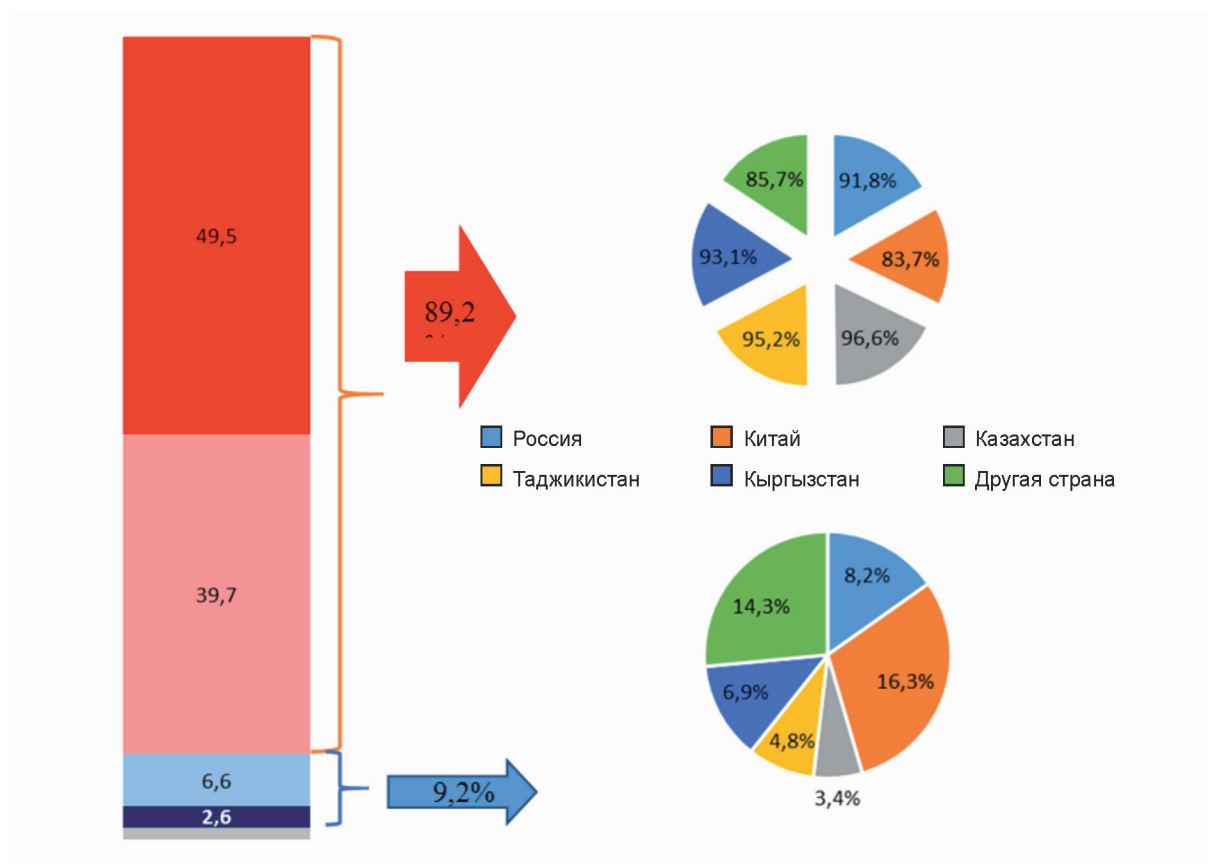

Рисунок 3.4.2 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены результатами своего участия в программе молодежного обмена?» в общей выборке и в зависимости от страны гражданства, %.

Рисунок 3.4.3 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены результатами своего участия в программе молодежного обмена?» в зависимости от характеристик программ мобильности, %.

ШОС (кроме России). Чем короче длительность программы обмена, тем большее удовлетворение она приносит молодым людям. Можно предположить, что поездки в более отдаленные страны, представляющие культуру, обычаи и академические достижения стран, не входящих в территорию пост-советского пространства, традиционно территориально доступного Китая, представляются наиболее привлекательными для молодых людей, участвующих в программах мобильности. Наибольшее удовлетворение приносят краткосрочные программы культурных обменов (рисунок 3.4.3). Отметим и то, что статистические гипотезы о значимости выявленных различий по описанным выше сравнениям не нашли своего подтверждения (χ^2 , $p \geq 0,05$).

Для оценки уровня удовлетворенности различными аспектами программ молодежных обменов в исследовании применялась совокупность показателей, оцениваемых респондентами по десятибалльной шкале и оцениваемых с помощью мер центральной тенденции, статистических инструментов сравнения средних значений (t-критерий Стьюдента, однофакторный дисперсионный анализ), регрессионных моделей:

- организация и проведение программы обмена (расписание, техническое оснащение, раздаточный материал и прочее);
- языковая помощь (проведение языковых курсов, помощь переводчика и т.д.);
- информационное сопровождение (своевременное получение важной информации, возможность получения консультаций и т.д.);

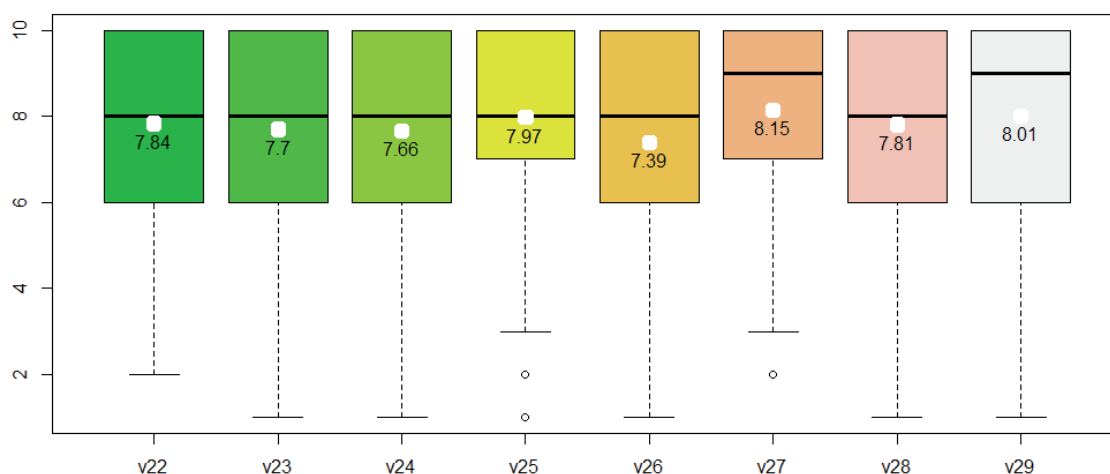

Рисунок 3.4.4 – Удовлетворенность различными аспектами программы молодежного обмена.

- документационное сопровождение (помощь в получении визы и прохождении процедур миграционного контроля, своевременное уведомление о необходимости подготовке документов, выдача дипломов и сертификатов и т.д.);
- система социальной поддержки (льготы, стипендии, материальная помощь);
- личная (персональная) полезность (для саморазвития и личностного роста, повышения профессионального уровня);
- польза для организации (если участие в программе молодежного обмена от организации);
- культурно-просветительская программа (знакомство с культурным наследием, обычаями, традициями народа, историей страны и пр.).

Анализ средних значений по шкалам показал, что большинство респондентов высоко оценивали уровень подготовки и проведения программ, в которых они участвовали, все средние значения находились выше 7,0 баллов, медиана по шести из восьми показателей составила 8,0 баллов, по двум показателям 9,0 баллов (рисунок 3.4.4). Выше всего оценивалась личная полезность, проявляющаяся в возможностях личностного роста, саморазвития, повышения профессионального уровня (среднее значение 8,15 баллов), а также культурная составляющая, позволяющая познакомиться с культурным наследием, историей, обычаями и традициями принимающей страны, погрузиться в повседневную жизнь ее жителей, наладить межкультурный диалог. Наименьшие оценки были получены по показателю социальной поддержки (7,39 баллов), логическим образом связанному с финансовыми условиями программы, как будет показано ниже.

Следовательно, можно утверждать, что **участие в программе молодежного обмена оценивалось исходя, прежде всего, из возможности получения важных личностных и социокультурных компетенций, тогда как**

факторы организационного порядка оценивались ниже и являлись менее значимыми для участников.

Условные обозначения: v22 – Организация и проведение программы обмена (расписание, техническое оснащение, раздаточный материал и прочее), v23 – Языковая помощь (проведение языковых курсов, помощь переводчика и т.д.), v24 – Информационное сопровождение (своевременное получение важной информации, возможность получения консультаций и т.д.), v25 – Документационное сопровождение (помощь в получении визы и прохождение процедур миграционного контроля, своевременное уведомление о необходимости подготовке документов, выдача дипломов и сертификатов и т.д.), v26 – Система социальной поддержки (льготы, стипендии, материальная помощь), v27 – Личная (персональная) полезность (для саморазвития и личностного роста, повышения профессионального уровня), v28 – Польза для организации (если участие в программе молодежного обмена от организации), v29 – Культурно-просветительская программа (знакомство с культурным наследием, обычаями, традициями народа, историей страны и пр.), линия посередине обозначает медиану.

Анализ центральных тенденций позволил выявить общую высокую удовлетворенность от участия в программе молодежного обмена, вполне ожидаемую, принимая внимание добровольный характер и высокий уровень мотивированности участия в программах обмена, стимулируемые проводимыми конкурсами для кандидатов, необходимостью подготовки документов и прочими административными процедурами. Поскольку в фокусе исследования находились участники различных программ, представляющие различные страны и организации, представлялось важным выяснить роль различных воздействий на оценку удовлетворенности теми или иными аспектами.

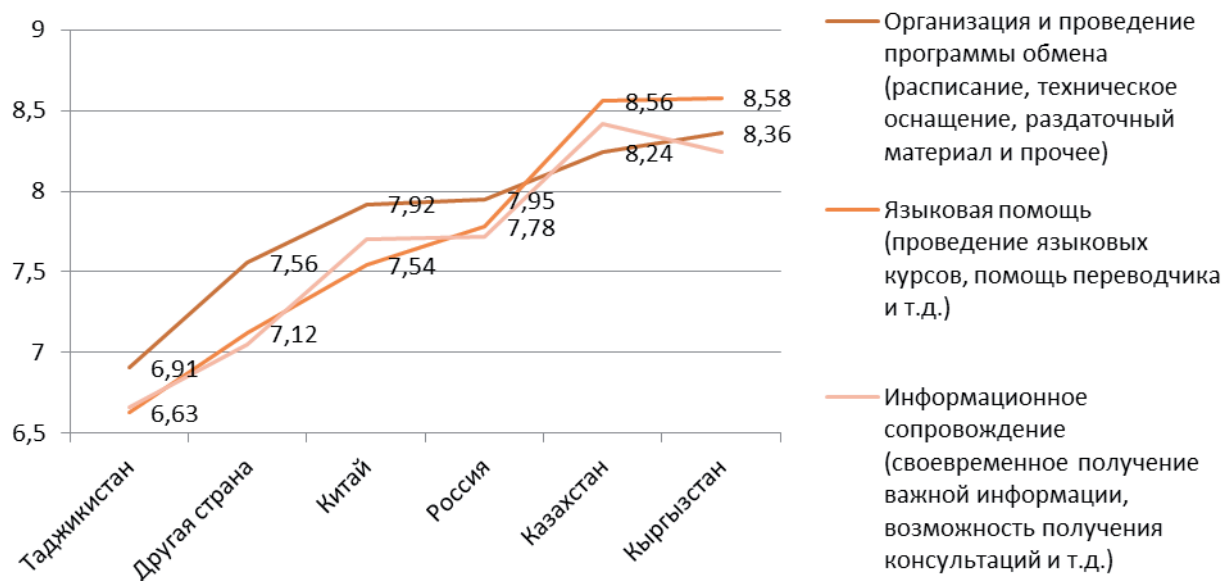
Ключевым фактором, определяющим вариативность оценок, являлась страна гражданства участника исследования. По результатам дисперсионного анализа и применения апостериорных критериев, различия в средних значениях по всем показателям в группах, выделяемых по странам, были статистически значимыми, кроме переменной социальной поддержки (F-критерий, $p < 0,05$).

По обобщениям полученных различий в средних было выявлено три группы стран, внутри которых респонденты давали согласованные оценки. Первую группу составили жители Таджикистана и других стран, не входящих в состав Шанхайской организации сотрудничества, давших по всем показателям самые низкие оценки. Во вторую группу вошли респонденты из России и Китая, оценки которых занимали промежуточное положение, а в третью – респонденты из Кыргызстана и Казахстана, оценки которых были максимальными, существенно превышающими оценки представителей других стран (рисунки 3.4.5 – 3.4.6).

Без анализа дополнительных взаимосвязей и закономерностей было невозможно объяснить кросс-культурные особенности, которые очевидно существовали и детерминировались различными факторами, связанными как с ментальностью участников, с их опытом, так и со спецификой самих программ. Для решения данной задачи исследовались различия в оценках в зависимости от типа программ, страны, в которой они проводились, их длительности, условий проведения, учитывались социально-демографические и другие личные качества участника, такие как

знание иностранного языка и дальнейшие жизненные перспективы, желание остаться в своей стране или продолжать работу или обучение за пределами родины.

Одним из базовых факторов, определяющих уровень удовлетворенности от участия в программе, являлся пол участника. Как показали результаты нашего исследования, девушки значимо выше, чем юноши, оценивали качество организации и проведения программы, документационного сопровождения, личной и организа-

ционной пользы, культурно-просветительской программы (t-критерий, $p < 0,05$, рисунок 3.4.7). Таким образом, определенная доля скепсиса в оценках участников разных стран являлась следствием того, что в выборочную совокупность «попали» представители того или иного пола. Так, среди участников исследования из Таджикистана мужчин было 84,3%, в группе респондентов из стран, не являющихся членами ШОС – мужчины составляли 78,7%, тогда как в группах других стран доля мужчин варьировала от 30% до 50% (χ^2 , $p < 0,05$).

Еще одним социально-демографическим фактором являлся возраст. Респонденты старше 30 лет давали значимо более высокие оценки по показателям организации и проведения мероприятий, информационного и документационного сопровождения, личной и организационной полезности, тогда как молодежь до 30 лет имела более высокие ожидания относительно своего участия, что сказалось на итоговом уровне удовлетворенности (рисунок 3.4.8). **Такой резкий поколенческий разрыв иллюстрировал рост требовательности новых поколений к программам молодежного обмена, отчасти связанной с возрастными ограничениями. Молодые люди, чей возраст приближался к лимиту, за которым они уже переставали считаться «молодыми» более благосклонно и снисходительно оценивали условия организации и участия в программе по типу «лучше не бывает», тогда как для респондентов**

Рисунок 3.4.5 – Удовлетворенность организацией и проведением программы, языковой помощью и информационным сопровождением в группах респондентов разных стран, средние значения.

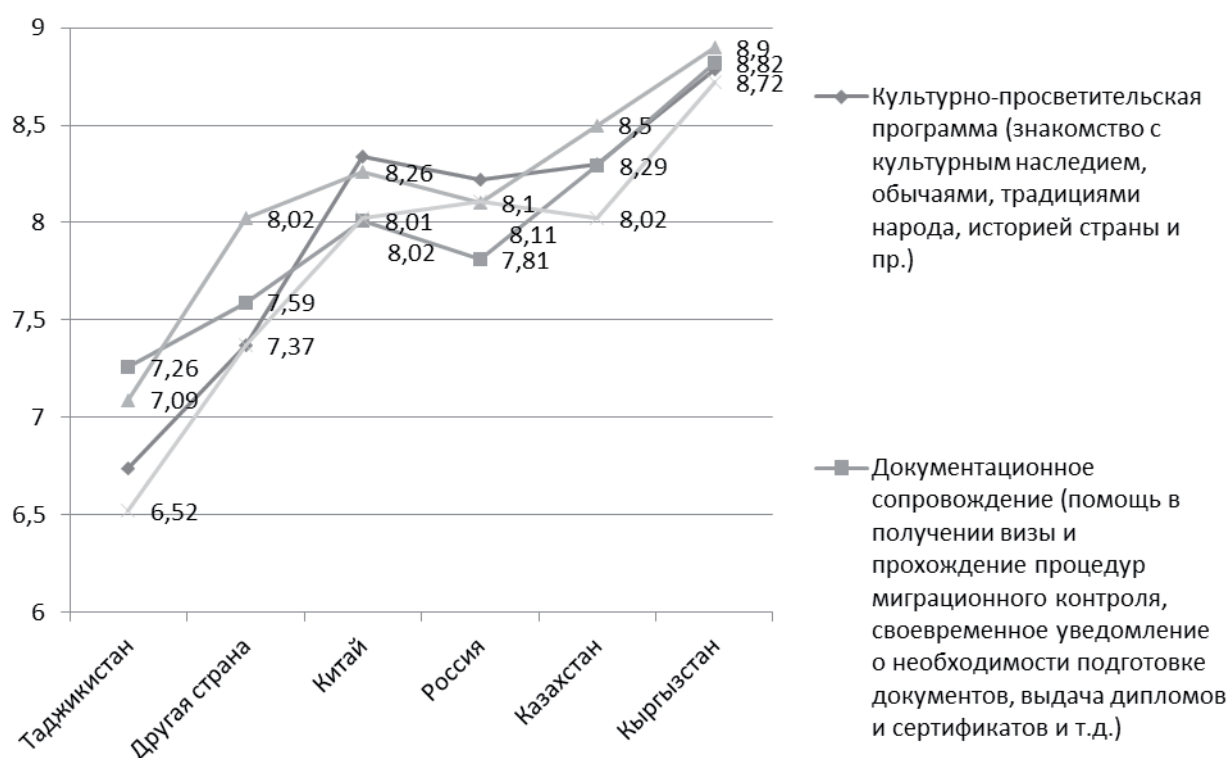

Рисунок 3.4.6 – Удовлетворенность качеством документационного сопровождения, личной и организационно полезностью программы и культурно-просветительского компонента в группах респондентов разных стран, средние значения.

младшего возраста была характерна тенденция давать более скептические оценки.

Возрастные отличия отчасти обусловили разброс оценок в группах, выделяемых по типу организации, которую представлял участник обмена. Так, по показателю пользы для организации от участия, было выявлено противопоставление школ (лицеев, гимназий, среднее значение 6,22 балла), высших учебных заведений и общественных молодежных организаций (средние значения 8,02 и 8,13 баллов соответственно), тогда как учреждения начального и среднего профессионального образования и другие организации не дифференцировались от указанных групп (среднее значение 7,0 баллов, значимость различий по тесту Дункана, $p < 0,05$). Культурно-просветительская программа была также оценена значимо выше в общественных молодежных организациях и университетах (средние значения 8,14-8,19 баллов), чуть более низкими, но статистически неразличимыми, были оценки школьников (7,14 баллов), тогда как учащиеся системы СНПО дали существенно более низкие оценки (6,0 баллов).

Помимо влияния возраста и организации значимую роль в оценке удовлетворенности программы обмена играли личностные факторы, такие, например, как мотивация участия. В ходе исследования было установлено, что те респонденты, которые в качестве одной из причин принятия участия программы обмена указывали возможность получить языковую практику или улучшить знание языка, значимо выше оценивали качество организации и проведения программы (8,20 баллов, в группе не выбравших данную альтернативу – 7,66 баллов). Желающие расширить дальнейшее сотрудничество более высоко оценивали систему социальной поддержки, личную и организационную полезность, организацию культурной про-

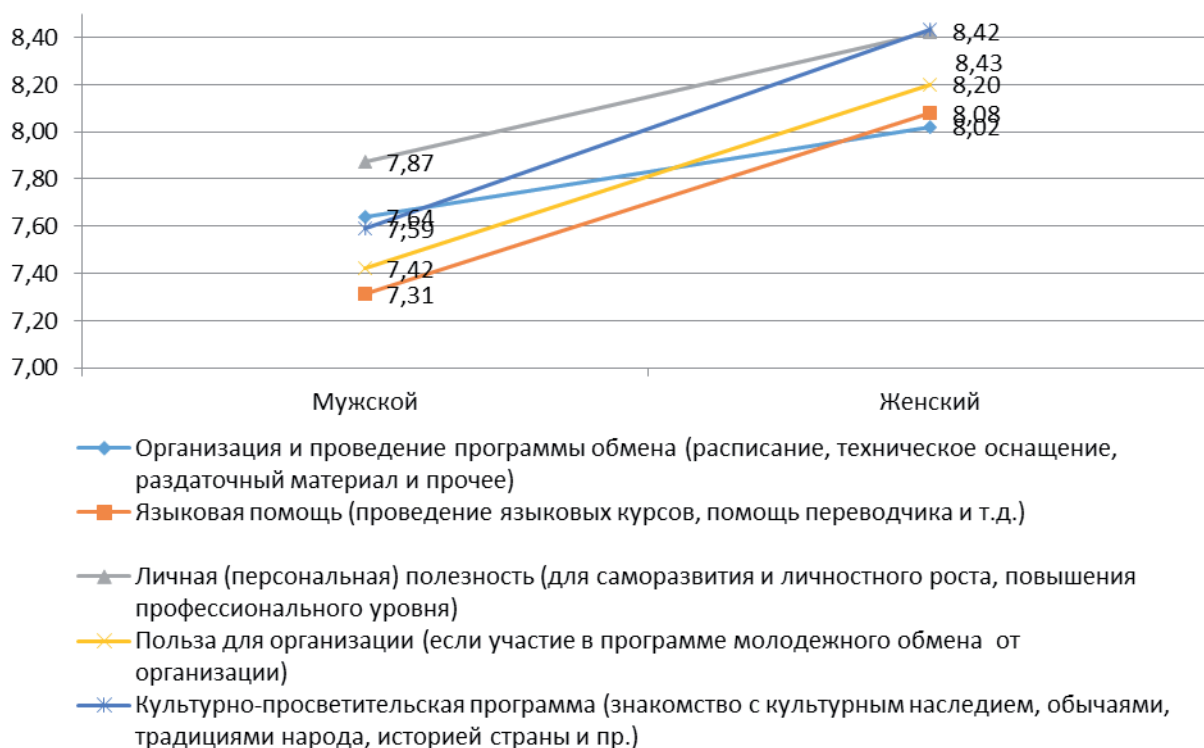

Рисунок 3.4.7 – Различия в оценке степени удовлетворенности от участия в программе обмена в зависимости от пола респондента, средние значения.

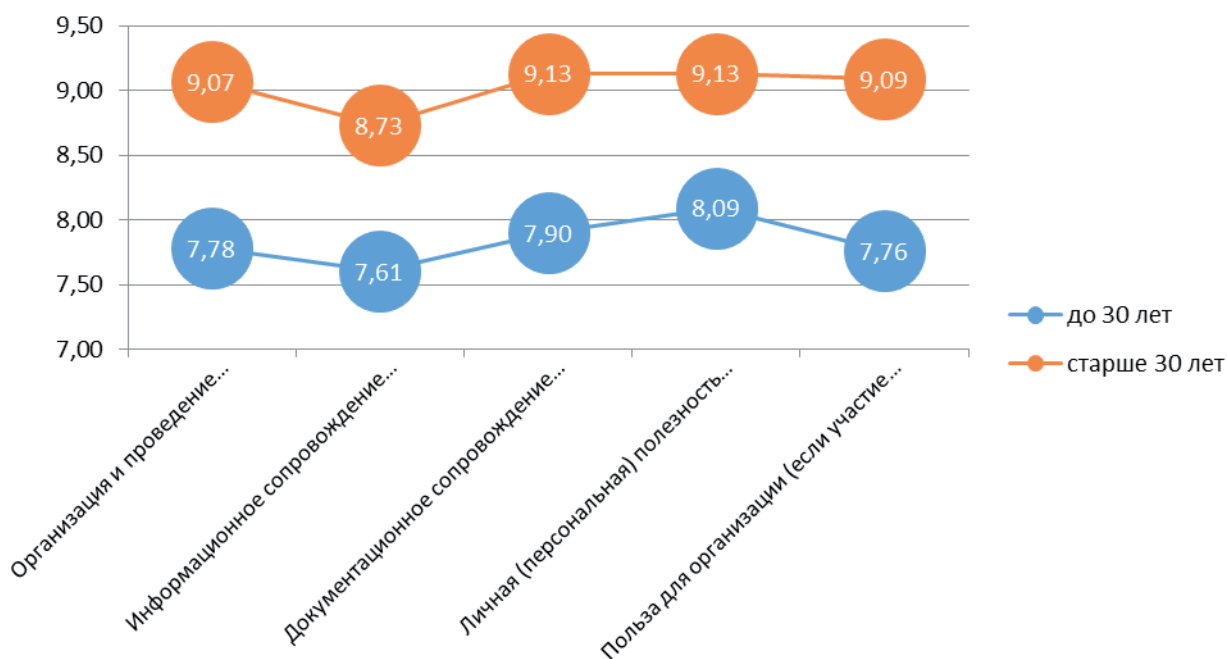

Рисунок 3.4.8 – Различия в степени удовлетворенности от участия в программе обмена в зависимости от возраста респондента, средние значения.

граммы, тогда как респонденты, желающие установить личные контакты – пользу для организации. Выбравшие в качестве одного из основных мотивов участия желание познакомиться с культурой, достопримечательностями естественным образом более высоко оценивали культурно-просветительскую программу (t-критерий, $p < 0,05$). Таким образом, **изначальные ориентации на приобретение того или иного опыта, настрой и мотивация определяли показатели успешности/неуспешности программы, соответствия ожиданий и реальности. Чем более мотивированным было участие, тем большее удовлетворение молодые люди получали в итоге от реализации своих планов и потребностей.**

При этом, опыт оказывал негативный эффект на оценивание: респонденты, ранее принимавшие участие в обменных программах давали значимо более низкие оценки по показателям организации и проведения программы, языковой помощи и документационного сопровождения, личной полезности и культурно-просветительной программы (t-критерий, $p < 0,05$, рисунок 3.4.9). Одновременно с этим, оценки были опосредованы финансовыми условиями участия в программе. Респонденты значимо выше оценивали свою удовлетворенность всеми аспектами участия в программе обмена, кроме информационного сопровождения и социальной поддержки в тех случаях, когда страна – иностранный партнер брала на себя все расходы по оплате транспортных услуг, размещения и обучения. В случае самостоятельного финансирования оценки были более низкими, тогда как вариант, когда участник берет на себя часть расходов (обычно дорожных), не имел существенных отличий ни от полного самофинансирования, ни от «бесплатного участия» (по результатам ANOVA и тестов Дункана). С другой стороны, на оценки оказывало влияние субъективная оценка трудностей, с которыми участник сталкивался в процессе участия в программе обмена. В случае если респондент не имел каких-либо трудностей, это положительно влияло на общую оценку удовлетворенности от участия в программе, тогда как наличие трудностей, оказывало воздействие сразу на всю совокупность или отдельные группы показателей (рисунок 3.4.10). Так высокие информационные перегрузки, интенсивная программа и трудности, связанные с проживанием (комфорт, неудобное расположение, трудности с оплатой жилья и пр.) оказывали негативное воздействие на оценку удовлетворенности по всем параметрам, кроме культурно-просветительской программы. Трудности с налаживанием взаимодействия не были связаны с информационным сопровождением и социальной поддержкой участников, тогда как по остальным показателям существенно снижали уровень удовлетворенности. Трудности, связанные с оформлением документов, оказывали существенное воздействие только на оценки удовлетворенности документационного сопровождения, тогда как трудности, связанные с недостатком организации обуславливали различия в пользе для организации и оценке качества культурно-просветительского компонента программы (t-критерий, $p < 0,05$)

Таким образом, по мере приобретения опыта субъективные требования к процессу организации и качеству проведения повышались, что сказывалось на снижении степени удовлетворенности от участия в очередной программе, особенно если этот опыт был связан с трудностями организации и взаимодействия между участниками, либо если

молодым людям приходилось вкладывать собственные средства для участия в программе.

Примечательно, что рабочая гипотеза о том, что на восприятие программ обмена влияет фактор языковой подготовки, не подтвердилась. Молодые люди с разной лингвистической компетентностью сходным образом оценивали различные аспекты организации и проведения программы обмена. Возможно, причиной этому являлось то, что практически все опрошенные участники обменных программ (96,0%) владели хотя бы одним иностранным языком, а также то, что по критерию языковой поддержки программы практически не различались, что означало, что данный вид помощи оказывался на одинаково высоком уровне.

В то же время, по всем показателям оценки удовлетворенности выявились значимые различия (на уровне тенденции $p < 0,1$ для показателей организации и проведения программы и системы социальной поддержки) в зависимости от типа программы, в которой респондент принимал участие. Во всех случаях культурно-просветительные программы, к которым были отнесены языковые и культурные стажировки, участие в летних школах, лагерях, форумах и фестивалях были оценены существенно выше, чем программы академической мобильности, такие как совместные образовательные программы по подготовке бакалавров и магистров, включенное и эквивалентное обучение, научные и академические стажировки, практики и другие образовательные программы (рисунок 3.4.11).

Поскольку программы культурных обменов чаще всего являлись менее длительными, чем программы академической мобильности, эти два фактора оказывали сочетанное воздействие. Участники краткосрочных программ отмечали более высокий уровень личной полезности (8,38 баллов, в других группах не выше 7,8 баллов), пользы для организации (8,34 балла, в других группах 7,35-7,52), культурно-просветительской программы (8,2 балла, в других группах – 7,37-7,91), языковой

Рисунок 3.4.9 – Различия в степени удовлетворенности в зависимости от прошлого опыта участия респондента в программах обмена, средние значения.

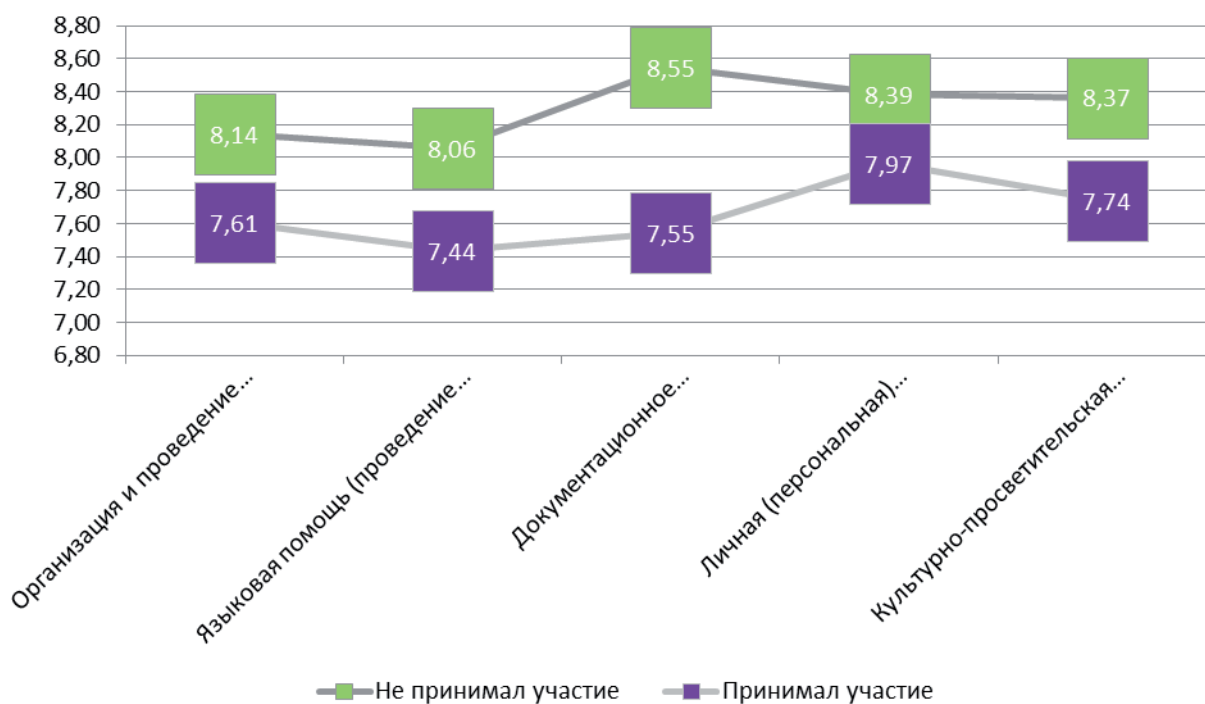

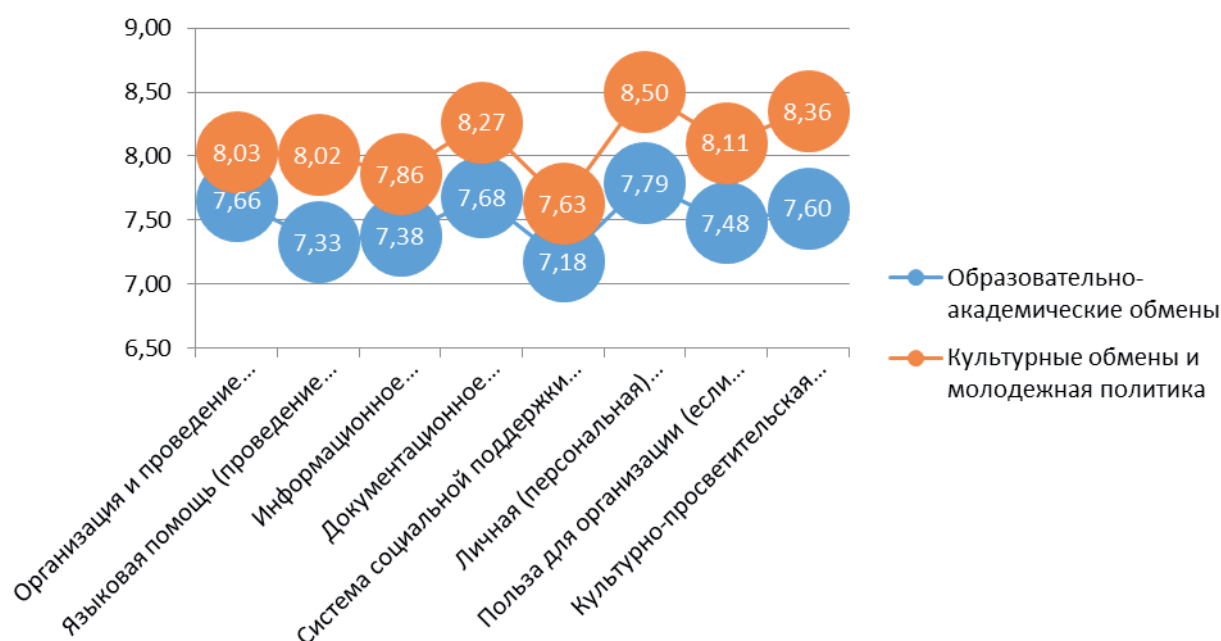

Рисунок 3.4.10 – Различия в степени удовлетворенности в зависимости от наличия и отсутствия трудностей в процессе участия в программе, средние значения.

помощи (7,92 балла, в других группах по длительности – 7,15-7,66). Таким образом, наиболее востребованными и вызывающими наибольшее удовлетворение являлись краткосрочные программы культурных обменов, подготовка и проведение которых оценивалась участниками наиболее высоко, тогда как среднесрочные и долгосрочные программы академической мобильности оказывались не вполне неконкурентоспособными по качеству и эффекту воздействия на молодежь.

Наибольший интерес вызвали результаты сравнения относительно того, какие программы и в каких странах оценивались наивысшим образом, насколько предложения российских образовательных государственных и общественных организаций соответствовали запросам и внутренним стандартам качества в виде представлений о наилучшем возможном участии в программе молодежного обмена. При этом учитывалось не только фактор страны прохождения программы, но и гражданство самого участника, поскольку предполагалось, что молодые люди из разных стран будут по-разному оценивать участие в программах одного уровня.

По данным сравнения средних оценок, для участников молодежных обменов из России различия в степени удовлетворенности были не особенно значимы. Учитывались только практики поездок за рубеж, в страны, являющиеся членами ШОС и в другие страны. Только по показателю организации и проведению программы разница в оценках была выявлена на уровне статистической тенденции: другие страны оценивались существенно выше (средний балл 9,0), чем страны ШОС (7,56 баллов).

Для иностранной молодежи, принявшей участие в исследовании, оценки различались по критериям языковой поддержки, информационного сопровождения, личной и организационной полезности, качества культурно-просветительской программы. Во всех случаях по результатам апостериорных тестов, в одну группу с более низкими оценками (7,3-7,9 баллов) выделялась Россия и другие страны ШОС, а в другую – другие страны (8,4-9,2 балла) (рисунок 3.4.12). В качестве других стран указывались страны Европы (Англия, Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Финляндия) в том числе страны Центральной и Восточной Европы (Украина, Польша, Болгария, Словения, Чехия) и США, азиатские и африканские страны (Египет, Индия, Монголия, Ирак, Южная Корея).

Из всего этого можно заключить, что, как для российской молодежи, так и для молодых людей из стран ШОС и дальнего зарубежья, Россия и страны ШОС, к сожалению, пока не рассматривается как достойная альтернатива международным молодежным программам мирового уровня. Несмотря на высокие оценки по различным показателям, молодежь по-прежнему ориентирована на получение опыта участия в программах обмена западного образца. Вместе с тем, очевидно, что интеграционные процессы в Азии будут постепенно усиливаться и что развитие молодежных обменов в регионе должно соответствовать общемировым стандартам для переориентации устремлений и ожиданий молодежи на евразийские ценности и модели поведения.

Несмотря на то, что описываемые нами факторы имели неодинаковое воздействие на различные показатели оценки удовлетворенности, в целом эти показатели отличались высокой согласованностью, что свидетельствовало о том, что в сознании молодежи эти критерии обладали значительным сходством и ассоциировались друг с другом (рисунок 3.4.13). Все взаимосвязи между переменными были статистически значимыми, величина всех коэффициентов была более 0,5, но не превыша-

Рисунок 3.4.11 – Удовлетворенность различными аспектами программы молодежного обмена в зависимости от типа программы, средние значения.

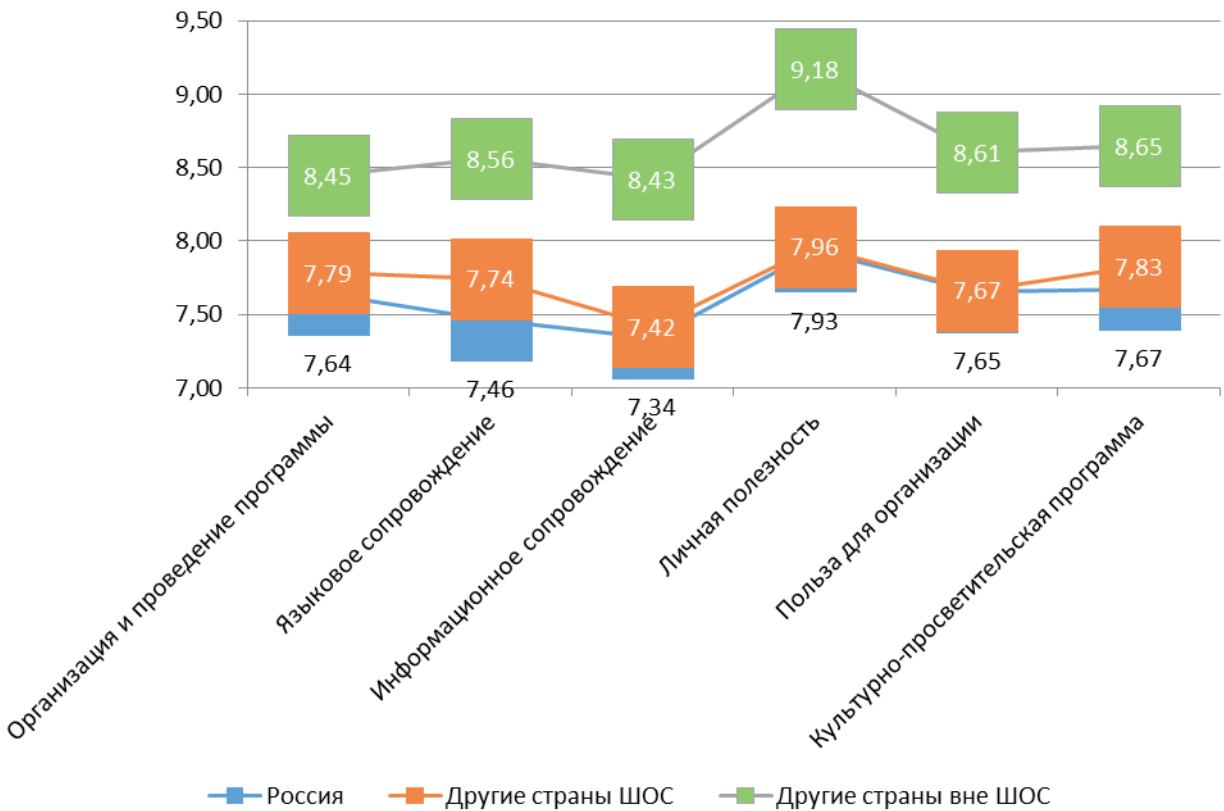

Рисунок 3.4.12 – Удовлетворенность различными аспектами программы молодежного обмена в зависимости от страны, с которой осуществлялся обмен, средние значения.

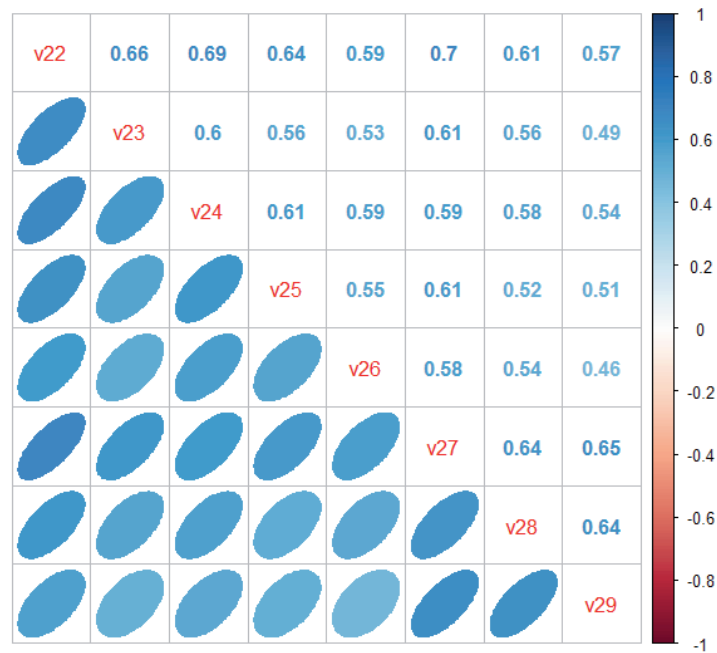

Рисунок 3.4.13 – Корреляционные взаимосвязи между различными аспектами удовлетворенности от участия в программе, коэффициенты корреляции r Пирсона.

Эффект	Значение	F	p
Прошлый опыт участия в программе	,954	,731	,664
Возраст	,957	,674	,713
Тип программы	,937	1,008	,434
Страна обмена	,891	,889	,583
Длительность программы	,908	,741	,751
Страна гражданства	,671	1,584	,024
Прошлый опыт участия в программе * Тип программы	,963	,584	,789
Прошлый опыт участия в программе * Страна обмена	,823	1,539	,087
Прошлый опыт участия в программе * Длительность программы	,863	1,150	,310
Прошлый опыт участия в программе * Страна гражданства	,700	1,407	,073
Возраст * Страна обмена	,914	1,416	,197
Возраст * Страна гражданства	,945	,869	,545
Тип программы * Страна обмена	,869	2,252	,028
Тип программы * Длительность программы	,720	2,675	,001
Тип программы * Страна гражданства	,590	2,134	,000
Страна обмена * Длительность программы	,653	2,297	,001
Страна обмена * Страна гражданства	,474	2,455	,000
Длительность программы * Страна гражданства	,416	2,059	,000
Прошлый опыт участия в программе * Тип программы * Страна обмена	,985	,228	,985
Прошлый опыт участия в программе * Тип программы * Страна гражданства	,909	,732	,760
Прошлый опыт участия в программе * Длительность программы * Страна гражданства	,963	,572	,799
Тип программы * Страна обмена * Длительность программы	,770	2,097	,009
Тип программы * Страна обмена * Страна гражданства	,755	2,265	,004
Тип программы * Длительность программы * Страна гражданства	,696	2,985	,000
Страна обмена * Длительность программы * Страна гражданства	,644	2,383	,000

ла порога в 0,7, что позволяло использовать отдельные показатели в качестве независимых переменных в регрессионном анализе.

Условные обозначения: v22 – Организация и проведение программы обмена (расписание, техническое оснащение, раздаточный материал и прочее), v23 – Языковая помощь (проведение языковых курсов, помощь переводчика и т.д.), v24 – Информационное сопровождение (своевременное получение важной информации, возможность получения консультаций и т.д.), v25 – Документационное сопровождение (помощь в получении визы и прохождение процедур миграционного контроля, своевременное уведомление о необходимости подготовке документов, выдача дипломов и сертификатов и т.д.), v26 – Система социальной поддержки (льготы, стипендии, материальная помощь), v27 – Личная (персональная) полезность (для

Таблица 3.4.1 – Результаты многомерного дисперсионного анализа по шкалам удовлетворенности от участия в программе обмена (полужирным шрифтом отмечены факторы с уровнем значимости $p < 0,05$).

саморазвития и личностного роста, повышения профессионального уровня) , v28 – Польза для организации (если участие в программе молодежного обмена от организации), v29 – Культурно-просветительская программа (знакомство с культурным наследием, обычаями, традициями народа, историей страны и пр.).

Вначале, обобщив все выявленные факторы, мы предприняли попытку построения модели их изолированного и взаимного влияния на всю совокупность переменных с помощью многомерного дисперсионного анализа, результаты которого представлены в таблице 3.4.1.

Было выявлено, что факторами, оказывающими наибольшее изолированное и совместное воздействие на оценки по всем показателям, являлись страна гражданства, страна обмена, тип программы и длительность программы. **Таким образом, если на отдельные характеристики удовлетворенности оказывали большее влияние индивидуально-личностные факторы, включая социально-демографические (пол, возраст, мотивация участия, прошлый опыт), то для всей совокупности оценок более значимыми являлись социоструктурные факторы, определяющие особенности восприятия программы обмена с позиций гражданина определенного государства, различий в оценке образовательно-академических и культурных программ на разных территориях** (таблица 3.4.1).

Принимая во внимание, что одними из наиболее высоко оцениваемых показателей являлась личная полезность и польза для организации, которую представлял участник обмена, мы провели регрессионный анализ с целью выявления вкладов различных аспектов реализации программы в общую оценку индивидуальной и организационной эффективности участия. В качестве зависимых переменных в моделях, рассчитанных для отдельных стран, выступали личная полезность и польза для организации, тогда как другие шкалы являлись предикторами.

Модель личной полезности имела довольно высокую объяснительную способность, коэффициент детерминации был наивысшим в модели для России ($R^2=0,85$) и наименьшим для Казахстана ($R^2=0,69$) (таблица 3.4.2).

Таблица 3.4.2 – Качество регрессионной модели личной полезности от участия в программе обмена, выборки по странам, коэффициенты множественной корреляции, коэффициенты детерминации и стандартные ошибки.

Гражданином какой страны Вы являетесь?	R	R-квадрат	Скорректированный R-квадрат	Стандартная ошибка оценки
Россия	0,852	0,726	0,689	1,153
Китай	0,734	0,539	0,506	1,171
Казахстан	0,689	0,474	0,412	1,435
Таджикистан	0,882	0,778	0,754	1,226
Кыргызстан	0,776	0,602	0,550	,875
Другая страна	0,830	0,689	0,622	1,236

Предикторы/Страна гражданства респондента	Россия	Китай	Казахстан	Таджикистан	Кыргызстан	Другая страна
Организация и проведение программы обмена (расписание, техническое оснащение, раздаточный материал и прочее)	0,33*	0,27*	0,19	0,29*	0,06	0,42*
Языковая помощь (проведение языковых курсов, помощь переводчика и т.д.)	-0,04	-0,07	0,15	0,29*	0,27*	0,04
Информационное сопровождение (своевременное получение важной информации, возможность получения консультаций и т.д.)	0,15	0,19	-0,12	-0,09	0,03	-0,07
Документационное сопровождение (помощь в получении визы и прохождении процедур миграционного контроля, своевременное уведомление о необходимости подготовке документов, выдача дипломов и сертификатов и т.д.)	0,01	-0,01	0,14	0,37*	0,01	0,21
Система социальной поддержки (льготы, стипендии, материальная помощь)	0,27*	0,11	0,15	0,07	0,55	-0,06
Культурно-просветительская программа (знакомство с культурным наследием, обычаями, традициями народа, историей страны и пр.)	0,31*	0,38*	0,38*	0,05	0,16	0,42*

Сравнительный анализ моделей показал, что оценка личностной полезности участников и разных стран детерминировалась различным набором показателей. Так, для участников из России наибольшую значимость имели организационные составляющие программы, возможность получения социальной поддержки (в виде льгот и стипендий) и культурно-просветительская программа. Для молодых граждан Китая, а также граждан из других стран, не являющихся членами ШОС (кроме Узбекистана) эти факторы также являлись решающими, однако денежная составляющая не представляла существенной важности. Для участников из Казахстана преобладающим являлся культурно-просветительский компонент, возможность изучения исторических и культурных традиций, тогда как другие аспекты имели меньшее значение. Примечательно, что для участников программ обмена из Таджикистана и Кыргызстана важным фактором личной эффективности участия являлась языковая поддержка и документационное сопровождение (для Таджикистана). **Таким образом, молодые люди, участвующие в программах обмена по-разному определяют для себя возможности личностного обогащения. Для стран дальнего зарубежья на первый план выходят образовательные и культурные детерминанты, опосредованные качеством организации мероприятий, для России важную роль играет финансовая поддержка, обусловленная относительно неблагоприятным материальным положением и невозможностью участвовать в программе за собственные средства. Для молодых людей из Казахстана приоритетом является на-**

Таблица 3.4.3 – Регрессионная модель личной полезности от участия в программе обмена, выборки по странам.

**Значения в ячейках представляют собой стандартизированные коэффициенты (β) факторной модели.*

** $p < 0,05$.*

лаживание межкультурного диалога, тогда как образовательный компонент выступает в качестве вторичного и не доминирующего фактора. Молодежь, приезжающая из ближнего зарубежья, в наибольшей степени обеспокоена соблюдением правовых норм, связанных с легальностью пребывания на территории и получением лингвистической поддержки.

В модели, рассчитанной по зависимой переменной пользы для организации, представленные факторы вносили существенный вклад в дисперсию зависимой переменной (R^2 варьировал от 0,58 до 0,89, таблица 3.4.4). Наибольшей объяснительной способностью обладали модели для России, Таджикистана и Кыргызстана.

Таблица 3.4.4 – Качество регрессионной модели организационной полезности от участия в программе обмена, выборки по странам, коэффициенты множественной корреляции, коэффициенты детерминации и стандартные ошибки.

Гражданином какой страны Вы являетесь?	R	R-квадрат	Скорректированный R-квадрат	Стандартная ошибка оценки
Россия	0,883	0,779	0,747	1,040
Китай	0,583	0,340	0,292	1,726
Казахстан	0,718	0,516	0,457	1,503
Таджикистан	0,838	0,702	0,669	1,468
Кыргызстан	0,882	0,778	0,747	,877
Другая страна	0,722	0,521	0,419	1,397

На оценку пользы для организации от участия респондента в программе молодежного обмена оказывали влияние принципиально иные факторы, нежели выявленные нами в модели личной полезности. Так, для участников из России наибольшей важностью обладали языковая помощь ($\beta=0,36$), информационное сопровождение ($\beta=0,32$) и культурно-просветительская программа ($\beta=0,22$). Вес последней для участников из Китая был максимальным среди всех стран ($\beta=0,41$), тогда как другие факторы не имели существенного значения. Для жителей Казахстана организационная полезность определялась возможностью получения социальной поддержки ($\beta=0,29$), тогда как языковая поддержка и культурно-массовые мероприятия были значимыми только на уровне тенденции (в таблице 3.4.5 данные коэффициенты отмечены курсивом). Молодые участники из Таджикистана акцентировали внимание на информационном сопровождении ($\beta=0,61$) и культурной программе, для жителей Кыргызстана организационная полезность ассоциировалась с оформлением необходимых документов, тогда как для участников из стран, не являющихся членами ШОС, большинство указанных моментов не представляли значимости, и лишь показатели организации и проведения вносили реальный вклад (на уровне тенденции). **Оценивая роль представительства молодежных образовательных и общественных организаций в лице индивидуальных участников обменных программ, респонденты делали акцент на разных аспектах проведения мероприятий. Так, участники из России чаще отмечали важность получения языковой поддержки, что в других странах не яв-**

лялось значимой детерминантой. Для России и Таджикистана релевантными оставались проблемы информационного сопровождения, эффективной коммуникации в процессе проведения программы, тогда как для участников из Кыргызстана определяющее значение имели вопросы документационного обеспечения, связанные с процедурами согласования документов внутри страны. В итоге, лишь представители других стран, не входящих в ШОС, чувствовали себя свободными от обязательств перед своими организациями и обращали внимание на содержательные аспекты реализации программы.

Обобщая полученные результаты анализа уровня удовлетворенности от участия в программе молодежного обмена, стоит подчеркнуть принципиальные факторы, определяющие направленность и выраженность оценок.

На первом месте в ряду критериев, по которым оценивается участие в программе, стоит возможности получения важных личностных и социокультурных компетенций, факторы организационного порядка являются вторичными, оцениваемыми субъективно на основе индивидуального опыта и принадлежности к той или иной социокультурной и демографической группе. Так резкое снижение оценок характерно для респондентов мужского пола и более молодых участников, а также тех кто в ходе прохождения программы встречался с определенными трудностями и был вынужден вкладывать собственные средства.

Наиболее востребованными и вызывающими наибольшее удовлетворение среди молодежи являлись краткосрочные программы культурных обменов, подготовка и проведение которых оценивалась наиболее высоко, тогда как среднесрочные и долгосрочные программы академической мобильности оказывались не вполне неконкурентоспособными по качеству проведения, личной и организационной эффективности.

К сожалению, как для российской молодежи, так и для молодых людей из стран ШОС и дальнего зарубежья, Россия и страны ШОС, к сожалению, пока не рассматривается как достойная альтернатива международным молодежным программам мирового уровня, молодежь по-прежнему ориентирована на получение опыта участия в программах обмена западного образца. Вместе с тем, по мере усиления интеграционных процессов на евразийском пространстве возникает необходимость не только интенсификации молодежных обменных программ, но переориентации устремлений и ожиданий молодежи на евразийские ценности и модели поведения.

В отличие от отдельных параметров оценки удовлетворенности, детерминированных индивидуально-личностными факторами, совокупность оценок определялась социоструктурными факторами, опосредующими восприятия программы обмена с позиций определенного государства, ее образовательной системы и инфраструктуры молодежной политики (развитости сетей молодежных организаций и структур).

Оценка личной полезности существенно варьирует в группах участников, выделяемых на основе стран гражданства. Если для стран дальнего зарубежья на первый план выходят образовательные и культурные компоненты и качество организации мероприятий, то для России важную роль играет финансовая поддержка, обусловленная относительно неблагоприятным материальным положением и невозможностью участвовать в программе за собственные средства. Для молодых людей

Предикторы/Страна гражданства респондента	Россия	Китай	Казах-стан	Таджики-стан	Кыргыз-стан	Другая страна
Организация и проведение программы обмена (расписание, техническое оснащение, раздаточный материал и прочее)	-0,01	0,22	0,12	-0,11	0,06	0,37
Языковая помощь (проведение языковых курсов, помощь переводчика и т.д.)	0,36*	-0,17	0,25	0,06	0,09	0,29
Информационное сопровождение (своевременное получение важной информации, возможность получения консультаций и т.д.)	0,32*	0,17	0,10	0,61**	-0,18	0,04
Документационное сопровождение (помощь в получении визы и прохождении процедур миграционного контроля, своевременное уведомление о необходимости подготовке документов, выдача дипломов и сертификатов и т.д.)	0,00	-0,07	-0,04	0,02	0,46*	0,04
Система социальной поддержки (льготы, стипендии, материальная помощь)	0,20	0,06	0,29*	0,06	0,15	0,14
Культурно-просветительская программа (знакомство с культурным наследием, обычаями, традициями народа, историей страны и пр.)	0,22*	0,41*	0,22	0,29*	0,54	0,07

Таблица 3.4.5 – Регрессионная модель организационной полезности от участия в программе обмена, выборки по странам.

**Значения в ячейках представляют собой стандартизированные коэффициенты (β) финальной модели.
* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$.*

из Казахстана приоритетом является налаживание межкультурного диалога, тогда как образовательный компонент выступает в качестве вторичного и не доминирующего фактора. Молодежь, приезжающая из ближнего зарубежья, в наибольшей степени обеспокоена соблюдением правовых норм, связанных с легальностью пребывания на территории и получением лингвистической поддержки.

Понятие организационной полезности также было связано с различными показателями, показывающими особенности и уязвимые места в данных организациях. Для России одним из важных факторов являлась важность получения языковой, совместно с Таджикистаном выявилась проблема информационного сопровождения, эффективной коммуникации в процессе проведения программы. Важным фактором для участников из Кыргызстана являлось документационное обеспечение процедур подтверждения и сопровождения участия в программе. Таким образом, повышение качества различных компонентов обменных программ, реализуемых в России, учет в процессе разработки программ обмена особенностей приглашаемой страны может стать важным шагом на пути к продвижению молодежных обменов в странах-участницах ШОС, активизации молодежной активности и налаживания более тесных связей между нашими странами.

3.5. Перспективы участия в программах молодежных обменов

Участие в программе мобильности – это всегда ожидание. Ожидание новых событий, обмена информацией, формирования дружеских и профессиональных контактов, саморазвитие и образование, шаг по карьерной лестнице и возможности самопрезентации. Насколько итоги участия в программе и их соответствие ожиданиям участников меняют отношение к самой программе молодежных обменов? Для оценки динамики отношения к программе молодежи, участников опроса просили ответить на вопрос: «Изменилось ли Ваше отношение к программе молодежного обмена по сравнению с ожиданиями от программы до начала участия?».

В большинстве случаев (87,9%) оценки молодежи располагались в положительном полюсе. Так, из 65,5% молодых людей, отметивших, что оценки программы не соответствовали ожиданиям, большинство получили больше, чем ожидали, и их оценки склонились в лучшую сторону (58,4%), и только 7,1% участников программы указали на то, что программа в итоге оказалась хуже, чем они ожидали. Третью опрошенных (32,1%) указали на то, что программа полностью соответствовала их ожиданиям – оказалась настолько хорошей, как представлялась (29,5%) или настолько плохой, как они того ожидали (2,6%). Таким образом, 2,6% опрошенных участников программ обменов приняли в них участие, заранее оценивая программу как неудовлетворяющую их интересам, а 7,1% в итоге разочаровались участием в ней (рисунок 3.5.1).

Среди выбравших альтернативу «другое» (2,4%) – мнения опрошенных о том, что сложно рассматривать в качестве программы молодежного обмена ту, в которой большинство участников из Российской Федерации.

Данные, представленные на рисунке 3.5.2, свидетельствуют о том, что участники программ из разных стран по-разному оценивают соответствие ожиданий от участия в них с итогами программы. Так, смещение оценок в лучшую сторону чаще прочих отмечают участники программ обменов из Таджикистана (75,0%) и Кыргызстана (72,4%), а реже – Казахстана (45,9%) и других стран (46,5%). При этом среди казахстанских участников программ молодежных обменов высока в принципе доля тех, что принял участие в программе с изначально хорошим отношением к ней (45,9%).

С хорошим отношением к программе обмена чаще прочих включаются в ее работу молодые люди из Казахстана, других стран (не ШОС) (39,5%), России (34,4%) и Китая (26,9%). А вот несоответствие ожиданий от программы, приведшие к снижению оценки ее эффективности, чаще прочих отмечает китайская молодежь (15,1%), молодежь из Таджикистана (7,8%) и других стран (не ШОС) (7,0%).

Ни один из опрошенных молодых людей, приехавших для участия в программе из Таджикистана и Кыргызстана, не указал на изначально низкие ожидания от предполагаемого, а вот 4,3% молодых людей из Китая изначально плохо оценивали программу, также как и по 3,3% участников из России и Казахстана и 2,6% из других стран.

Данные, отраженные на рисунке 3.5.3, могут помочь нам выделить параметры программ молодежных обменов, чаще прочих не соответствующих ожиданиям их участников. Итак, чаще прочих приносят разочарование программы образовательных и академических обменов (почти треть участников имели изначально плохие

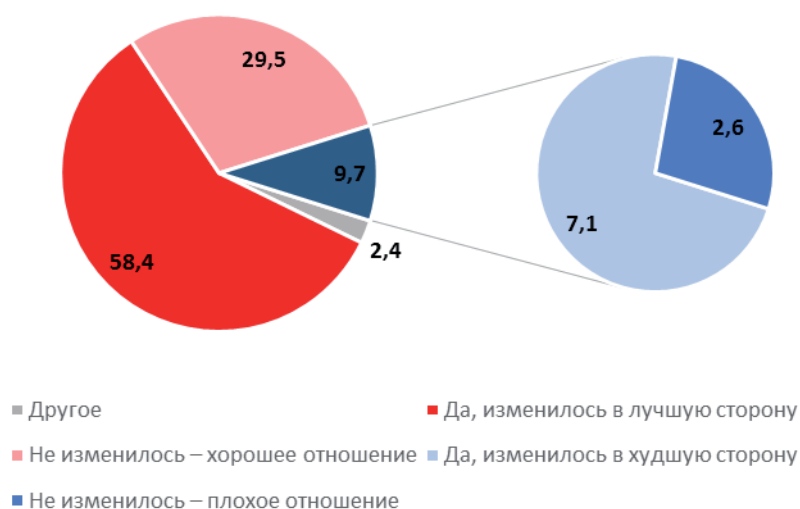
ожидания, которые не изменились – 29,9%, а у 11,6% участников отношение изменилось в худшую сторону), среднесрочные программы длительностью до одного года (3,9% и 17,1% соответственно), которые чаще всего еще хуже, чем ожидалось молодыми людьми и программы обменов, реализуемые в России (4,0% и 8,5%, соответственно).

Наиболее привлекательны в плане соответствия и превышения ожиданий участников программы в сфере культуры и молодежной политики (в 61,9% случаев превысили ожидания и в 29,9% – соответствовали, в 2,5% заранее оценивались как плохие, а в 2,5% – были восприняты хуже, чем ожидалось) и поездки не в страны ШОС (включая Россию), которые в 61,7% случаев превысили ожидания и в 32,2% – соответствовали, вообще не оценивались как плохие, а в 4,3% – были восприняты хуже, чем ожидалось.

Таким образом, можно предположить, что в негативном ключе оцениваются молодыми людьми программы, сопряженные с приложением усилий, получением и оценкой знаний, которые, возможно, могут быть доступны в стране проживания, и программы, связанные со знакомством с новыми для молодежи, не входящими в известное и во многом похожее особенностями культуры и быта пространство постсоветских территорий. Можно предположить и то, что культурные обмены не требуют приложения больших усилий, а носят более познавательный (или развлекательный) характер, а «бонус» обменов в сфере молодежной политики – полезные связи и, возможно, перспективы трудоустройства. Хотя подобные гипотезы требуют дополнительной проверки, в частности, в отношении качества образовательных и академических программ или же соответствия индивидуальных целей молодых людей с целью программы обмена.

Статистическая проверка гипотез о значимости выявленных различий подтверждает выводы о зависимости оценок соответствия выбора программы ожиданиям молодежи от гражданства участника программы и ее направления (образовательная/культурная) (χ^2 , $p \leq 0,05$).

Рисунок 3.5.1 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Изменилось ли Ваше отношение к программе молодежного обмена по сравнению с ожиданиями от программы до начала участия?», %.

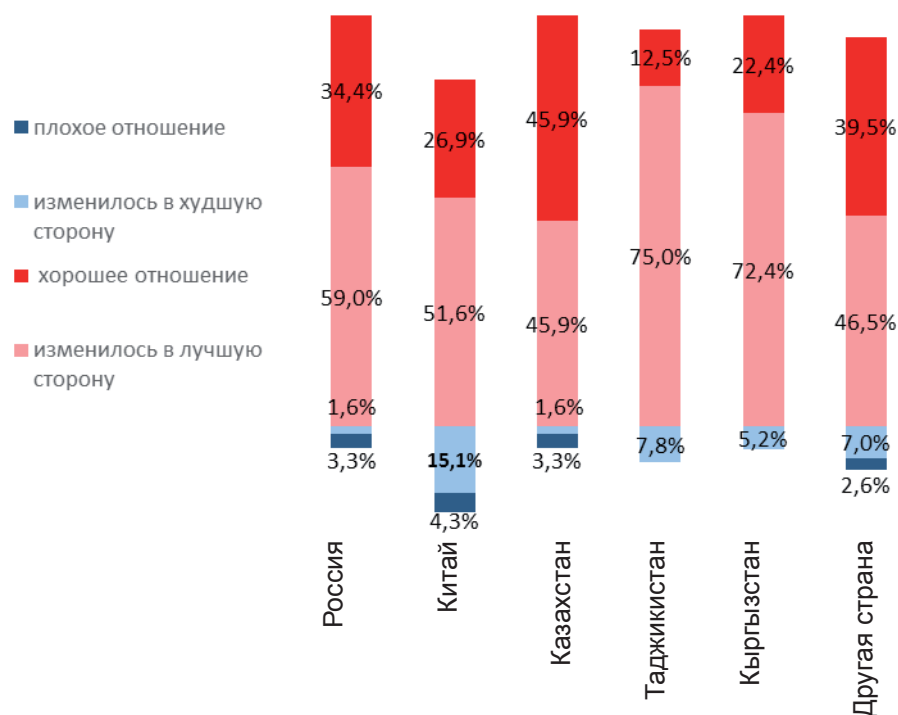

Рисунок 3.5.2 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Изменилось ли Ваше отношение к программе молодежного обмена по сравнению с ожиданиями от программы до начала участия?» в зависимости от страны гражданства участников, %.

После участия в программах молодежных обменов молодые люди возвращаются в страну пребывания. И в данный момент успешность программы будет выражаться в том, насколько молодой человек увидел выгоды, которые несет в себе развитие мобильности для роста конкурентоспособности вузов, страны и всей системы образования и воспитания, развития единого рынка труда. Главная цель мобильности – дать студенту возможность получить разностороннее образование по выбранному направлению подготовки, обеспечить ему доступ в признанные центры знаний, расширить познания студента во всех областях культуры. В результате создаются новые условия эффективной конкуренции и взаимодействия для вузов и иных принимающих организаций; для студентов становятся возможными выбор индивидуальной образовательной и профессиональной траектории, кроме того, рынок труда становится международным, что облегчает возможность трудоустройства квалифицированных кадров.

Готовность участника программы распространять знания об участии в ней, рекомендовать к участию – показатель ее эффективности.

В соответствии с полученными данными (рисунок 3.5.4) большинство опрошенных (79,1%) порекомендовали ли бы другим желающим поездку именно в эту страну и именно на эту программу, 13,6% участников дали бы совет посетить эту страну, но принять участие в другой программе обменов, а 3,7% посоветовали бы вообще не ездить в эту страну. 3,5% предпочли вариант «другое», преимущественно мотивируя свой выбор тем, что нужно активно участвовать во всех предлагаемых программах и активно использовать имеющиеся возможности мобильности, либо приглашая в свои страны для знакомства: «Я сама учусь на государственном гранте в КНР, советовала бы поступать на учебу в Китай».

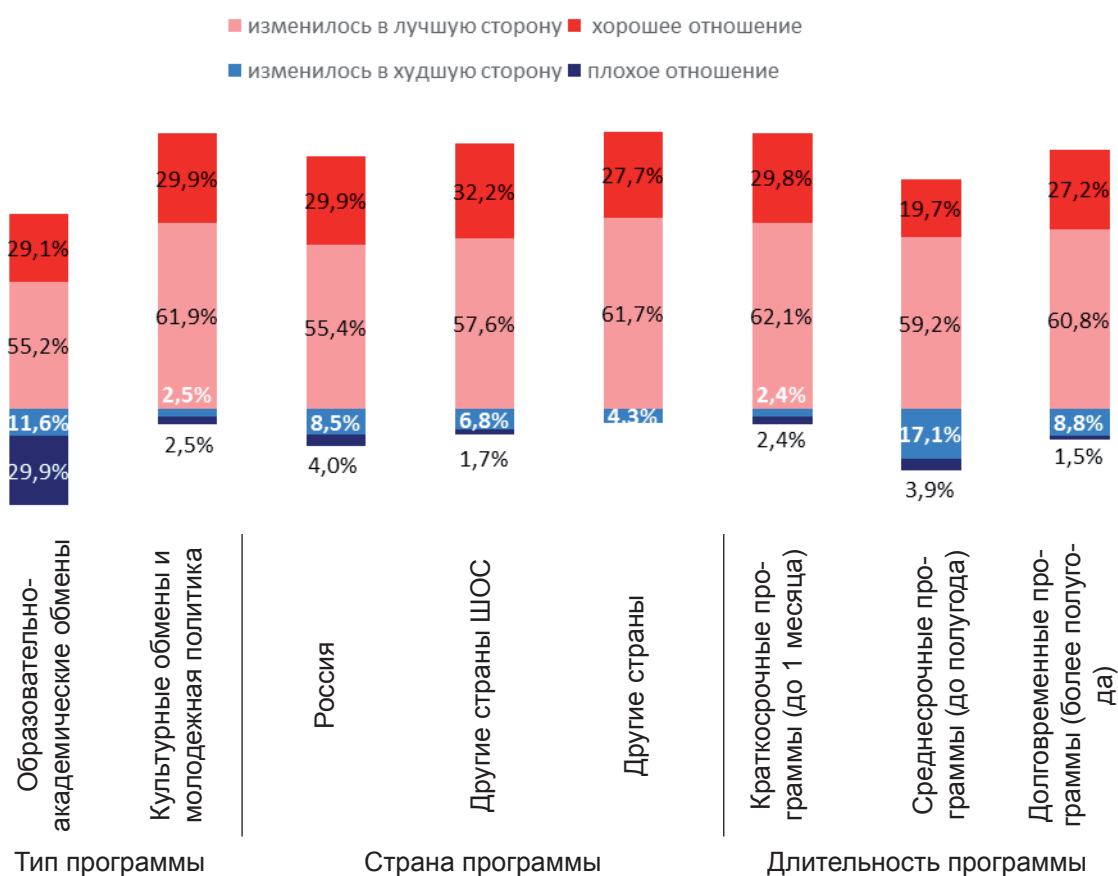

Рисунок 3.5.3 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Изменилось ли Ваше отношение к программе молодежного обмена по сравнению с ожиданиями от программы до начала участия?» в зависимости от характеристик программ обмена, %.

Подобные оценки значимо зависят от гражданства участников программ мобильности (χ^2 , $p \leq 0,05$). Так, чаще прочих готовы рекомендовать именно эту программу и страну молодые люди из Таджикистана (88,0% выборов), Кыргызстана (85,8%) и Казахстана (82,0%), а реже – других стран (не ШОС) (66,7%), Китая (73,1%) и России (78,3%).

Среди тех, кто предпочел бы не советовать участие в том программе, которую он посетил – большинство (11,0%) это представители стран, которые не входят в ШОС, Россияне (5,0%), граждане Таджикистана и Китая (по 3,2%) и Кыргызстана (1,8%). Отметим, что среди респондентов из Казахстана не зафиксировано опрошенных, не пожелавших рекомендовать страну и программу обмена, в которой они сами приняли участие.

Таким образом, полученные данные коррелируют с оценками удовлетворенности пройденной программой и оценками степени соответствия содержания программы ожиданиям ее участников.

Далее рассмотрим, определяется ли желание опрошенных участников программ молодежных обменов предложенными параметрами программ мобильности. В современном мире, в условиях глобализации и растущей международной конкуренции, развитие человеческого капитала стало важнейшим фактором роста экономики и благополучия общества. Обеспечение качества образования является приоритетом государственной политики, формируя источник инновационного и устойчивого экономического роста страны в средне- и долгосрочной перспективе. В

стратегических документах РФ определены цели модернизации системы образования. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. ставит цель повышения конкурентоспособности российской системы образования, интеграции ее в международное образовательное пространство и предполагает решение к 2020 году ряда задач от формирования инфраструктуры и институциональных условий академической мобильности студентов до обеспечения высокого качества российского образования в соответствии с меняющимися запросами населения и перспективными задачами развития экономики на основе повышения гибкости образовательных программ, формирования инновационной инфраструктуры учебных заведений, развития мобильности.

Для достижения этих целей развиваются направления академической мобильности как неотъемлемой части многостороннего и двухстороннего международного сотрудничества, важнейшего фактора формирования интеграционных объединений и общих пространств. В 2003 году Россия присоединилась к процессу формирования общеевропейского пространства высшего образования, поддерживая приоритеты, сформулированные в Болонской Декларации. В 2009 году министры образования стран-участниц Болонского процесса приняли «Стратегию мобильности 2020», в которой сформулированы задачи разработки национальных стратегий и целевых показателей мобильности, смягчения государственного регулирования в области образовательных программ, обеспечения качества высшего образования через инструменты контроля качества и транспарентности. Интеграционные процессы в области образования нарастают в рамках сотрудничества со странами ШОС, БРИКС и АТЭС. Сотрудничество стран Шанхайской организации сотрудничества в области образования, науки и техники опирается на положения «Соглашения о сотрудничестве в области образования». Ключевым механизмом поддержки академических обменов и научных исследований стал сетевой университет ШОС. В соответствии с приоритетами, сформулированными в Концепции участия РФ в объединении БРИКС, планируется расширение научных, преподавательских и студенческих обменов между высшими учебными заведениями государств-участников БРИКС. Реализация национальных задач и положений международных документов, предусматривающих развитие академической мобильности, требует комплексного подхода, включающего совершенствование инструментов и механизмов мобильности, создания благоприятных условий на федеральном и институциональном уровне.

Полученные данные в том числе помогут оценить, насколько востребованы современной молодежью те или иные параметры программ академической мобильности, предлагаемые странами-участницами ШОС. При этом отметим, что полученные распределения не являются статистически достоверными (χ^2 , $p \geq 0,05$). Так, чаще прочих посоветовали принять участие в программе именно этого обмена и именно этой страны участники долговременных программ (82,8%), посетившие другие страны ШОС (81,4%), другие страны (не ШОС) (80,4%) и образовательно-академические обмены (80,0%) (рисунок 3.5.5). Любопытно, что параметры программ, в которых приняли участие опрошенные и которые они готовы рекомендовать к участию, существенно отличаются от программ, приносящих опрошенным удовлетворение и позитивно оцениваемых респондентами. Возможно, опрошенные разделяют эмоциональное отношение к программе обмена и рациональную пользу,

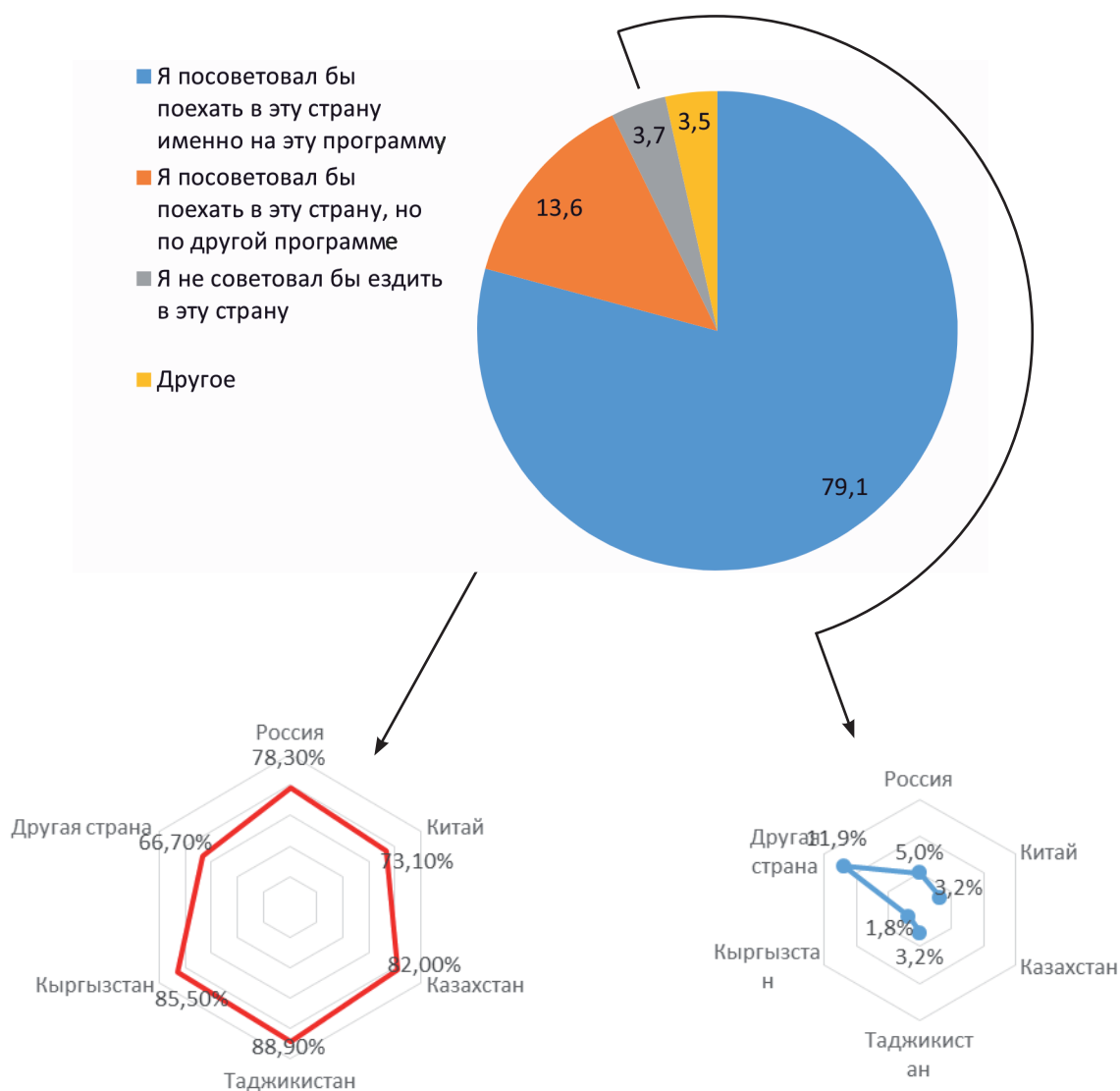

Рисунок 3.5.4 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие рекомендации Вы могли бы дать другим желающим принять участие в данной программе обмена?» в общей выборке и в зависимости от гражданства участников программ обмена, %.

которое участие в ней может принести в плане повышения образовательного статуса молодого человека, карьерных преимуществ и важность включения в длительные образовательные коммуникации единого образовательного и культурного пространства стран-участниц программ академических обменов.

Среди опрошенных, выбравших альтернативу «Я бы посоветовал поехать в эту страну, но по другой программе», преобладают участники среднесрочных программ (20,0%), приехавшие из других стран (не ШОС) (17,4%) и России (16,1%), посетившие образовательно-академические программы обмена (16,5%) (рисунок 3.5.6).

Весьма любопытно рассмотрение параметров программ молодежных обменов, участники которых не советовали бы другим активным молодым людям приезжать именно в эту страну. Возможно, пристальное внимание именно к этим направлениям молодежных обменов с целью повышения их эффективности и востребованности молодежью было бы целесообразно в сложившихся условиях. Так, чаще всего не советовали бы поездки с целью обмена опытом участники краткосрочных программ длительностью до одного месяца (6,5%), приехавшие для участия из дру-

гих стран ШОС – (5,1%), участники программ обмена из числа российской молодежи (4,6%), участники культурных программ и программ в сфере молодежной политики (4,1%) и программ средней длительности (до полугода) (4,0%) (рисунок 3.5.7).

Полученные данные коррелируют с параметрами программ, которые были расценены участниками как привлекательные и стоящие их рекомендации. Так, чем меньше длительность программы, тем меньше ее участники хотели бы ее рекомендовать своим сверстникам, чем более связана тематика программы с образованием, тем больше вероятность ее рекомендации для участия.

Уровень владения языком страны, в которой молодые люди участвовали в программах обменов достоверно связан как с страной гражданства, принимающей страной, так и с типом и длительностью программ, в которых респонденты принимали или принимают участие (χ^2 , $p \leq 0,05$).

Так, в большинстве случаев (40,5%) участники программ могут свободно общаться на любые темы, треть опрошенных (33,0%) – понимают идеи и высказывания на разные темы и могут общаться в большинстве ситуаций, а в 3,5% – не владеют языком, на котором ведется программа (рисунок 3.5.8).

Рассмотрим, каким образом распределены по странам гражданства группы молодых людей, свободно владеющих языком программ обменов (40,5%) и имеющих языковые проблемы (3,5%).

Логично, что максимальную степень владения языком программы демонстрируют граждане Кыргызстана (79,3%), Казахстана (55,0%) и Таджикистана (51,6%). Хуже всех владеют языком принимающей страны китайцы (только в 12,0% случаев). Граждане России и других стран (не ШОС) лишь в трети случаев демонстрируют свободное владение языком программы обмена (28,1% и 28,6% соответственно).

Среди тех, кто вообще не владеет языком страны, в которой реализуется программа обмена существенно преобладают россияне (17,5%) и вообще не зафиксированы китайцы и жители Казахстана, которые в разной степени, но способны осуществлять коммуникации. Жители других стран-участниц программ обменов (не ШОС) не владеют языком в 2,4% случаев, жители Кыргызстана – в 1,7%, Таджикистана – 1,6%.

Таким образом, уровень языковой подготовки участников молодежных обменов весьма высок. Молодые люди в большинстве случаев способны понимать идеи и высказывания, формулировать и излагать свои идеи на языке страны программы обмена. При этом отметим, что в данном отношении весьма отстают молодые люди из России. Возможно потому, что традиционно иностранный язык для обучения в России – это практически инвариантно английский, реже – немецкий или французский, китайский. Поэтому в странах ШОС, принимающих молодых людей из России в рамках программ обменов, российская молодежь общается либо на универсальном английском, либо на русском языке, распространенном на территории стран бывшего СССР.

Максимальная доля молодых людей, свободно владеющих языком принимающей страны в программах культурной/политической направленности (46,4%), реализуемых на территории России (38,9%) и других стран ШОС (37,9%), а также среди участников краткосрочных (43,1%) и долгосрочных программ (40,7%) (рисунок 3.5.9).

Рисунок 3.5.5 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие рекомендации Вы могли бы дать другим желающим принять участие в данной программе обмена?» в зависимости от разных характеристик программ обменов, %.

Рисунок 3.5.6 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие рекомендации Вы могли бы дать другим желающим принять участие в данной программе обмена?» в зависимости от разных характеристик программ обменов, %.

Однако логично и то, что в программах образовательной направленности, организованных в России и длящихся более полугода практических не участвуют молодежи люди, не владеющие языком программы (1,8%, 0,6% и 0,8% соответственно). Заметим, что суммарные доли молодежи, испытывающей языковые сложности (результаты суммирования позиций «не владею языком» и «понимаю элементарные фразы, могу представиться») наиболее существенны среди участников среднесрочных программ (35,5%), участников программ в России (32,6%) и включенных в образовательные/академические обмены (28,9%). То есть практически треть участников подобных программ не владеет языком страны проведения.

Однако далеко не каждый молодой человек, вне зависимости от уровня владения языком принимающей страны, стремится повысить уровень своей языковой компетентности для повышения эффективности участия в программе обмена. Так, только чуть более четверти респондентов (26,5%) указали на то, что проходили подготовительные языковые курсы перед поездкой. Стремление соответствовать требованиям программы в части языковой подготовки достоверно зависит от страны

Я не советовал бы ездить в эту страну

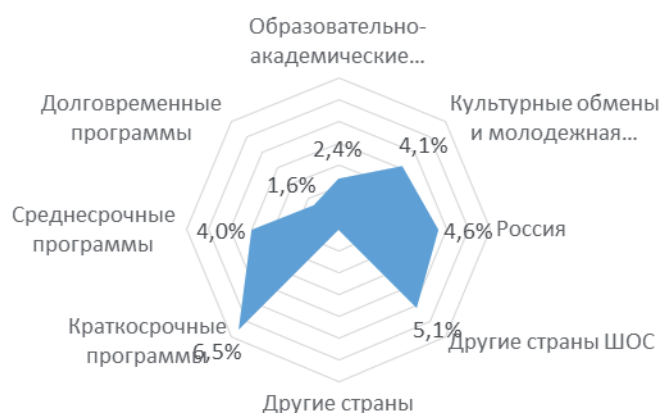

Рисунок 3.5.7 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие рекомендации Вы могли бы дать другим желающим принять участие в данной программе обмена?» в зависимости от различных характеристик программ обменов, %.

проживания опрошенного (χ^2 , $p \leq 0,05$): чаще прочих к услугам подготовительных курсов прибегают жители Китая (практически половина из тех, кто это делает – 49,5%), далее следуют граждане Таджикистана (25,0%), Кыргызстана (20,7%), Казахстана (19,4%), России (15,0%) и других стран (14,0%). Граждане Китая ощущают очевидную потребность в совершенствовании языковых навыков для свободных коммуникаций в рамках молодежных обменов и прилагают к этому больше усилий, нежели граждане стран бывшего СССР, объединение общим языковым наследием. При этом парадоксально, что россияне, чаще прочих оказывающиеся в группе не владеющих языком принимающих стран, реже всех проходят языковую подготовку для обеспечения свободного общества в ходе участия в программе (рисунок 3.5.10).

Тип программы, в которой принимает участие молодой человек, будет определять прохождение предварительных языковых курсов. Так, программы средней и большой длительности чаще всего выступают поводом к прохождению дополнительной языковой подготовки (36,8% и 34,1% выборов, соответственно), а вот в случае краткосрочных поездок доля молодых людей, проходящих такую подготовку в два раза меньше – 17,9%. При этом направленность программы (культурная или образовательная) не будет играть определяющей роли, в отличие от принимающей страны. Так, реже всего молодые люди прибегают к дополнительному развитию языковых навыков при поездках в другие страны (не ШОС – 21,3%), а чаще – другие страны ШОС (кроме России) – 36,2% (рисунок 3.5.11). Отметим, что отмеченные зависимости не являются достоверными (χ^2 , $p \geq 0,05$).

Намерение молодых людей постоянно поддерживать контакты с зарубежными партнерами – индикатор успешности программ и выполнения одной из задач ее существования, заключающейся с расширением дальнейшего сотрудничества между странами ШОС в различных областях.

Согласно данным, отраженным на рисунке, только чуть более половины участников программ молодежных обменов (54,3%) будут поддерживать постоянные

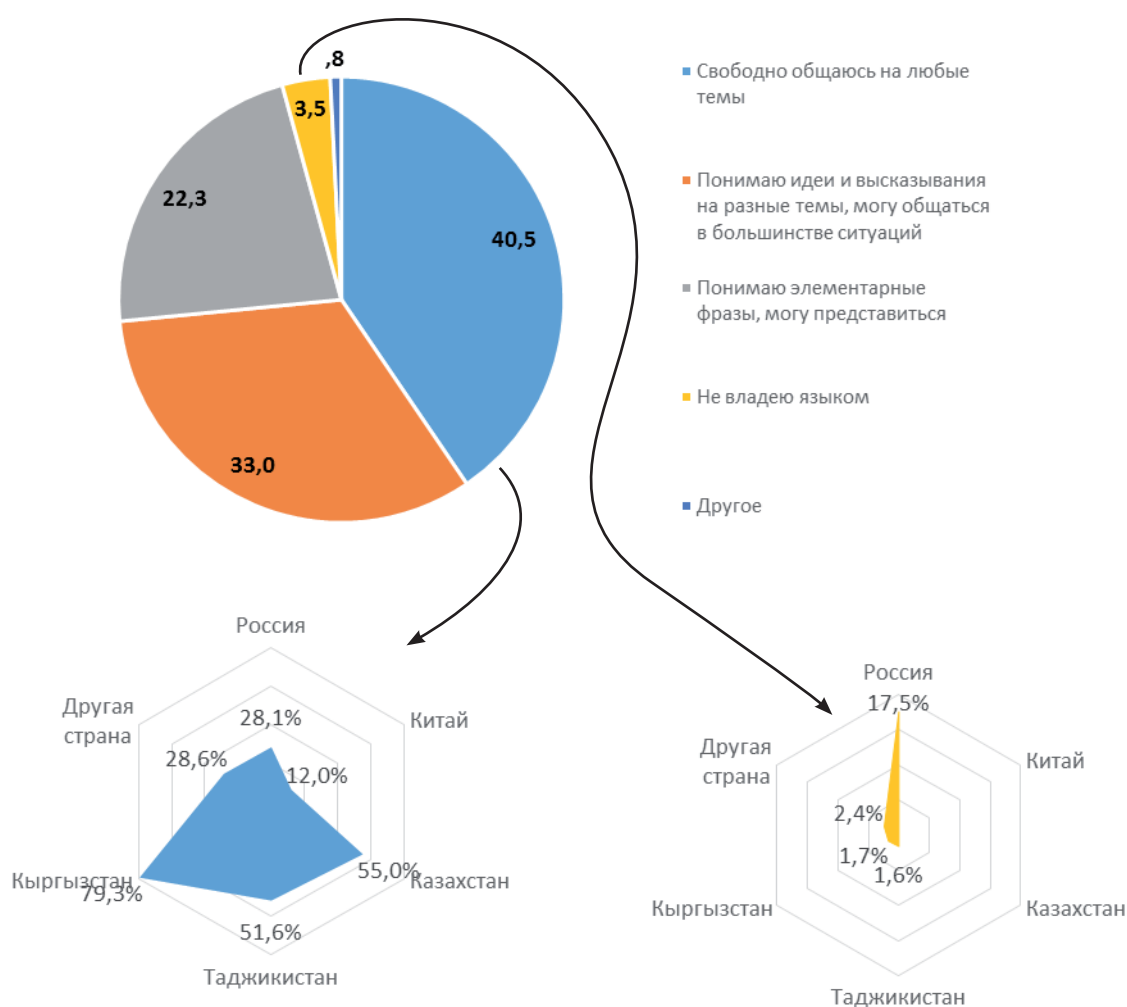
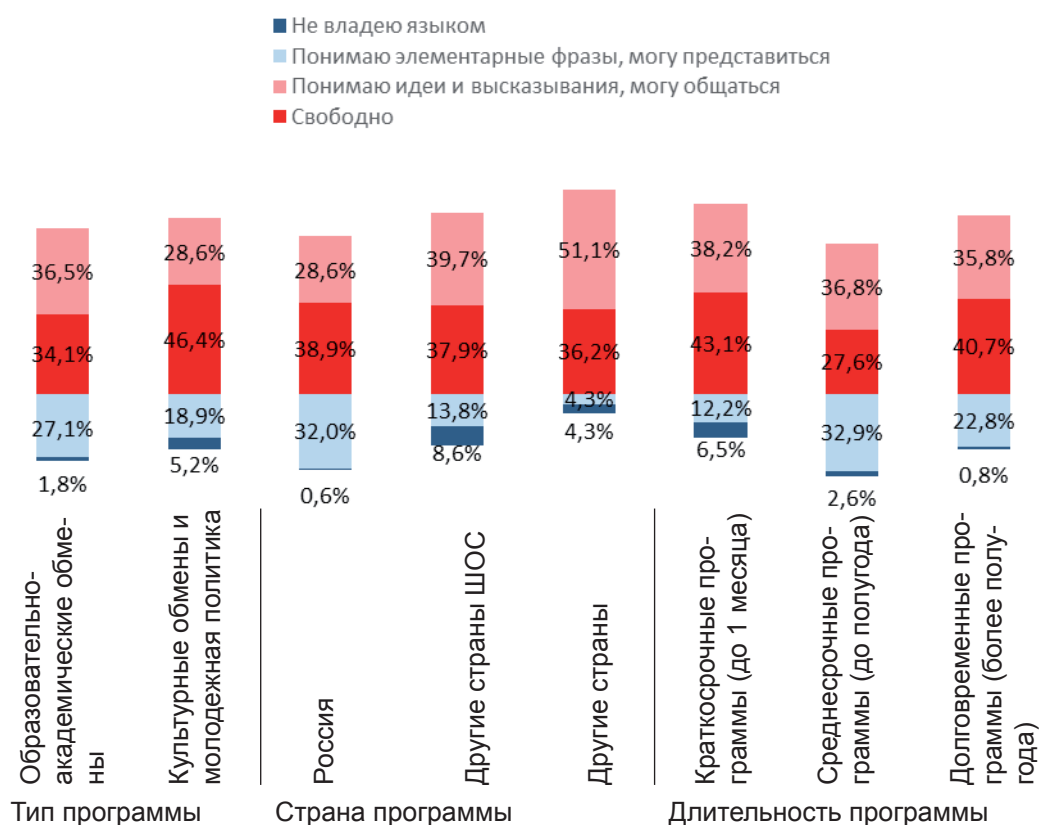

Рисунок 3.5.8 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Как бы Вы оценили свое владение языком страны, в которой Вы участвовали в программе молодежного обмена?» в общей выборке и в зависимости от страны гражданства участников программ обменов, %.

контакты с зарубежными партнерами, треть проявили рациональность и прагматизм, заявив о поддержании контактов в только в случае своей заинтересованности (30,2%), а 10,6% участников пока вообще не определились, будут ли это делать, хотя установление контактов за рубежом считают полезным для себя, и 4,1% опрошенных выбрали вариант «затрудняюсь ответить» или «другое» (0,8%) (рисунок 3.5.12).

Представленные на рисунке 3.5.13 данные не отражают статистически достоверных зависимостей (χ^2 , $p \geq 0,05$), однако чаще прочих стремятся поддерживать контакты с зарубежными партнерами участники программ из Таджикистана (64,6%), а реже – молодежь из России (46,9%) и Китая (49,5%). Более ориентированы на получение выгоды от поддержания контактов молодые люди из Китая (41,9% опрошенных предпочли альтернативу «в случае взаимной заинтересованности») и других стран (не ШОС) (36,4%). Больше всего не определившихся в необходимости сохранять созданные связи за рубежом среди молодых участников программ из России (18,8%) и Казахстана (11,1%).

Это может быть объяснено тем, что молодые люди либо не видят пользы лично для себя в развитии возникших взаимоотношений в плане образовательной или

профессиональной карьеры, либо рассматривают участие в программе обмена как разовое мероприятие, не имеющее продолжения в других формах сотрудничества.

Схоже оценивают перспективу поддержания партнерских контактов после завершения программы практически все типов молодежных обменов (рисунок 3.5.14), как академических/образовательных, так и культурно/политических, программ разной длительности. Исключение лишь составляет сравнение намерений опрошенных поддерживать зарубежные контакты в зависимости от страны, принимающей программы обмена.

Так, наиболее привлекательными для сохранения постоянных контактов представляются опрошенным молодым людям другие страны, не входящие в ШОС (66,0%). В категорию других стран на начальном этапе работы с данными были отнесены отмеченные респондентами Европы, Африки, Аравийского полуострова Ближнего и Дальнего Востока (Франция, Германия, Австрия, Италия, Литва, Ирак, Индия, Пакистан, Белоруссия, Азербайджан, Армения, Украина, Камбоджа, Кот-Дивуар, Ливия, Монголия, Япония). Поэтому можно предположить, что сохранение контактов с представителями партнерских организаций именно этих стран представляется опрошенным наиболее привлекательным и полезным, нежели чем развитие связей в России и странах ШОС.

Это также подтверждает нашу гипотезу о большей привлекательности западных стран для современной молодежи (которая традиционно высока в силу проевропейской ориентации современной молодежной культуры) и экзотических стран, интересных в силу своей «необычности» культурных, социальных, экономических и иных практик, к которым тянет в силу их малой известности. Можно также

Рисунок 3.5.9 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Как бы Вы оценили свое владение языком страны, в которой Вы участвовали в программе молодежного обмена?» в зависимости от разных характеристик программ обменов, %.

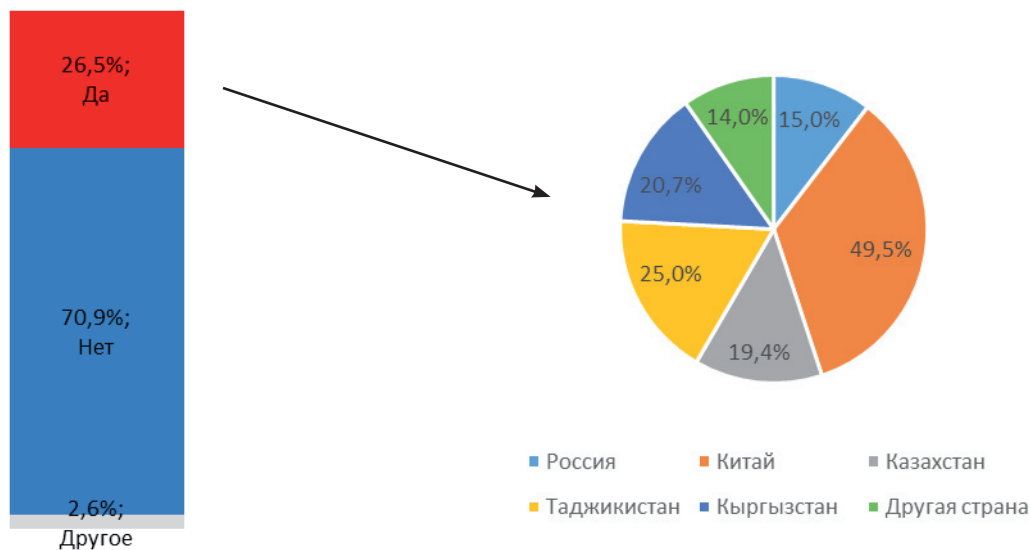

Рисунок 3.5.10 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Проходили ли Вы подготовительные языковые курсы перед программой молодежного обмена?» в общей выборке и в зависимости от страны гражданства участников программ обменов, %.

предположить и то, что представлениях современных молодых людей – участников программ молодежных обменов, эти страны представляются наиболее перспективными с точки зрения построения жизненных траекторий. Отметим и то, что меньше всего желающих сохранить созданные контакты в группе участников программ, проходящих в странах ШОС (не в России) (рисунок 3.5.14).

Участникам программ молодежных обменов было предложено оценить, какие направления сотрудничества из предложенных представляют для них наибольший интерес. На первом месте по итогам анализ множественных выборов опрошенных разместилась альтернатива «доступность и качество образования» (30,7% выборов), на втором месте – «вопросы профессиональной ориентации и трудоустройства» (25,66% выборов), далее респондентами отмечены «социальная проблематика» (22,5%), «историко-культурное направление» (21,2%), «участие молодежи в общественно-политической жизни» (18%), «экологические проблемы» (12,9%), «вопросы спорта и физической культуры» (10%) и, на последнем месте по числу выборов – «организация и работа молодежных тематических лагерей» (9,6%).

В качестве других направлений сотрудничества отмечены (3,8%): бизнес, предпринимательство и мониторинг рынков, необходимость сочетания разных на-

Рисунок 3.5.11 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Проходили ли Вы подготовительные языковые курсы перед программой молодежного обмена?» в зависимости от различных параметров программ обменов, %.

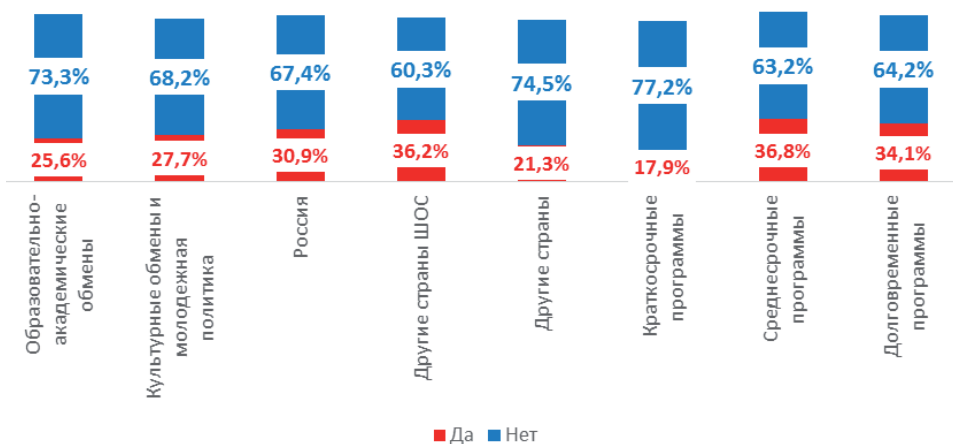

Рисунок 3.5.12 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Намерены ли Вы поддерживать контакты с зарубежными партнерами по завершению программы молодежного обмена?» в общей выборке, %.

правлений сотрудничества, научные и политические проекты, юриспруденция (рисунок 3.5.15).

Отмечая наиболее привлекательные для них направления сотрудничества, молодые участники программ обменов чаще прочих отмечали своим выбором «доступность и качество образования» и «вопросы профессиональной ориентации и трудоустройства», то есть те альтернативы из предложенных, которые теснее прочих связаны с индивидуальным развитием и карьерой опрошенных. Каким же образом интересы молодых людей распределились в подвыборках, сформированных по критерию гражданства опрошенных и типу программ, в которых они принимали участие?

Участники программ из **России** заинтересованы в развитии таких направлений сотрудничества, как: «**доступность и качество образования**» (32,6%)

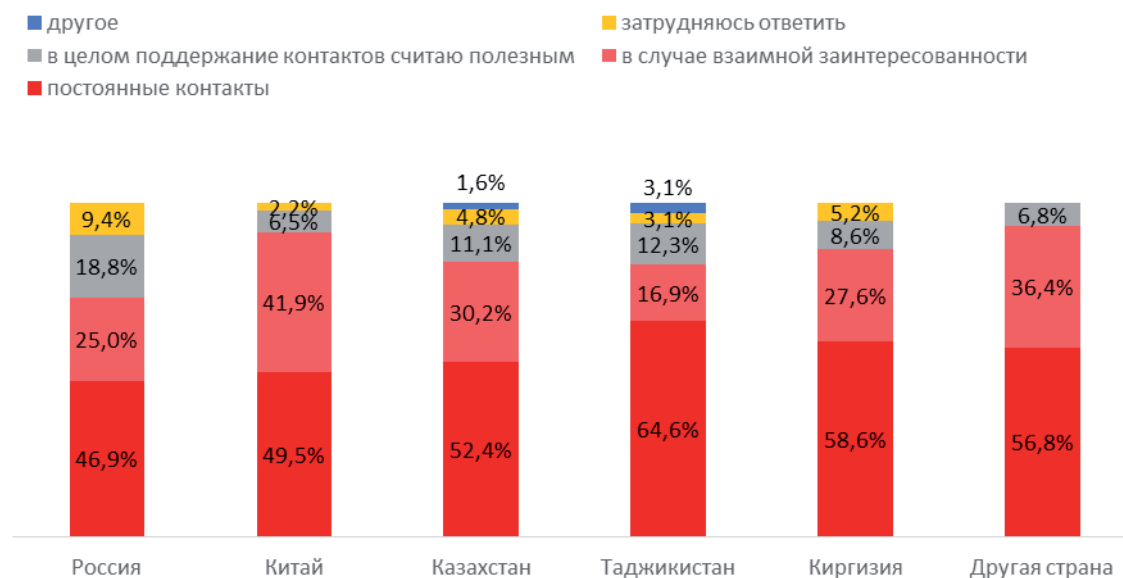

Рисунок 3.5.13– Распределение ответов респондентов на вопрос «Намерены ли Вы поддерживать контакты с зарубежными партнерами по завершению программы молодежного обмена?» в зависимости от страны проживания респондентов, %.

выборов, «социальная проблематика» и «вопросы профессиональной ориентации и трудоустройства» (по 30,5% выборов).

Граждане **Китая** максимально ориентированы на «**историко-культурные вопросы**» (34%), «доступность и качество образования» (24%), «социальная проблематика» (23%).

Жители **Казахстана** – на «**доступность и качество образования**» (37,1%) и «вопросы профессиональной ориентации и трудоустройства» (35,7% выборов).

Жители Таджикистана также предпочитают «**доступность и качество образования**» (35,7%) и «вопросы профессиональной ориентации и трудоустройства» (28,6% выборов).

Участники из Кыргызстана – «**доступность и качество образования**» (34,8%) и «**проблемы экологии, охраны окружающей среды**» (25,8% выборов).

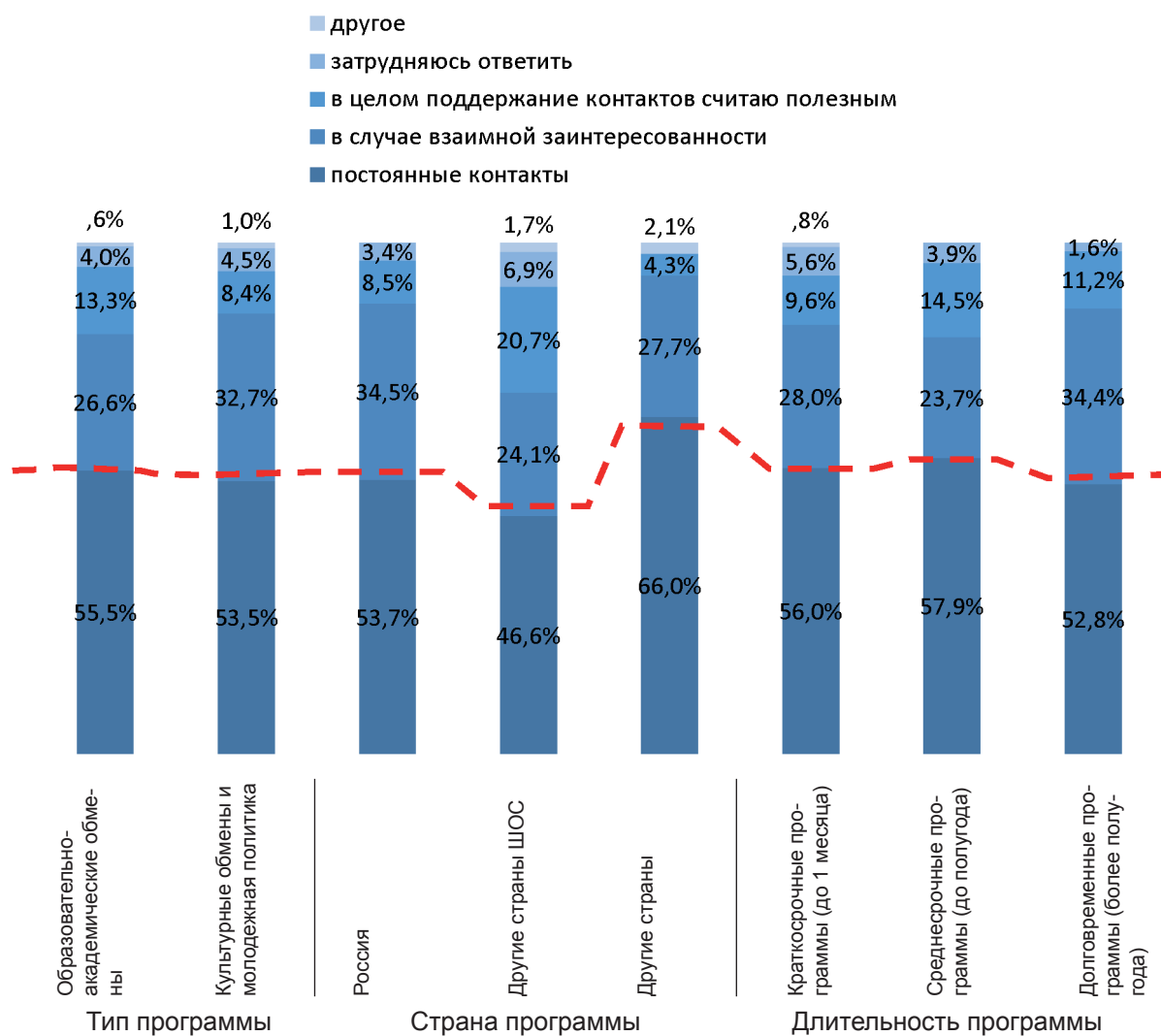

Рисунок 3.5.14 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Намерены ли Вы поддерживать контакты с зарубежными партнерами по завершению программы молодежного обмена?» в зависимости от характеристик программ обмена, %.

Граждане других стран (не ШОС) – «**историко-культурные вопросы**» (29,2%).

Участники как академических/образовательных, так и культурных/политических программ практически в равной мере отмечают своими выборами все предложенные альтернативы, однако первые чаще прочих отмечают «**вопросы спорта и физической культуры**» (в половине случаев, 51,1%), а вторые – «**участие молодежи в общественно-политической жизни**» (70,4% выборов).

Участникам программ, проходящих в России, представляют интерес «**доступность и качество образования**» (47,8%) и «**проблемы экологии, охраны окружающей среды**» (46,6% выборов); из других стран-участниц ШОС – «**организации и работы молодежных тематических лагерей**» (25,6%), других стран, не входящих в ШОС – «**участие молодежи в общественно-политической жизни**» (16%), «**историко-культурные вопросы**» (15,8%) и «**вопросы спорта и физической культуры**» (15,6%),

Молодые люди, посетившие программы краткосрочных обменов, чаще отмечают такое направление сотрудничества, как «**организация и работа молодежных тематических лагерей**» (51,2%), посетившие среднесрочные программы – «**вопросы профессиональной ориентации и трудоустройства**» (20,0%), а долгосрочные программы пребывания – практически в равной мере «**доступность и качество образования**» (34,1% выборов), «**вопросы профессиональной ориентации и трудоустройства**» (31,3%) и «**вопросы спорта и физической культуры**» (31,1%),

Рассмотрим потребность молодых людей в тематике программ, выбравших вариант «другое». При этом рассмотрим только те позиции, где наибольшая доля молодых людей предпочла именно эту альтернативу (выделено зеленым цветом). Так, участники образовательных программ предпочли бы включение в подготовку таких направлений, как «бизнес», а культурных/политических предпочли бы сочетать

Рисунок 3.5.15 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие темы или направления сотрудничества Вас интересуют в наибольшей степени?» в общей выборке, множественные выборы, %.

разнообразные тематические направления, узнать «всего по немного», изучать юриспруденцию, знакомиться с молодежным предпринимательством, изучать политические аспекты и реализовывать научные проекты.

Участники программ, проходящих в России, хотели бы лучше знакомиться с политическими аспектами жизни страны и особенностями молодежного предпринимательства.

Участники краткосрочных программ чаще стремятся к сочетанию тематик, а долгосрочных – к политическому направлению программы (таблица 3.5.1).

Рассуждая о своих планах на будущее, более трети (38,8%) молодых лидеров, участвующих в программах молодежных обменов, отметили, что в ближайшем будущем продолжат обучение в своей стране, а четверть (25,8%) – связывают планы на будущее прежде всего с трудоустройством на родине. Таким образом, большинство современных молодых участников программ молодежных обменов (64,6%) связывают свое будущее со своей страной.

Около четверти опрошенных молодых людей (22,1%) хотели бы продолжить обучение в другой стране. В большинстве случаев – это Российская Федерация, далее, по убыванию упоминаний в открытом ответе: Китай (7 выборов), США, Кипр, Корея, Норвегия, Чехия и Япония.

Среди тех, кто планирует переехать в другую страну на постоянное место жительства (4,5%) – желающие переехать в Российскую Федерацию и лишь один опрошенный, высказавший намерение переселиться в Турцию. 3,0% от всех участников программ обменов выразили желание временно переехать в другую страну с целью работы. Из них один молодой человек переехал бы в Китай, остальные – в Российскую Федерацию (рисунок 3.5.16).

Мнения опрошенных, предпочитающих альтернативу «другое» (5,5%), сконцентрированы вокруг желания остаться там, где будет предоставлена работа, возможности развития молодежных обменов, и желающие просто остаться в России.

Далее в таблице 3.5.2 отражены установки на будущее участников программ молодежных обменов из разных стран, принимавших участие в программах обменов разного типа. Итак, абсолютное большинство респондентов во всех подвыборках связывают свое будущее (как образовательное, так и профессиональное) с родиной, за небольшими исключениями: граждане Казахстана (32,8%) и Кыргызстана (32,8%) чаще прочего выбирали альтернативу, связанную с возможностью обучения в другой стране (χ^2 , $p \leq 0,05$), жители Узбекистана чаще видят свое будущее в связи с работой (38,5%), а не учебой (29,2%) на родине.

Для участников образовательных программ учеба на родине имеет равный вес в планах на будущее с возможностью работать (по 33,7%), для участников культурных/политических программ – более реальна возможность продолжения именно учебы (42,8%).

Для участников программ обменов, которые принимала страна, не входящая в ШОС, оценка перспективы продолжения обучения в своей стране существенно превышает долю возможности продолжения работы (58,7% и 6,5%). Можем предположить, что на культурные обмены чаще соглашаются учащиеся молодые люди, а на образовательные – работающие, поэтому они с большей вероятностью после окончания программ вернутся на свое место работы.

Таблица 3.5.1 – Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие темы или направления сотрудничества Вас интересуют в наибольшей степени?» в зависимости от гражданства и типа программ, в которых принимали участие опрошенные, множественные выборы, %.

	Социальная проблематика	Проблемы экологии, охраны окружающей среды	Историко-культурные вопросы	Доступность и качество образования	Вопросы профессиональной ориентации и трудоустройства	Вопросы спорта и физической культуры	Организация и работа молодежных тематических лагерей	Участие молодежи в общественно-политической жизни	Другое
Россия	30,5%	13,7%	22,1%	32,6%	30,5%	8,4%	14,7%	25,3%	2,1%
Китай	23,0%	13,0%	34,0%	24,0%	19,0%	15,0%	8,0%	18,0%	2,0%
Казахстан	30,0%	10,0%	10,0%	37,1%	35,7%	7,1%	5,7%	15,7%	7,1%
Таджикистан	10,0%	2,9%	14,3%	35,7%	28,6%	8,6%	7,1%	14,3%	2,9%
Кыргызстан	24,2%	25,8%	13,6%	34,8%	22,7%	3,0%	9,1%	21,2%	4,5%
Другая страна	10,4%	12,5%	29,2%	18,8%	14,6%	18,8%	12,5%	8,3%	6,3%
Образовательно-академические обмены	31,7%	34,5%	42,1%	34,8%	45,2%	51,1%	32,6%	28,4%	29,4%
Культурные обмены и молодежная политика	67,3%	58,6%	52,6%	61,6%	51,3%	44,4%	65,1%	70,4%	64,7%
Россия	40,6%	46,6%	43,2%	47,8%	40,9%	44,4%	44,2%	39,5%	58,8%
Другие страны ШОС	16,8%	15,5%	15,8%	10,9%	17,4%	20,0%	25,6%	11,1%	5,9%
Другие страны	11,9%	8,6%	15,8%	11,6%	13,0%	15,6%	7,0%	16,0%	5,9%
Краткосрочные программы	31,7%	34,5%	40,0%	33,3%	26,1%	28,9%	51,2%	42,0%	29,4%
Среднесрочные программы	15,8%	17,2%	18,9%	18,8%	20,0%	13,3%	16,3%	13,6%	17,6%
Долговременные программы	26,7%	27,6%	25,3%	34,1%	31,3%	31,1%	11,6%	23,5%	23,5%

Также отметим и то, что участники долгосрочных программ молодежных обменов более ориентированы на работу, а кратко- и среднесрочных – на продолжение обучения, что объяснимо тем, что после длительного обучения, необходимость в нем отпадает, зато актуализируется потребность применить полученные знания и опыт на практике (таблица).

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – постоянно действующая региональная международная организация, основанная в июне 2001 года лидерами Казахстана, Китая, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана. До этого все страны, за исключением Узбекистана, были участниками «шанхайской пятерки», политического объединения, основанного на «Соглашении об укреплении доверия в военной области в районе границы» (Шанхай, 1996) и «Соглашении о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы» (Москва, 1997).

Эти два документа заложили механизм взаимного доверия в военной области в приграничных районах, способствовали установлению поистине партнёрских отношений. После включения в организацию Узбекистана (2001 г.) «пятерка» стала «шестеркой» и была переименована в ШОС. Кроме того, в настоящее время пять стран - Афганистан, Индия, Иран, Монголия и Пакистан имеют в организации статус наблюдателя, а три - Белоруссия, Турция и Шри-Ланка - партнера по диалогу.

Задачи Шанхайской организации сотрудничества первоначально лежали в сфере взаимных внутрирегиональных действий по пресечению террористических актов, сепаратизма и экстремизма в Средней Азии. В июне 2002 года, на Санкт-Петербургском саммите глав государств ШОС, была подписана Хартия Шанхайской организации сотрудничества (вступила в силу 19 сентября 2003 г.). Это базовый уставный документ, фиксирующий цели и принципы Организации, ее структуру и основные направления деятельности. Кроме того, в 2006 году Организация анонсировала планы борьбы с международной наркомафией как финансовой опорой терроризма в мире, а в 2008-м - активное участие в нормализации обстановки в Афганистане.

Параллельно деятельность ШОС получила и широкую экономическую направленность. В сентябре 2003 года главы правительств стран-членов ШОС подпи-

Рисунок 3.5.16 – Распределение ответов респондентов на вопрос «В ближайшем будущем Вы планируете...?» в общей выборке, %.

Таблица 3.5.2 – Распределение ответов респондентов на вопрос «В ближайшем будущем Вы планируете...?» в зависимости от гражданства и типа программ, в которых принимали участие опрошенные, %.

	Продолжить обучение в своей стране	Устроиться на работу в своей стране	Продолжить обучение в другой стране	Переехать в другую страну временно для работы	Переехать в другую страну на постоянное место жительства	Другое
Россия	64,5%	17,1%	9,2%	3,9%	1,3%	3,9%
Китай	33,7%	34,8%	25,0%	5,4%		1,1%
Казахстан	22,2%	20,6%	31,7%	1,6%	19,0%	3,2%
Таджикистан	29,2%	38,5%	16,9%	3,1%	6,2%	6,2%
Кыргызстан	37,9%	17,2%	32,8%		1,7%	10,3%
Другая страна	44,4%	22,2%	17,8%	2,2%		13,3%
Образовательно-академические обмены	33,7%	33,7%	19,8%	2,9%	5,8%	4,1%
Культурные обмены и молодежная политика	42,8%	20,0%	23,7%	2,8%	3,3%	7,0%
Россия	33,3%	28,8%	24,9%	2,3%	4,5%	6,2%
Другие страны ШОС	40,7%	30,5%	15,3%	6,8%	1,7%	3,4%
Другие страны	58,7%	6,5%	19,6%		6,5%	8,7%
Краткосрочные программы	40,7%	19,5%	22,8%	4,1%	4,1%	8,9%
Среднесрочные программы	52,0%	29,3%	8,0%	2,7%	2,7%	4,0%
Долговременные программы	25,4%	35,7%	27,8%	3,2%	5,6%	2,4%

сали Программу многостороннего торгово-экономического сотрудничества, рассчитанную на 20 лет. В качестве долгосрочной цели предусматривается создание зоны свободной торговли на пространстве ШОС, а в краткосрочной перспективе – активизировать процесс создания благоприятных условий в области торговли и инвестиции.

Сегодня сотрудничество в рамках ШОС охватывает области энергетики, транспорта, сельского хозяйства, телекоммуникаций и многие другие отрасли экономики. Широко взаимодействуют входящие в нее страны и в научно-технической, культурной, образовательной, туристической, гуманитарной сферах.

В отношениях внутри Организации государства-члены ШОС исходят из идеи «шанхайского духа», придерживаются принципов консенсуса, взаимного доверия, взаимовыгоды, равенства, уважения к многообразию культур, стремления к совмест-

Таблица 3.5.3 – Распределение ответов респондентов на вопрос «В чем полезность программ молодежного обмена для развития сотрудничества между странами участницами ШОС?» в зависимости от гражданства и типа программ, в которых принимали участие опрошенные, множественные выборы, %.

	Создаются новые совместные проекты	Развиваются международные связи	Развиваются связи между профессионалами разных стран	Устанавливаются личные контакты	Улучшается знание иностранного языка	Привлекаются зарубежные финансы	Повышается активность и самостоятельность молодежи	Развивается академическая (образовательная) мобильность	Другое
Россия	54,7%	60,0%	31,6%	33,7%	27,4%	7,4%	29,5%	26,3%	1,1%
Китай	31,0%	45,0%	29,0%	23,0%	60,0%	12,0%	42,0%	20,0%	0,0%
Казахстан	42,9%	64,3%	31,4%	30,0%	38,6%	12,9%	32,9%	22,9%	2,9%
Таджикистан	31,4%	50,0%	31,4%	14,3%	18,6%	4,3%	12,9%	12,9%	1,4%
Кыргызстан	48,5%	63,6%	27,3%	21,2%	27,3%	12,1%	40,9%	22,7%	1,5%
Другая страна	25,0%	56,3%	16,7%	37,5%	43,8%	8,3%	14,6%	18,8%	2,1%
Образовательно-академические обмены	31,9%	51,4%	28,1%	19,5%	39,5%	8,6%	21,6%	14,6%	1,1%
Культурные обмены и молодежная политика	45,2%	60,5%	29,8%	31,0%	34,7%	10,5%	37,1%	26,2%	1,6%
Россия	38,6%	53,8%	28,8%	25,5%	44,0%	8,2%	34,2%	22,3%	,5%
Другие страны ШОС	47,5%	55,7%	32,8%	29,5%	39,3%	9,8%	36,1%	23,0%	1,6%
Другие страны	49,0%	87,8%	16,3%	28,6%	44,9%	10,2%	30,6%	22,4%	0,0%
Краткосрочные программы	56,9%	59,2%	39,2%	33,1%	36,2%	7,7%	32,3%	24,6%	1,5%
Среднесрочные программы	43,4%	48,7%	21,1%	36,8%	35,5%	9,2%	22,4%	23,7%	0,0%
Долговременные программы	25,6%	62,8%	29,5%	16,3%	49,6%	8,5%	37,2%	17,8%	0,0%

ному развитию. Во внешних сношениях ШОС исходит из принципов открытости, непринадлежности к блокам, ненаправленности против третьих стран⁵.

В целях оценки эффективности программ молодежных обменов для развития сотрудничества между странами-участницами ШОС, респондентам были предложены для оценивания следующие показатели: «создаются новые совместные проекты», «развиваются международные связи», «развиваются связи между профессионалами разных стран», «устанавливаются личные контакты», «улучшается знание иностранного языка», «привлекаются зарубежные финансы». «повышается ак-

5 <http://www.infoshos.ru/ru/?id=51>. «Что такое ШОС?». Дата обращения 27.10.2015.

Рисунок 3.5.17 – Распределение ответов респондентов на вопрос «В чем полезность программ молодежного обмена для развития сотрудничества между странами участницами ШОС?» в общей выборке, множественные выборы, %.

тивность и самостоятельность молодежи», «развивается академическая (образовательная) мобильность».

Больше половины опрошенных отметили своими выборами такую роль программ обменов, как развитие международного сотрудничества (55,9%), далее, со значительным отрывом, отмечено «создание новых проектов» (39,9% выборов) и повышение уровня владения иностранным языком (36,7%). На третьей позиции по числу выборов опрошенных молодых людей – эффект программ, заключающийся в повышении активности и самостоятельности молодежи (30,3%) и развитии связей между профессионалами разных стран (28,7%). Далее 26,3% выборов отмечено формирование личных контактов в зарубежных странах. На следующей позиции – признание факта развития академической мобильности между странами ШОС (20,9%) и, отмеченная лишь 9,6% выборов возможность привлечения зарубежных финансов (рисунок 3.5.17).

Один опрошенный, выбравший вариант ответа «другое», указал на то, что в результате обменов развиваются все направления сотрудничества между странами ШОС.

Рассмотрение эффективности программ молодежных обменов в зависимости от страны гражданства и разных типов программ, в которых принимает участие современная молодежь, позволяет сделать нам следующие выводы.

При абсолютном признании роли молодежных обменов в формировании международных связей между странами-участниками ШОС, для граждан России и Казахстана очевидна роль таких программ в создании новых совместных проектов (54,7% и 42,9% выборов, соответственно). А вот для граждан Китая на первых позициях – развитие возможностей знания иностранного языка (60,0%) и повышении активности и самостоятельности молодежи (42,0%).

Для участников программ культурных/политических обменов более очевидно такое преимущество, как создание новых совместных проектов (45,2%), для приезжающих по обмену в Россию – изучение языка (44,0%), а для тех, кто приезжает в рамках долгосрочных программ по обмену молодежью – не так существенная роль программы в создании совместных проектов и реализации общих идей (25,6%).

Система мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами Шанхайской организации сотрудничества

В современном мире международное сотрудничество является основой для обеспечения устойчивого экономического роста и развития, преодоления дисбалансов и дефицитов, повышения качества жизни, обновления технологий и знаний, защиты окружающей среды, осуществления других целей развития тысячелетия. Многие государства объединяются в поисках коллективных решений и механизмов, направленных на преодоление общих проблем и достижение общих задач в рамках формальных и неформальных институтов на региональном и глобальном уровнях. Международные механизмы сотрудничества создают условия для совместного анализа опыта, выявления наилучших вариантов решений и лучших практик деятельности в различных сферах политики, координации действий. Причем, ценность такого взаимодействия безусловна как для высокой политики, так и для конкретных отраслей деятельности, как для правительственных структур, так и неправительственных организаций.

Важной характеристикой межгосударственных отношений в XXI веке становится содействие международным контактам различных категорий населения, прежде всего молодежи, специалистов в гуманитарной и иных сферах человеческой деятельности. Миллионы человек ежегодно выезжают в различные страны мира по программам молодежного и академического обмена, на научные стажировки, конференции, семинары, учебу. Это способствует не только развитию культурных и экономических связей между государствами, но и общему научно-техническому прогрессу человечества, повышению уровня мировой цивилизации.

В настоящее время интеграция России в международное сообщество, в том числе в международное образовательное пространство, очевидна: наша страна активно вовлекается в процессы глобализации образования и науки, расширяются ее международные гуманитарные контакты, чему способствуют преобразования, совершившиеся в российском обществе в последнее десятилетие. Россия становится все более открытой для внешних контактов и связей не только на уровне государственных ведомств и учреждений, но и для рядовых граждан, в том числе школьников, студентов, молодых специалистов (Арефьев, 2008).

Образование является барометром конкурентоспособности страны в глобальном пространстве, сферой объединения усилий государств и профессиональных сообществ. Различные страны совместно работают над выработкой наиболее эффективных политик и координируют усилия в этой сфере в рамках профильных структур, таких как Организация экономического сотрудничества и развития, Организация Объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры, Шан-

хайская организация сотрудничества, другие региональные организации и интеграционные объединения.

В условиях глобальной интернационализации образования, активизации процессов интегрирования в образовательной и научных сферах международная деятельность приобретает особое значение для большинства вузов России (Императивы..., 2013). В качестве одного из критериев оценки эффективности деятельности высших учебных заведений Министерство образования и науки РФ утвердило достижение ключевых показателей научно-исследовательской и международной деятельности, в частности, количество научно-педагогических работников, получивших международные гранты, объем средств НИОКР, полученных в результате выполнения работ по международным и зарубежным грантам и договорам с организациями-нерезидентами. Вместе с тем, международная деятельность высших учебных заведений становится еще и способом выстраивания новых дипломатических и межкультурных отношений, создания коммуникативных и инновационных площадок, содействующих помимо обмена опытом и производства профессиональных и научных кадров, формированию позитивного имиджа региона и страны в целом.

Современные исследователи, в частности Дж. Найт, разграничивают понятия «глобализация» и «интернационализация». Первое, как правило, обозначает свободное распространение во всем мире идей, концепций, ресурсов (в том числе человеческих), культур, ценностей, товаров, услуг и технологий. Второе – построение взаимоотношений между странами, людьми, культурами, институтами и системами (Knight, 2004).

Молодежные обмены, будучи одной из важнейших технологий, направленных на распространение ценностей, языка и культуры страны, представляющих основу политики «мягкой силы», играют важную роль в международных отношениях, влияя напрямую, или косвенно, на мировую политику и деловые связи. Для России обменные программы, в том числе программы академической мобильности, межкультурной коммуникации, в области молодежной политики и международного молодежного сотрудничества являются также ключевым средством интеграции в мировые образовательное и научное пространства, глобальные сетевые молодежные движения, способом наращивания лидерского и инновационного потенциала молодежи.

Участие в программах молодежных обменов облегчает встречи молодых людей из разных стран и сред, дает им уникальную возможность узнать друг друга, **дискутировать и сопоставлять различные мнения, строя атмосферу понимания и уважения для других культур и национальных отличий, используя методы неформального обучения.** Молодежные обмены позволяют участникам всех сторон достичь синергетического эффекта в реализации проектов и задач, невозможного без совместного сотрудничества и обмена мнениями. В этой связи принципиально важно, чтобы программы обмена давали реальные знания, умения и навыки и положительные эмоции, в противном случае, эффект от участия может быть противоположный планируемому и способен нанести серьезный ущерб репутации и имиджу организации и стране, которая является организатором программы.

В российской высшей школе большее интеграционное движение отмечается в европейском направлении. Вместе с тем, и европейский, и относительно новый азиатский вектор интеграции российской системы высшего образования требует необходимости обеспечения высокого качества, отвечающего самым современным и актуальным стандартам международного признания.

Важным условием успешного движения в направлении развития международного сотрудничества и межгосударственных отношений, интеграции в мировые образовательное и научное пространства, глобальные сетевые молодежные движения становится уровень образования и креативности молодежи, развитие ее лидерского и инновационного потенциала, получаемые конкурентные преимущества по сравнению с другими специалистами, чему способствует расширение международной молодежной мобильности и межкультурной коммуникации.

Все вышеперечисленное актуализирует необходимость научно-обоснованной системы мониторинга показателей развития международных молодежных обменов. Активное развитие азиатского вектора интеграции российской системы высшего образования, расширение всестороннего и взаимовыгодного сотрудничества России с высшими учебными заведениями и другими учреждениями Китая, Казахстана, Монголии, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Индии, Южной Кореи и др., председательство Российской Федерации в ШОС в 2014-2015 годах требует необходимости разработки и внедрения данной научно-обоснованной системы мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС.

Для обеспечения обоснованности принимаемых решений система управления международным сотрудничеством в целом и международными молодежными обменами в частности нуждается в объективной картине состояния управляемых процессов и их трансформации. Это становится возможным при организации постоянного потока соответствующей сопоставимой во времени информации о процессах и самой системе. Создание информационных условий для формирования целостного представления о состоянии системы управления международным сотрудничеством, системы управления международными молодежными обменами, о качественных и количественных изменениях в них составляет основную цель мониторинга развития данной системы. Благодаря выполнению цели и задач, мониторинг показателей развития молодежных обменов является универсальным по своим исследовательским и практическим возможностям механизмом влияния и коррекции деятельности субъектов управления системой.

Принципы создания научно-обоснованной системы мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах

Развертывание научно-обоснованной системы мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах является необходимым условием получения обоснованных представлений об особенностях развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС, академической мобильности и межкультурной коммуникации молодежи, лидерского и инновационного потенциала молоде-

жи, получаемых конкурентных преимуществах, эффективности системы управления международными молодежными обменами.

Скоординированная комплексная и последовательная система мониторинга имеет ряд достоинств, способствует более эффективному использованию информации и ресурсов. В частности, эффективная комплексная научно-обоснованная система мониторинга практически исключает дублирование работы различными структурами, что крайне важно при функционировании в условиях ограниченности ресурсов. Руководителям проектов и программ молодежных обменов, исследователям нет необходимости повторять базисные или оценочные исследования: они могут легко использовать уже имеющуюся информацию.

Эффективная единая система мониторинга является гарантией того, что:

1. релевантная, своевременная и точная информация будет доступна лидерам и менеджерам программ на всех уровнях системы управления молодежными обменами; всем субъектам социального взаимодействия в организации молодежных обменов между странами-участницами ШОС;

2. отобранная качественная информация будет передана ключевым фигурам, принимающим решения на межгосударственном, общероссийском, региональном, местном уровнях и на уровне организации по формированию, осуществлению и развитию молодежных обменов между странами-участницами ШОС, повышению лидерского и инновационного потенциала молодежи;

3. полученная информация будет использована для оценки эффективности мер, направленных на укрепление взаимодействия между образовательными организациями ШОС, прогноз дальнейшего развития и совершенствования социального механизма формирования молодежных обменов между странами-участницами ШОС, прогнозирование потенциала создания молодежной организации стран ШОС.

Разработка научно-обоснованной системы мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС требует определения концептуальных основ понятия «мониторинг». В научной литературе последних десятилетий можно встретить большое разнообразие дефиниций мониторинга, нередко имеющих существенные различия. Объясняется это широким применением термина «мониторинг» в различных научных дисциплинах естественно-научного и социально-гуманитарного профиля. Помимо этого, большую роль играет одновременная принадлежность мониторинга научно-исследовательской и практико-прикладной сфере. Это существенным образом сказывается на определении сущности понятия «мониторинг».

Теоретические основы мониторинга

Ряд работ, затрагивающих теоретические аспекты мониторинговых исследований, поднимает вопрос о генезисе самого понятия «мониторинг» и о специфике его использования в различных сферах человеческой деятельности (Баринов, 2011; Жужгов, 2005; Шишкин, 2003; Шиндеровская, 2009). В этих работах наиболее распространенными вариантами зарождения термина «мониторинг» являются такие научные направления, как информатика, техника, экология, почвоведение.

Несмотря на научные дискуссии вокруг дефиниций мониторинга и его генезиса, многие авторы склоняются к тому, что значительно раньше мониторинг начал применяться в естественных науках как контроль в технологических процессах, в экологических исследованиях. Объектами мониторинга могут быть и природные явления, например, метеорологический мониторинг или состояние популяций животных, растений и многое другое.

С середины 80-х годов термин «мониторинг» стал входить в социальную практику и ее изучение, обозначая систему отслеживания социальных процессов с целью своевременного предупреждения нежелательных событий. В работах авторов понятие «социальный мониторинг» утвердилось как систематическое отслеживание, изучение состояния социальных явлений и процессов, сопоставление результатов наблюдений, с целью получения представления об их состоянии и тенденциях развития.

Сам термин «мониторинг» происходит от латинского корня *«monitor»* – напоминающий, предупреждающий, надзирающий, и соответствующего английского слова – *«monitoring»*, означающего наблюдение, отслеживание, осуществление контроля. На сегодняшний день можно выделить очень большое количество определений понятия «мониторинг». Всевозможные энциклопедии и словари демонстрируют наличие нескольких десятков дефиниций, как в общенаучных, так и в узкоспециализированных изданиях (Мониторинг..., 2015).

В конечном счете, понятие «мониторинг» приобрело широкий, общий смысл, обозначая систему сбора информации, регулярного наблюдения, оценки и прогноза, «специально организованное систематическое наблюдение за состоянием каких-либо объектов» (Овсянников, 2000), систему наблюдения и контроля над любыми процессами, вызывающими исследовательский интерес или включенный в систему регулирования, управления системами.

Кривобоков И.А. характеризует мониторинг «как специально организованный, непрерывный процесс поиска, группировки и комплексной обработки индикаторов с целью оперативной оценки и прогнозирования возможных состояний социально-экономической системы и ее уровней, выработки корректирующих-упреждающих мер управленческого воздействия» (Кривобоков, 1994).

Ученые, занимающиеся проблемами социального управления (Спириденков, 2002; Бородкин, 1993; Заславская, 2003), рассматривают социальный мониторинг как способ познавательной и предметно-практической деятельности, обеспечивающей в сочетании с другими методами комплексную оперативную и адекватную оценку социальных ситуаций, позволяющую осуществлять эффективное прогнозирование и выработку оптимальных управленческих решений.

Некоторыми учеными мониторинг рассматривается в качестве важнейшего средства обеспечения эффективного функционирования процедуры научного прогнозирования (Бестужев-Лада, 1993). Иногда мониторинг определяют в качестве эквивалента организационной диагностики (Баринов, 2011).

Из приведенных определений, очевидно, выделяется наиболее общее представление о мониторинге как виде деятельности по сбору и использованию информации. Можно согласиться, что мониторинг – это система периодического наблюдения за теми или иными объектами, сбора информации об их состоянии, осуществляемого с заданной периодичностью, цикличностью. При этом производится со-

поставление результатов наблюдений, произведенных на разных временных рубежах их проведения. В связи с этим важно, что при всех периодически повторяющихся наблюдениях используется одна и та же в основе своей система базовых индикаторов. Накопление периодически собираемой информации проводится с целью оценки меняющихся состояний объектов наблюдения, выявления тенденций, циклов их развития, прогнозирования будущих состояний. Важная цель мониторинга в управленческих системах – предупреждение, преодоление или минимизация нежелательных тенденций и последствий развития процессов.

Мониторинг рассматривают как эффективный метод информационного обеспечения управленческой деятельности особенно тогда, когда эта деятельность не ограничивается единичным актом, а является более или менее продолжительной, цикличной. Мониторинговое сопровождение становится особенно важным в процессах, которые опасны отклонениями, например авариями. В таком случае диагностика состояния управляемого объекта представляет собой получение информации о состоянии управляемого объекта от начальной до завершающей фазы. Вслед за этим длительно продолжающаяся управленческая деятельность требует все время отслеживать изменения, происходящие с объектом управления. Это и может обеспечить мониторинг.

Исходя из отмеченного выше, мониторинг является основой для принятия управленческих решений, однако большинство исследователей согласны с тем, что вопросы его практического применения до настоящего времени остаются малоизученными (Шиндеровская, 2011).

По своему содержанию виды мониторинга явлений и процессов различаются в зависимости от природы объектов изучения, от того, к какой сфере относятся эти объекты.

Овсянников А.А. в «Социальной энциклопедии» дает определение мониторинга социальной среды: «Система измерения, накопления и анализа данных об изменениях, происходящих в социальных системах. При этом оцениваются изменения масштабов, направлений и объемов трансформаций социальной системы. Масштабы происходящих в системах изменений могут носить глобальный, общесистемный характер или касаться локальных социальных институтов, общностей, организаций, регионов. Направления трансформаций могут быть восходящими или нисходящими (например, социальная мобильность), реставрационными (ход реформы или ее периоды), изоляционными или открытыми (процесс международного взаимодействия и т.д.). Темпы трансформаций могут быть стремительными, революционными или стагнирующими, вялотекущими» (Овсянников, 2000).

В целом, понятие мониторинга стало общепризнанным как в науке, так и в других областях общественной практики. Речь идет о постоянном наблюдении за каким-либо процессом с целью выявления его соответствия желаемому результату. Иначе говоря, если диагностика ситуации осуществляется систематически с определенной заданной периодичностью и с использованием одной и той же (во всяком случае, базовой) системы индикаторов, мы имеем дело с мониторингом (Овсянников, 2000).

По мнению Е.В. Гонюковой, «наибольшее развитие теория и практика использования мониторинга получили в экологии и социологии» (Гонюкова, 2014).

Все большую популярность мониторинг приобретает в анализе общественных явлений и процессов. Такой мониторинг, в какой бы сфере общественной жизни он ни использовался, называют социальным или социологическим.

Термин «социальный» обозначает то, что объектами социального мониторинга выступают социальные институты, социальные группы и организации, взаимосвязи и взаимодействия таких социальных образований и их динамика, а также индивиды как представители социальных групп и организаций.

Когда же речь идет о социологическом мониторинге, то акцентируется внимание главным образом как на его методологии и методологических принципах, так и на использовании социологических методов сбора и анализа социальной информации. Принципиально важным является отличие этой информации от информации технических систем или природных процессов по способам получения и интерпретации социальной информации, а это достижимо лишь на основе той или иной добротной социологической теории определенной сферы жизни.

Социологическим можно назвать мониторинг, использующий специфические для эмпирической социологии методы сбора, обработки, анализа и использования информации, например опрос. При этом объектом социологического мониторинга (т.е. осуществляемого с использованием социологического инструментария) могут быть не только объекты социальной сферы, но и политические, экономические, эпидемиологические и другие явления.

Таким образом, во-первых, мониторинг это систематическое отслеживание данных. Во-вторых, при проведении мониторинга могут быть использованы не только социологические методы сбора информации. Однако заметим, если эта информация носит социальный характер, то, безусловно, она нуждается в методологической и теоретической рефлексии с позиций социологии. Поскольку целостная и достаточно глубокая интерпретация тех или иных процессов может быть достигнута на сравнительных, регулярно фиксируемых данных, полученных в относительно значимом временном интервале.

Обратим внимание на то, что социологический мониторинг позволяет использовать методы, с помощью которых фиксируются не только происходящие события, но и то, как они воспринимаются людьми. В свою очередь, это дает возможность разносторонней оценки событий. В то же время служит важным фактором прогнозирования поведения людей в тех или иных ситуациях, в последующих событиях.

Завершая рассмотрение классификации видов мониторинга, следует отметить, что наряду с предметным различием можно различать их по территориальному признаку: общегосударственный, региональный, муниципальный уровни проведения мониторинга (Бородкин, 1993; Социологический..., 1994).

Рассматривая теоретические основы мониторинга в контексте социальных проектов и программ нельзя не затронуть понятие «оценка». Если коснуться функционального определения мониторинга и оценки, то можно отметить, что мониторинг (на основе анализа отмеченных выше трактовок) – это регулярный сбор определенных данных об определенной деятельности в течение всего периода осуществления этой деятельности в целях сравнения фактической деятельности с запланированной и внесения в фактическую деятельность своевременных изменений – сравнение плана с фактом. Тогда оценка – это определение ценности (пользы) де-

тельности. Функциональная связь между мониторингом и оценкой заключается в том, что мониторинг составляет информационный базис оценки. Если неизвестно, как был выполнен план, трудно судить о его правильности по фактически достигнутой ситуации. Регулярно проводимая оценка становится мониторингом (Мониторинг..., 2013).

Под «оценкой» или «оцениванием» в данном случае понимается аналитическая процедура, которая может проводиться на всех стадиях жизненного цикла программы или проекта и может быть направлена на вынесение суждения о возможной или фактической эффективности, устойчивости и адекватности проекта или программы, а также об эффективности использования средств и воздействий программы или проекта.

Оценка программы – это систематический сбор информации о деятельности в рамках программы, ее характеристиках и результатах, который проводится для того, чтобы вынести суждение о программе, повысить эффективность программы и/или разработать планы на будущее. Оценка, ориентированная на практическое использование (в отличие от оценки вообще), проводится с заранее определенными целями по широкому кругу вопросов, связанных с программой, для заранее определенных пользователей с ясным пониманием того, каким образом они будут использовать результаты оценки (Patton, 1997). Особенность этого определения в том, что оценка рассматривается как процесс, ориентированный на практическое использование его результатов. Важно иметь в виду, что в зависимости от цели оценка может быть формирующей (по ее результатам можно повлиять на ход программы) или итоговой, суммирующей (по ее результатам можно извлечь уроки на будущее, но изменить что-либо в программе уже нельзя) (Кузьмин, 2003).

Как отмечает Кузьмин А., основное предназначение мониторинга и оценки – давать информацию для принятия управленческих решений. Информация должна быть достаточной, своевременной, надежной, достоверной. По его мнению, сущность мониторинга и оценки одна и та же – отслеживание хода и результатов программы и выдача информации для лиц, принимающих решения. Отличия между мониторингом и оценкой можно сформулировать следующим образом: мониторинг – это рутинное, повседневное отслеживание ситуации, сравнение текущего положения дел с планом (мониторинг отвечает на вопрос «Как идут дела?»); оценка предполагает более глубокий по сравнению с мониторингом анализ происходящего (оценка отвечает на вопрос «Почему?») (Кузьмин, 2003).

В рамках проекта «Исследование перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах» были операционализированы понятия мониторинга и оценки показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС: **мониторингом** называется регулярное отслеживание ключевых элементов деятельности в сфере молодежных обменов либо эффективности обменной программы/проекта (затрат и промежуточных результатов) с целью выявления проблем и перспектив посредством регистрации данных и систем отчетности. Последующая интерпретация данных из различных источников является ключевым компонентом системы мониторинга.

Мониторинг показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС помогает руководителям регионального, российского и межго-

сударственного уровня определить, какие области требуют больших усилий, и сигнализирует о вопросах, которые могут способствовать улучшению реагирования. В хорошо построенных системах мониторинга и оценки мониторинг значительно содействует оценке. **Оценка** представляет собой совокупность видов деятельности, разработанную для того, чтобы выяснить эффективность, устойчивость и адекватность проекта или программы молодежной мобильности, оценить конечный результат программы или проекта по развитию международной молодежной мобильности и, в конечном счете, повысить эффективность программы и/или разработать планы на будущее. С помощью оценки становится возможным увязать краткосрочный или долгосрочный результат непосредственно с конкретным мероприятием по истечении определенного периода времени после начала осуществления определенной программы. Оценка помогает руководителям программ или проектов определить ценность или целесообразность конкретной программы или проекта.

Индикаторы, выбранные для мониторинга и оценки, могут отличаться в зависимости от уровня отчетности. Очень важно выбрать ограниченное число индикаторов, которые будут действительно способствовать получению обоснованных представлений о текущем состоянии молодежных обменов между странами ШОС, тенденциях их развития.

Систематический научно-обоснованный мониторинг показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС будет служить основой как для моделирования лидерского и инновационного потенциала молодежи, ее активности и мобильности, так и для планирования государственных программ и иных механизмов развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС.

Особо стоит коснуться вопроса определения понятий «система мониторинга» и «структура мониторинга». Так, под **системой мониторинга** специалистами понимается совокупность элементов, взаимодействие которых обеспечивает осуществление мониторинговых процедур. Такими элементами, составляющими **структуру мониторинговой системы**, являются:

- субъекты мониторинга;
- комплекс мониторинговых показателей;
- инструментарий и инструменты мониторинговой деятельности;
- мониторинговая деятельность (Боровкова, 2004).

Объектом мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах выступает система молодежных обменов между странами ШОС, на которую направлены конкретные мониторинговые процедуры.

Предметом мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС выступают некоторые параметры, характеризующие текущее состояние данной системы молодежных обменов между странами ШОС в определенные периоды времени, а также конкретные изменения в рамках этой системы, в том числе:

- участие в международных молодежных обменах;
- миграционные намерения и мотивация молодежной мобильности;
- готовность повышать лидерский и инновационный потенциал;
- условия реализации обменных программ;

- оценка эффективности программ молодежных обменов;
- планирование обучения в будущем;
- самооценка степени личной активности и удовлетворенности;
- языковая подготовка.

Это означает, что важным является не только анализ отдельных количественных и качественных показателей измерения состояний молодежных обменов в странах ШОС через определенные промежутки времени, но и сама динамика, выявляемая в итоге сравнения происходящих изменений.

Субъектами мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС являются носители мониторинговых функций в данной системе. Субъектов мониторинга можно условно подразделить на две большие группы:

- субъекты, предоставляющие информацию;
- субъекты, собирающие и обрабатывающие информацию.

Например, главным субъектом применительно к российской системе молодежных обменов выступает государственный орган управления этой системой – Россотрудничество. Помимо государственных органов управления субъектами являются образовательные учреждения, неправительственные общественные организации, государственные и негосударственные фонды и др. В той степени, в какой государственный орган управления или другой субъект, предоставляющий информацию, привлекает к выполнению непосредственно мониторинговых функций конкретные организации и специалистов, они включаются в структуру субъектов мониторинга. Наиболее существенную роль здесь могут играть, помимо подразделений государственного органа управления молодежными обменами, независимые научно-исследовательские учреждения (академические, вузовские), подразделения и специалисты региональных и муниципальных органов управления, в функциональные обязанности которых входит обеспечение проведения мониторинговых процедур в территориях или предоставление информации, аналитические, социологические, маркетинговые службы, менеджеры в сфере образования в учебных заведениях и др.

Перечисленные подразделения и специалисты должны действовать как самостоятельные элементы мониторинговой системы. Вместе с тем единство и плодотворность их действий зависят от наличия организующего «ядра» - специальной мониторинговой службы (отдела) в государственном органе управления молодежными обменами, непосредственно осуществляющей координацию организационно-методического и программно-технического обеспечения всех процедур мониторинга (Боровкова, 2004).

Цель мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС – систематическое отслеживание, выявление текущего состояния развития молодежных обменов между странами ШОС, сопоставление результатов постоянных наблюдений для получения обоснованных представлений об особенностях молодежного потенциала и поведенческих стратегиях участников обменных программ, о характере и тенденциях их развития, об эффективности программ молодежных обменов. Реализация данной цели мониторинга позволит предложить обоснованную систему мер по совершенствованию механизма развития международной молодежной мобильности между странами-участницами ШОС.

Создание системы мониторинга предполагает решение нескольких организационных (включая организационно-правовые) и научно-методических задач.

В научно-методическом плане организация мониторинга, в том числе и социологического, начинается с выработки его концепции. Главное место в этой работе занимает четкое определение его цели и предметного содержания. За какими явлениями, системами и процессами предполагается проводить наблюдение и какие задачи будут решаться с помощью полученной информации? На основе концепции, определяющей главные характеристики организуемого мониторинга, вырабатывается программа его построения и последующего функционирования.

В основном разработка программы мониторинга ведется в соответствии с методическими положениями, которые обычно используются при проведении социологических исследований.

В программе мониторинга наряду с постановкой целей и изложением основных положений концепции раскрывается система организации и техника сбора информации. Она предполагает обоснование выборки объектов наблюдения и методики его проведения (с помощью каких технических средств, какие определены индикаторы и показатели).

Определяется, как будет обрабатываться эта информация, и в каком виде будет предоставляться пользователям.

Задачи по реализации и построению научно-обоснованной системы мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах:

- Выделить структуру ведущих целевых групп в сфере молодежных обменов, построить классификационные модели получаемой информации из этих групп.
- Разработать методику сбора и анализа информации по различным видам поведенческих стратегий участников программ молодежных обменов применительно к особенностям их молодежного потенциала в зависимости от страны-участницы ШОС.
- Создать организационную инфраструктуру мониторинга, обеспечивающую кооперацию, координацию действий с органами, заинтересованными и ответственными в области управления молодежными обменами и контроля ситуации.
- Осуществлять мониторинг на основе разработанных моделей анализа ситуаций.
- Разрабатывать проекты-рекомендации по социальной оценке эффективности программ молодежных обменов и совершенствованию механизма развития международной молодежной мобильности между странами-участницами ШОС.

Функции и виды мониторинга и оценки

В научной литературе выделяется ряд функций мониторинга и оценки в управлении системами и процессами (Спириденков, 2002):

определение состояния объекта по заданным параметрам во временных интервалах, и выявление на этой основе динамики и направленности его развития;

выявление причинно-следственных связей, зависимостей между наблюдаемыми явлениями и возникающих в ходе их развития дисфункций, противоречий;

прогнозирование развития исследуемых процессов на основе данных мониторинга;

информационное обеспечение постановки управленческих задач, программ, проектов;

систематический контроль за ходом процессов с их коррекцией в желательном для управляющей системы направлении развития.

Цели, задачи и методологии, используемые при мониторинге и оценке, являются различными. Наиболее часто оценки являются более трудоемкими, учитывая необходимую методологическую строгость, иначе могут быть сделаны неправильные выводы о ценности программы или проекта. Они также являются более дорогостоящими, особенно оценки конечных результатов и воздействий, которые требуют обследования населения.

Сроки для конкретного вида оценки зависят от состояния осуществления программы или проекта. Существуют четыре вида оценок программы или проекта (Методологическое ..., 2004):

- формирующая оценка,
- оценка процесса,
- оценка конечного результата,
- оценка воздействия.

Формирующая оценка проводится на стадии планирования программы и оказания помощи для выявления и решения проблем, связанных с осуществлением и оценкой, до широкого осуществления программы. Формирующая оценка выявляет динамику процесса, помогает определить эффективные мероприятия и реалистичные цели.

Оценка процесса предполагает оценку содержания программы или проекта, масштабы или охват, а также качество осуществления. Если в ходе оценки процесса будет обнаружено, что программа/проект не осуществляется или не достигает своей целевой аудитории, то нет смысла делать оценку конечного результата. Однако если оценка процесса показывает прогресс в осуществлении программы/проекта в соответствии с планом, то целесообразно провести такую оценку.

Оценка конечного результата специально предназначена для получения возможности связать изменения с самим мероприятием. По крайней мере, структура оценки должна дать возможность наиболее вероятным образом увязать наблюдаемые результаты с четко определенной программой или проектом и продемонстрировать, что изменения не являются результатом воздействия не связанных с проектом или программой факторов.

Если оценка показывает изменения в конечных результатах, то настало время для проведения **оценки воздействия**. Действительная оценка воздействия, способная соотнести долгосрочные изменения с конкретной программой или проектом, является очень редкой и довольно дорогостоящей. Обычно для указания общего воздействия считается достаточным, скорее, рассмотрение показателей мониторинга воздействия совместно с оценками процесса и конечного результата.

Основные подходы к организации научно-обоснованной системы мониторинга

Мониторинг представляет собой довольно сложную во многих отношениях систему, в которой можно выделить, по крайней мере, три структурных составляющих: **организационная**: предполагает наличие определенной структуры (организации), которая имеет в своем составе штат сотрудников и использует внештатных работников; **научно-методическая**: программно-концептуальное обеспечение мониторинга, совокупность необходимых для этой работы документов; **организационно-техническая**: связанные между собой технические средства получения, обработки и выдачи информации (Спириденков, 2002).

Найденова Р.И. называет следующие основные *принципы организации мониторинга* (Найденова, 2009):

- целенаправленность – вся система рационального мониторинга должна быть ориентирована на решение конкретных управленческих задач;
- системный подход – рассмотрение страны/региона/организации как подсистемы более крупной общественной системы, исследование связей его с другими территориальными звеньями;
- комплексность – мониторинг отдельных сфер и направлений развития страны/региона/организации должен осуществляться во взаимосвязи друг с другом; необходимо осуществлять последовательное решение всей совокупности задач мониторинга по каждому из его направлений;
- непрерывность в наблюдении за объектом;
- периодичность снятия информации о происходящих изменениях;
- сопоставимость применяемых показателей мониторинга во времени и другие.

Обозначим принципы построения научно-обоснованной системы мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах.

Системность и комплексность построения индикаторов и методов их выявления, измерения и анализа. Отслеживание взаимосвязи факторов развития молодежных обменов между странами ШОС в социально-психологическом, социокультурном, организационно-технологическом аспектах.

Учет и отслеживание динамики развития молодежных обменов, молодежного потенциала и поведенческих стратегий участников обменных программ.

Динамичность планирования молодежных обменов между странами ШОС, соотношение стратегического и оперативного планирования.

Достоверность, надежность и репрезентативность получаемой информации об эффективности программ молодежных обменов.

Оптимальное сочетание социологических и поведенческих (психологических) методов анализа.

Оптимальное сочетание количественных и качественных методов анализа.

Ориентация на обслуживание результатами мониторинга органов государственного и общественного контроля системы молодежных обменов между странами ШОС.

Концептуальная схема научно-обоснованной системы мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах

Концептуальная схема организации процесса мониторинга и оценки показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС, эффективности проектов и программ международных молодежных обменов трансформируется в зависимости от целей и задач обменных программ в области молодежной мобильности и конкретного проекта.

Схема включает в себя ряд взаимосвязанных этапов, которые можно отследить через ряд изменений и оценить через множество индикаторов. В целом она включает в себя:

Постановку целей и задач программ / проектов молодежных обменов;

Определение вклада, **input** (собственного и других источников), необходимого для реализации мероприятий в соответствии с задачами обменных программ / проектов;

Исполнение программы / проекта молодежного обмена или сам процесс запуска и осуществление мероприятий по проекту либо по программе, **process**;

Результаты программы / проекта молодежной мобильности, которые трансформируются в три уровня в зависимости от длительности⁶ программы / проекта и эффективности воздействия проводимых мероприятий на сообщество (отсроченные результаты):

краткосрочный результат, **output** (оценивается приблизительно в течение 1 года после реализации программы / проекта);

долгосрочный результат, **outcome** (оценивается в течение 1-3 лет после реализации программы / проекта);

воздействие, **impact** (оценивается по истечении 5 лет после реализации программы / проекта).

Концепция мониторинга и оценки показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС, эффективности проектов и программ международных молодежных обменов проводится по единой схеме на всех уровнях реализации молодежных обменов между странами-участницами ШОС: межгосударственном, внутригосударственном, региональном и организационном (вузовском).

Для того чтобы проект или программа достигли своих целей, вложенные средства или **вклад (input)** – материально-технические, человеческие, финансовые ресурсы, существование политики и нормативно-правовой базы, а также современные технологии, например, информационные, включаются в **процесс (process)** осуществления программы или проекта. Процесс выражается в количестве реализованных программ молодежных обменов (академических и образовательных обме-

⁶ По длительности результаты программ молодежных обменов могут различаться в зависимости от формы обмена и вида программы мобильности (академическая мобильность, образовательные обмены, культурно-ознакомительные поездки, студенческий туризм, трудовые лагеря, языковая стажировка, волонтерская служба и пр.). В настоящей схеме временной период оценки результата программы молодежных обменов представлен для программ академической мобильности и образовательных обменов.

нов, культурно-ознакомительных поездок, языковых стажировок и пр.), количестве участников программ молодежных обменов, количестве управленческих инициатив по организации молодежных обменов, количестве задействованных учреждений и специалистов в реализации мероприятий молодежной мобильности, количестве оказанных социальных, консультативных, образовательных, информационных и других услуг, а также качестве этих показателей.

В случае эффективного использования вложенных ресурсов и при необходимом уровне осуществления процесса достигаются **краткосрочные результаты (output)**. Они отражают изменение знаний и отношений целевой группы (молодежи в целом, участников обменных программ, а также специалистов в области реализации молодежного сотрудничества и молодежной политики) относительно практики молодежных обменов и работы с молодежью, охвата и доступа целевых групп к мероприятиям и программам молодежной мобильности, условий реализации и эффективности обменных программ, а также изменение уровня удовлетворенности участием в программе. Эти промежуточные результаты будут являться предпосылкой к изменению поведения как фактора развития лидерского и инновационного потенциала молодежи.

Если результаты оказывают влияние на те группы населения, для которых были предназначены, то такая программа или проект, скорее всего, будет иметь и **долгосрочные результаты (outcome)**. Это включает в себя изменение социальных установок и намерений молодежи в отношении участия в программах обменов, повышение активности молодежи в развитии своего лидерского потенциала с помощью обменных программ, планирование будущего участия в программе, изменение мотивации и поведения молодежи в сфере межкультурной коммуникации и международного сотрудничества, совершенствование языковых навыков, повторное участие в программах, привлечение новых участников из числа молодежи и специалистов, расширение количества и территории реализации молодежных обменов.

Эти положительные долгосрочные результаты должны привести к более долгосрочному **воздействию (impact)**, оказываемому программой. Воздействие выражается в социологических показателях на разных уровнях реализации молодежных обменов между странами-участницами ШОС: институциональном, социально-групповом и индивидуально-личностном.

На **институциональном** уровне (страны-участницы ШОС, правительственные структуры, государственные и другие организации, реализующие программы молодежных обменов) воздействие проводимых мероприятий на сообщество выражается в усилении роли Шанхайской организации сотрудничества в мировом сообществе и интеграции стран-участниц ШОС в мировое научное, образовательное и культурное пространства, что заключается в разработке и реализации совместных образовательных программ между странами-участницами ШОС, унифицировании методологии обучения, совместной реализации программ академической мобильности (таких, как долгосрочные целевые научные стажировки, краткосрочные курсы повышения квалификации и обучение работе на высокотехнологичном оборудовании), создании международных центров языковой подготовки, формировании совместной электронной библиотеки стран ШОС для расширения общего коммуникативного поля. К воздействию на этом уровне также относят выход на сетевые международные научные проекты и создание интернациональных исследователь-

ских коллективов для их реализации, совместные молодежные мероприятия в сфере науки и культуры.

На *социально-групповом* уровне (молодежь, молодые лидеры) отсроченный результат молодежных обменов заключается в интеграции в глобальные сетевые молодежные движения, наращивании лидерского и инновационного потенциала молодежи, разработке и внедрении новых идей и технологий, обмене культурными и исследовательскими компетенциями, навыками и опытом, развитии межкультурной коммуникации и совместного сотрудничества в реализации трудовых проектов, в частности молодежного предпринимательства.

На *индивидуально-личностном* уровне (индивидуальные траектории участников программ обмена) к воздействию относят повышение индивидуального уровня образования, языковой подготовки и креативности, развитие социальной активности, формирование профессиональных, культурных и исследовательских компетенций, приобретение зарубежного опыта участия в краткосрочной образовательной или научно-исследовательской программе, получение конкурентных преимуществ по сравнению с другими специалистами, расширение возможностей трудоустройства.

При измерении воздействия бывает сложно установить, в какой мере конкретные программы или даже конкретные элементы программы повлияли на тот или иной отсроченный результат. Для того чтобы установить причинно-следственную связь для конкретного вмешательства, для демонстрации воздействия необходимо провести исследования экспериментального или полужэкспериментального характера. Однако индикаторы промежуточных или конечных результатов также могут быть использованы для определения таких связей и служить в качестве общего показателя эффективности программ молодежных обменов между странами-участницами ШОС в соответствии с согласованными целями и задачами.

Концептуальная схема научно-обоснованной системы мониторинга и оценки показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС должна охватывать все сферы международного молодежного сотрудничества. Рассматривая проблему оценки эффективности проектов и программ молодежных обменов необходимо **на каждом этапе оценивать изменения**, на которые направлены основные реализуемые мероприятия, в связи с этим схема мониторинга и оценки показателей развития молодежных обменов включает в себя ряд этапов, описывающих данные **изменения** (рисунок 4.1, таблица 4.1).

ЦЕЛИ ПРОЕКТА/ПРОГРАММЫ

ЗАДАЧИ ПРОЕКТА/ПРОГРАММЫ

ВКЛАД, **input**

ПРОЦЕСС, **process**

ПРЕДПОСЫЛКА К ИЗМЕНЕНИЮ СОСТОЯНИЯ
МОЛОДЕЖНЫХ ОБМЕНОВ

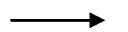
КРАТКОСРОЧНЫЙ
РЕЗУЛЬТАТ, **output**

ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАНИЙ И ОТНОШЕНИЙ
МОЛОДЕЖИ

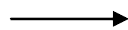
ДОЛГОСРОЧНЫЙ
РЕЗУЛЬТАТ, **outcome**

ИЗМЕНЕНИЕ УСТАНОВОК И ПОВЕДЕНИЯ
МОЛОДЕЖИ

ВОЗДЕЙСТВИЕ,
impact

УКРЕПЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТРАН ШОС
В РАЗВИТИИ МОЛОДЕЖНЫХ ОБМЕНОВ

Рисунок 4.1 – Концептуальная схема научно-обоснованной системы мониторинга и оценки показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС.

Таблица 4.1 – Схема мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС, эффективности программ международных молодежных обменов

Компоненты	Параметры (что измеряем)	Индикаторы
Вклад, input (обеспечение процесса) (собственный вклад и вклад из других источников)	1. Ресурсы 2. Нормативно-правовая база 3. Технологии	Ресурсы: количество финансовых средств, материально-техническая база, человеческие ресурсы (специалисты, профессионалы); соответствие потраченных ресурсов плану Имеющаяся нормативно-правовая база в сфере молодежной политики, молодежных обменов и международного сотрудничества Технологии: информационные, социальные, коммуникационные, компьютерные (программное обеспечение)
Процесс, process (предпосылка к изменению состояния)	1. Уровень организации программы (соответствие содержания и сроков мероприятий графику выполнения работ; соблюдение технологий, методов, процедур) 2. Степень вовлеченности молодежи 3. Обеспеченность ресурсами для реализации программы обмена	Количество реализованных программ; количество управленческих инициатив; количество задействованных учреждений и специалистов; количество и качество оказанных социальных, консультативных, образовательных, информационных и других услуг; качество программ молодежных обменов; условия реализации Количество участников программ; тип программы; территориальный охват стран ШОС; место проведения; длительность программы; личная и профессиональная полезность; участие в подготовительных языковых курсах; повторное участие; охват целевых групп мероприятиями программы Число и профиль учреждений, обеспеченных оборудованием, транспортом и расходными материалами; Количество приобретенного оборудования (по типам), транспорта и расходных материалов; Количество оборудования, транспорта и расходных материалов, использованных на реализацию мероприятий в рамках проекта

Краткосрочный результат, output (изменение знаний и отношений)	1. Знания 2. Отношение	1.1. Уровень знаний 2.1. Сформированность отношений	Уровень информированности о молодежных обменах; источники информации; уровень знаний об образовательном компоненте проекта; знание сроков программы; уровень знаний условий программы Отношение к срокам реализации программы; отношение к мероприятиям программы; ожидания от программы; уровень удовлетворенности результатами участия в целом и отдельными компонентами программы, оценка полезности программы
	1. Поведение молодежи 2. Практика молодежных обменов	1.1. Изменение социальных установок и поведения 2.1. Востребованность программ и эффективность работы учреждений	Социальная активность; намерения и установки на участие; мотивация молодежной мобильности; готовность развивать личный потенциал; совершенствование языковых навыков; поддержание контактов Опыт участия; планирование будущего участия; привлечение новых участников из числа молодежи и специалистов; количество повторных посещений; расширение территории реализации
Воздействие, impact (укрепление взаимодействия стран ШОС в развитии молодежных обменов)	Воздействие программ молодежных обменов на ситуацию	1.1. Институциональный уровень воздействия 1.2. Групповой уровень воздействия 1.3. Индивидуальный уровень воздействия	На уровне стран-участниц ШОС, правительственных структур, государственных и других организаций, реализующих программы молодежных обменов воздействие выражается в усилении роли Шанхайской организации сотрудничества в мировом сообществе и интеграции стран-участниц ШОС в мировое научное, образовательное и культурное пространство На уровне социальной группы молодежи, молодежных лидеров воздействие выражается в интеграции в глобальные сетевые молодежные движения, наращивании лидерского и инновационного потенциала, обмене компетенциями, навыками и опытом На уровне индивидуальных траекторий участников программ обмена воздействие выражается в формировании профессиональных, культурных и исследовательских компетенций, получении конкурентных преимуществ

Итак, при проведении мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС и оценки молодежных программ обмена необходимо отслеживать использование ресурсов (соответствие потраченных ресурсов плану); процесс выполнения программы (соответствие содержания и сроков мероприятий графику выполнения работ; соблюдение технологий, методов, процедур); результаты (в какой мере удастся достигать поставленных целей); влияние (как влияет программа на ситуацию, в чем заключается это влияние).

Для того, чтобы проводить мониторинг программы, необходимо заранее определить ее характеристики и в процессе проведения мониторинга проводить соответствующие измерения и сравнивать фактические характеристики программы с плановыми показателями. Применительно к социальным программам, в том числе молодежным, чаще говорят о показателях или индикаторах, по которым можно судить о достижении результатов или влиянии программы. В зависимости от того, какие элементы программы необходимо контролировать, различают индикаторы процесса, результатов, влияния.

Для построения системы мониторинга необходимо сделать следующее:

Определить измеряемые показатели (индикаторы), по которым можно будет отслеживать ход программы.

Установить источники информации для проведения мониторинга (организации, отделы, отдельные люди или группы людей, документы и т.д.).

Выбрать методы сбора информации.

Определить частоту и график сбора информации.

Назначить ответственных за получение необходимой информации и договориться с теми, кто эту информацию будет предоставлять.

Определить технологию обработки и анализа получаемой информации.

Спланировать, как и кому будут переданы данные мониторинга, а также кто и как будет их использовать.

Учесть в бюджете программы расходы, необходимые для проведения мониторинга (Кузьмин, 2003).

Общие принципы в определении индикаторов, источников информации и методов сбора данных научно-обоснованной системы мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах

Очень важной частью работы по составлению программы является определение индикаторов, единиц и категорий анализа, по которым можно оценивать состояние объекта мониторингового наблюдения, и формирование показателей, адекватно отражающих эти индикаторы.

Индикаторы представляют собой полученное в ходе регистрации, измерения непосредственное отображение тех или иных свойств определенного объекта - явления, процесса, системы и т.д. На практике не все разработанные индикаторы для характеристики изучаемого объекта «работают» одинаково. Одни могут иметь недостаточную чувствительность, другие – плохую разрешающую способность.

Процесс разработки индикаторов должен основываться на следующих шести основных принципах:

- Использование существующих индикаторов в качестве основы
- Сведение к минимуму количества собираемых индикаторов
- Соответствие программным потребностям регионов
- Согласование межнациональных, национальных и региональных потребностей в сфере мониторинга и оценки
- Гармонизация с другими управленческими структурами
- Охват широкого круга программных областей и секторов.

Информация по каждому индикатору должна включать следующее: обоснование использования; определение, включая числитель и знаменатель; проведение измерения, т.е. детали по инструментарию и процессу; платформа сбора информации, источники – т.е. опросы, запись актов гражданского состояния и др.; рекомендуемая частота сбора информации; ресурсы – ссылки, технические руководства и т.д.

В ходе мониторинговых исследований возникает проблема изменения индикаторов в ходе каждого следующего цикла. С одной стороны, сравнительные данные более убедительны, если они представляют собой одни и те же индикаторы. С другой стороны, уточнение индикаторов, как и процедур их регистрации, в каждом следующем цикле замеров позволяет более точно реагировать на динамику процесса, корректировать как задачи, так и методику.

Важно выделить базисные показатели, которые будут служить основой мониторинга. Исходя из этого, методический инструментарий мониторинга должен включать в себя постоянный блок, который на каждом этапе дополняется новыми блоками, включающими в себя новые индикаторы, имеющие лучшую чувствительность и разрешающую способность, что позволит дополнить информационную базу исследования новыми данными. При этом если новые индикаторы не были апробированы ранее, то целесообразно провести пилотажное исследование для отработки скорректированного инструментария.

Есть еще одна сторона этого вопроса. Она зависит от количества целей мониторинга. Множественность целей (по объектам или по предметам наблюдения) приводит к конструкции мониторинга омнибусного типа. Здесь инструментарий состоит из независимых друг от друга блоков индикаторов, соответствующих мониторинговой цели.

Для обеспечения надежности социологической информации применяют различные способы контроля (Спириденков, 2002). Применительно к мониторингу можно выделить следующие две группы контроля надежности. В первой группе осуществляется сопоставление эмпирической информации в данном мониторинговом исследовании с какой-либо другой информацией, а во второй изучается распределение признаков в данном исследовании.

Первая группа контроля предполагает внешний контроль:

По отношению ко времени исследования. Он предполагает сравнение результатов измерения в исследовании с итогами повторного измерения, проведенного тем же исследователем с сохранением той же выборочной совокупности, условий, инструмента и процедуры измерения.

По отношению к условиям исследования. Например, сравнение результатов опроса, проведенного тем же исследователем с помощью того же инструмента исследования по различным выборкам.

По отношению к инструменту и процедуре исследования. Например, сопоставление данных, полученных методом опроса, с помощью эквивалентного инструмента – метода экспертных оценок (анализа документов, наблюдения и т.п.).

По отношению к исследователю. Например, сопоставление данных интервью, полученных другим интервьюером на той же выборочной совокупности, при сохранении условий, инструмента и процедуры измерения.

По отношению к объекту исследования. Например, сравнение данных опроса с данными, полученными на разных объектах.

Вторая группа контроля предполагает внутренний контроль и включает:

Изучение распределения определенного признака по всей выборке. Например, выявление «неработающих» вопросов или градаций вопросов, «выпадающих» значений и др.

Сравнение распределений различных признаков по всему массиву. Например, сопоставление двух однородных групп признаков в тестовых методиках.

Изучение распределения признаков на различных ступенях выборки. Например, устранение влияния интервьюера.

Обобщающим показателем эффективности использования мониторинга служит степень соответствия полученных показателей (индикаторов) целям и задачам управления конкретными социальными процессами и их развитием.

Эффективность работы научно-обоснованной системы мониторинга и своевременность принятия управленческих решений во многом зависят от своевременности поступления (получения) информации. Последняя, в свою очередь, зависит от своевременности ее формирования, от пропускной способности каналов связи. Каналом связи может быть: почтовая, электронная и другие системы.

При проектировании мониторингов их разработчики сталкиваются со следующими проблемами (Овсянников, 2000). Проблема объектов наблюдения состоит в выборе и локализации подсистемы (явления, процесса, общности, региона), наблюдаемой в режиме мониторинга. Сложность заключается в вычленении наблюдаемого объекта из системы взаимосвязей таким образом, чтобы связи объекта с внешней средой были минимальными (по численности параметров) и существенными (по силе связи); внутрисистемные процессы были локализованы.

Проблема теоретической модели мониторинга заключается в стремлении понять, интерпретировать, «упаковать» данные (наблюдения) мониторинга. Предлагаются два способа решения этой проблемы (Овсянников, 2000).

Способ 1: отказ от любых интерпретаций мониторинговых измерений. В данном случае девизом является стремление измерять все, показывать изменения в масштабах, направлениях и темпах трансформаций, но не давать им смысловые (содержательные) оценки. Вопрос о том, плохо или хорошо, прогрессивно или регрессивно наблюдаемое изменение, в этом случае просто не ставится.

Способ 2: стремление интерпретировать трансформации системы с теоретических позиций. Это предполагает наличие теоретической модели социальной системы (или парадигм); наличие системы индикаторов, оценивающих состояние системы и ее связей с социальной метасистемой; возможность на основании модели строить прогнозные оценки и делать содержательные выводы о трансформациях. Однако этот способ содержит в себе трудноразрешимые (или неразрешимые вовсе)

вопросы. Главный из которых – выбор теоретической конструкции или системы теоретических парадигм.

Важным моментом в мониторинге показателей является интерпретация фактов (измерений, мониторинговых наблюдений), которая зависит от теоретической модели. При этом важно учитывать, что факты существуют только в рамках определенных теорий; одни и те же факты в разных теориях интерпретируются по-разному (подчас диаметрально противоположно); факты, существующие по одной теории, могут не существовать по другим теориям, объявляясь артефактами. Выбор теоретической модели предопределяет не только факты, но и возможность строить прогнозные оценки и делать содержательные выводы относительно объекта мониторингового обследования.

Научно-обоснованная система мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах – система наблюдения, анализа, диагностики с целью прогнозирования и моделирования лидерского и инновационного потенциала молодежи, формирования и развития ее активности и мобильности, принятия решений по нормативному обеспечению, регулированию, планированию государственных программ и иных механизмов формирования и развития системы молодежных обменов между странами-участницами ШОС.

Естественно, что мониторинг – не тотальное отслеживание. Речь идет о выборочных, но вместе с тем репрезентативных измерениях социальных процессов в сфере молодежных обменов. Обратим внимание на то, что локализация объектов анализа в ходе мониторинга повышает надежность получаемых данных. Вместе с тем, эффективность мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС на уровне региона проявится лишь в том случае, если будут созданы механизмы координации региональных мониторингов в федеральном и межгосударственном масштабе.

Характеристика социологических методов сбора данных по анализу показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах

Для выявления текущего состояния молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах было проведено базисное (первичное) социологическое исследование – первый этап мониторинга. Основные методы сбора первичной социологической информации, применяемые на первом этапе – индивидуальное раздаточное анкетирование, экспертный опрос и анализ официальных документов стран-участниц ШОС в области молодежных обменов.

Представим характеристику основных социологических методов сбора данных, применяемых в процессе мониторинга показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС.

Массовый анкетный опрос. Поиск и сбор информации в ходе общения с респондентом как в заочной форме с помощью анкет, так и очно в беседе, осуществляемой интервьюером. Использовать массовый опрос предполагается для анализа и оценки уровня информированности молодежи о программах обменов, установок молодежи относительно участия в проводимых мероприятиях и программах, степе-

ни молодежной активности в программах, мотивации, будущих намерений и поведения молодежи.

Экспертный опрос. Привлечение экспертов для выявления состояния и уровня развития системы молодежных обменов между странами ШОС, анализа проблемных ситуаций, оценки влияния, значимости тех или иных факторов ситуации, а также для разработки рекомендаций, проектов. В отличие от массового опроса эксперты подбираются с помощью процедуры аттестации. В качестве экспертов будут привлечены представители стран-участниц ШОС, правительственных структур, государственных и общественных организаций, образовательных учреждений, а также представители профессионального и научного сообщества, курирующие вопросы реализации программ молодежных обменов или непосредственно занимающиеся организацией и проведением таких программ.

Фокус-группа. Сбор информации с использованием групповых дискуссий для углубленного выявления содержательных характеристик (мотиваций, причин, факторов и т.п.). Состав участников дискуссии внутри группы, а также численность и состав фокус-групп определяются методикой. Участники дискуссии подбираются в ходе рекрутинга. Дискуссия проводится по разработанному сценарию. Фокус-группы будут проводиться параллельно по отдельным проблемам (например: академическая и образовательная мобильность, культурно-ознакомительные обмены, трудовые лагеря, студенческий туризм, участие в волонтерской деятельности, миграционные намерения и мотивация, состояние и перспективы молодежных обменов, совместные образовательные программы, молодежный совет стран ШОС и т.п.).

Контент-анализ. Дистрибутивный анализ информации, представленной в виде текстов, в аудио-, визуальной форме. Проводится как в неформализованном (общая характеристика и оценка информационного продукта), так и в формализованном виде по выделенным категориям и единицам анализа с их последующей статистической обработкой, анализом и обобщением. Предполагается проведение контент-анализа публикаций газет, радио-, телепередач, рекламных продуктов, сайтов Internet по проблемам молодежных обменов между странами-участницами ШОС, а также анализа официальных документов стран-участниц ШОС в области молодежных обменов (Декларации о создании ШОС, Соглашений между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в различных областях, Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года, нормативные и правовые акты отдельных государств ШОС в области мобильности молодежи и др.).

Таким образом, система мониторинга и оценки показателей развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС – система наблюдения, анализа, диагностики с целью прогнозирования, принятия решений по нормативному обеспечению, регулированию, планированию молодежных обменов. Развертывание научно-обоснованной системы мониторинга состояния и развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС, эффективности проектов и программ в области молодежной мобильности является необходимым условием получения обоснованных представлений о действительном положении молодежных обменов, тенденциях их развития с целью моделирования лидерского и инновационного потенциала молодежи, формирования и развития ее активности и мобильно-

Таблица 4.2 – Ключевые индикаторы мониторинга развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС (массовый опрос населения)

Теоретические понятия	Эмпирически интерпретируемые понятия	Эмпирические индикаторы
Вовлеченность молодежи в программы молодежных обменов	Участники программ молодежных обменов	Гражданство участников Представляемая организация Местонахождение организации Должность в организации Владение иностранными языками Уровень владения иностранным языком страны реализации программы Социально-демографические характеристики (пол, возраст, образование)
	Опыт участия в программах молодежных обменов	Участие в международных программах в прошлом Тип программы Территориальный охват стран стран-участниц ШОС Участие в программах молодежных обменов стран ШОС в течение 2014-2015 года
	Опыт последнего участия в программе молодежного обмена	Форма (вид) последней программы молодежного обмена Страна – место проведения программы Длительность программы – срок пребывания в партнерской стране Участие в подобных программах
	Социальные установки молодежи на участие в программах обменов	Источники информации о молодежных обменах Знание образовательного компонента программы Мотивы участия в программе молодежных обменов Отношение к срокам реализации программы Участие в подготовительных языковых курсах перед программой Миграционные намерения молодежи
Реализация программ молодежных обменов	Уровень организации программы	Финансовые условия пребывания в партнерской стране в рамках программы Оценка трудностей в процессе участия в программе Изменение отношения к программе по сравнению с ожиданиями
	Удовлетворенность программой молодежного обмена	Удовлетворенность организацией и проведением программы обмена Удовлетворенность языковой помощью Удовлетворенность информационным сопровождением Удовлетворенность документационным сопровождением Удовлетворенность системой социально поддержки студентов Удовлетворенность личной (персональной) полезностью программы Удовлетворенность полезностью программы для представляемой организации Удовлетворенность культурно-просветительской программой Удовлетворенность результатами своего участия в программе молодежного обмена
	Востребованность программ	Оценка полезности программ молодежного обмена для развития сотрудничества между странами участниками ШОС Готовность к привлечению новых участников из числа молодежи Намерения поддерживать контакты с зарубежными партнерами Оценка будущих направлений сотрудничества Планирование будущего участия

Теоретические понятия	Эмпирически интерпретируемые понятия	Эмпирические индикаторы
Состояние молодежных обменов между странами-участницами ШОС	Представление о молодежных обменах между странами-участницами ШОС Реализация молодежных обменов между странами-участницами ШОС	Определение понятия «молодежный обмен» Развитые в стране формы (виды) молодежных обменов Формы молодежных обменов между странами ШОС Сферы реализации молодежных обменов Организации или управленческие структуры, занимающиеся организацией и проведением молодежных обменов Странами-партнерами ШОС по осуществлению молодежных обменов Проблемы развития молодежных обменов
Перспективы молодежных обменов между странами-участницами ШОС	Привлечение молодежи к участию в обменах Роль молодежных обменов Перспективы развития молодежных обменов	Механизм привлечения молодежи к участию в обменах между странами-участницами ШОС Критерии, предъявляемые к участникам молодежного обмена Оценка роли молодежных обменов в развитии международного сотрудничества между странами ШОС Перспективы в области культурного развития, культурной интеграции Перспективы реализации совместных гражданских и трудовых проектов (волонтерство, молодежное предпринимательство) Перспективы развития молодежного спорта и туризма
Реализация совместных образовательных программ в странах-участницах ШОС	Перспективные направления развития молодежных обменов в области научного и образовательного сотрудничества Преимущества совместных образовательных программ Проблемы при разработке и реализации совместных образовательных программ странами-участницами	Перспективные направления в области студенческого (образовательного) обмена Перспективные направления в области педагогического обмена (молодых преподавателей) Перспективные направления в области научно-академического сотрудничества Оценка преимуществ реализации совместных образовательных программ для стран участниц Оценка преимуществ реализации совместных образовательных программ для конкретных вузов Проблемы в подходах к преподаванию, педагогических и образовательных технологиях Проблемы в подходах к содержательному наполнению дисциплин, образовательных и профессиональных стандартов подготовки по соответствующим направлениям Проблемы в вопросах признания совместных дипломов Проблемы в вопросах правового регулирования программ академической мобильности Проблемы в вопросах распределения финансовой ответственности (расходы на обучение, социальное страхование)
Председательство России в ШОС в 2014-2015 гг.	Подходы к организации и содержанию молодежных обменов Достижение успеха в реализации заявленных приоритетов в период представительства в ШОС	Изменение подходов к организации и содержанию молодежных обменов в период председательства России в ШОС в 2014-2015 гг. Достижение успеха в наращивании культурных и гуманитарных связей Достижение успеха в активизации молодежных обменов Достижение успеха в развитии сетевого Университета ШОС Достижение успеха в создании в России ректората УШОС

Таблица 4.3 – Ключевые индикаторы мониторинга развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС (экспертный опрос)

Молодежный совет стран ШОС	Необходимость отдельной молодежной организации стран ШОС	Необходимость молодежного совета ШОС Роль молодежного совета ШОС для развития молодежных обменов Основные приоритеты деятельности молодежного совета ШОС
	Создание молодежного совета ШОС	Проект молодежного совета ШОС Форма реализации проекта молодежного совета ШОС Приоритетные направления сотрудничества молодежного совета ШОС
	Преемственность между «взрослой» и «молодежной» организациями ШОС	Преемственность в плане утверждения направлений работы Преемственность в плане утверждения приоритетов Преемственность в плане согласования действий стран-участниц Самостоятельность молодежной организации

сти, принятия решений по нормативному обеспечению, регулированию, планированию государственных программ и иных механизмов формирования и развития системы молодежных обменов между странами-участницами ШОС.

Мониторинг существенно повышает надежность, оперативность, эффективность предпринимаемых в этой области мер, служит важным средством согласования интересов и действий различных субъектов, представленных как межправительственными и государственными органами, так и заинтересованными государственными и общественными организациями. Такой мониторинг вполне может быть обеспечен организационно. Современные методики анализа социальных установок и поведенческих стратегий молодежи, эффективности проектов и программ в области молодежных обменов позволяют получать вполне надежные данные о процессах, происходящих в этой сфере.

Ключевые индикаторы мониторинга развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС в период председательства России в 2014-2015 годах (таблица 4.2, таблица 4.3)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последнее время международные связи молодежи стали значимым элементом в системе российской внешней культурной политики. Ее реализация направлена на укрепление международных позиций и обеспечение благоприятных внешних условий для развития страны, и немалая роль в этом принадлежит институту международного молодежного сотрудничества, который по-прежнему не должным образом отвечает на запросы молодежи, и также неэффективно используется в продвижении имиджа страны в международной молодежной среде (Асадов Б.Р., 2014).

Международная молодежная среда в силу ряда характерных особенностей сегодня является не только объектом воздействия разнонаправленных глобальных тенденций, все более заметно ее влияние на социально-культурные, политические и гуманитарные процессы международной жизни.

Всестороннее представление о ее состоянии и динамике становится необходимым в целях изучения и создания новых эффективных моделей международного взаимодействия молодежи с участием организаций и институтов молодежи России.

Вместе с тем следует отметить, что необходимость изучения новых форм международной деятельности молодежи весьма своевременна и актуальна на фоне существующего динамизма участия в ней молодежи, особенно в международном гуманитарном сотрудничестве, в котором определенное место отведено действиям международных молодежных организаций, включающим связи молодежи с широким спектром направлений гуманитарной сферы – образование, спорт, многосторонние культурные и общественные связи и т. д. Именно разнонаправленные связи в этой сфере предполагают, в первую очередь, деятельность этих организаций как субъектов международного гуманитарного сотрудничества по созданию условий и возможностей, направленных на осуществление интересов и успешного взаимодействия молодежи на международной арене.

В современном мире международное сотрудничество является основой для обеспечения устойчивого экономического роста и развития, преодоления дисбалансов и дефицитов, повышения качества жизни, обновления технологий и знаний, защиты окружающей среды, осуществления других целей развития тысячелетия. Многие государства объединяются в поисках коллективных решений и механизмов, направленных на преодоление общих проблем и достижение общих задач в рамках формальных и неформальных институтов на региональном и глобальном уровнях. Международные механизмы сотрудничества создают условия для совместного анализа опыта, выявления наилучших вариантов решений и лучших практик деятельности в различных сферах политики, координации действий. Причем, ценность такого взаимодействия безусловна как для высокой политики, так и для конкретных отраслей деятельности, как для правительственных структур, так и неправительственных организаций.

Значимость исследования перспектив развития молодежных обменов между странами-участницами ШОС определяется ролью Шанхайской организации сотрудничества в укреплении взаимного доверия и добрососедских отношений между странами-участницами ШОС; развитии интеграционных процессов в области образования, науки и технологий; придании нового импульса к расширению многостороннего образовательного, научного и культурного сотрудничества; расширении возможностей для молодежи получать качественное современное образование, а для педагогов и ученых – развивать научные контакты; содействии эффективному сотрудничеству стран – участниц Организации в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной областях.

Таким образом, развитие молодежных обменов напрямую связаны с повышением уровня компетенции научных и общественных объединений в области всестороннего гуманитарного сотрудничества стран ШОС, и с задачами молодежной мобильности, а именно содействие объективному восприятию происходящих в современном обществе социально-экономических, общественно-политических, научных и культурных преобразований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Библиографический список Главы 1.

1. Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе Лиссабон, 11 апреля 1997 года / Центр по адаптации системы образования к условиям Болонского соглашения. – [Электронный ресурс]: URL: http://www.reos.ru/REOS/giep/blgn_trial.nsf/html/KONVENCIYA (дата обращения: 16.11.2015).
2. Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе (заключена в г. Лиссабоне 11.04.1997). Конвенция ратифицирована Федеральным законом от 04.05.2000 N 65-ФЗ.
3. Коммюнике Конференции Министров, ответственных за Высшее образование, в Берлине 19 сентября 2003г.: «Создание общеевропейского пространства высшего образования» [Электронный ресурс]. URL www.tusur.ru/ru/education/documents/federal/bologna_process/06.rtf (дата обращения: 15.10.2015).
4. Altbach, P.G. The Internationalization of Higher Education: Motivations and Realities / P.G. Altbach, J. Knight // *Journal of Studies in International Education*. – 2007. – Vol. 11, № 3-4. – P. 290–305.
5. Bailes, A.J. Regional security Cooperation in the former Soviet area / A.J. Bailes, V. Baranovsky, P. Dunai. Oxford: Oxford University press, 2007.
6. Anholt, S. Competitive Identity: the new brand management for nations, cities and regions / S. Anholt. – Palgrave Macmillan, 2007.
7. Art, R. J. The fungibility of force / R.J. Art // In: *The use of force: Military power in international politics*, ed. R. Art and K. Waltz. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
8. Barghoorn F. C. The Soviet Cultural Offensive. The role of Cultural Diplomacy in So-viet Foreign Policy. Princeton, 1960. P. 353.
9. Biggart A., Walther A. Coping with yo-yo transitions. Young adults' struggle for support, between family and state in comparative perspective // *A New Youth? Young People, Generations and Family Life* / Ed. by C. Leccardi, E. Ruspini. Aldershot, 2006
10. Billett, S. Critiquing workplace learning discourses: participation and continuity at work S. Billet // *Studies in the Education of Adults*. – 2002. – T. 34. – №. 1. – С. 56-67. Bock, Ph.K. Culture shock. (Ed.) *A Reader in Modern Culture Anthropology*. New York, 1970. p. 365.
11. Brandenburg, U. The End of Internationalization / U. Brandenburg, H. De Wit // *International Higher Education*. – 2011. – No 62. – P. 15–16.
12. Campbell, K. Hard power: The new politics of national security / K. Campbell, M. O'Hanlon. – New York: Basic Books., 2006.

13. Cohen, D. *The Combing of History* / Cohen D. University of Chicago Press, 1994.
14. Cole, M. Cultural differences and inferences about psychological process / M. Cole, J.S. Bruner // *American Psychologist*. – 1971. – №26. – p. 867–876.
15. Colley, H. *Non-formal learning: mapping the conceptual terrain* / H. Colley, Ph. Hodgkinson, J.A. Malcolm. A Consultation Report, Leeds: University of Leeds Lifelong Learning Institute, 2002 URL: http://www.infed.org/archives/e-texts/colley_informal_learning.htm
16. Collier, M. J. Cultural identity and intercultural communication / M.J. Collier // In: L.A. Samovar and R.E. Porter (Eds.). *Intercultural communication: A reader*. – Belmont, CA: Wadsworth Press, 1997.
17. Coombs, P. *The World Crisis in Education* / P. Coombs. – New York: Oxford University Press, 1985.
18. Coombs, P. *Attacking Rural Poverty* / P. Coombs, M. Ahmed. – Baltimore: The John Hopkins University Press, 1974.
19. Cooper, R. Hard power, soft power and the goals of diplomacy / R. Cooper // In: *American power in the 21st century*, ed. D. Held and M. Koenig-Archibugi, Cambridge, UK: Polity, 2004. – P.167–80.
20. Cowan, G. *Public Diplomacy in a Changing World* / G. Cowan, N.J. Cull // A special issue of *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*. – 2008, Volume 616, No. 1.
21. CSIS Comission on Smart Power: a smarter, more secure America. – W., 2007.
22. Cull, N. J. *Public Diplomacy: Lessons from the Past* [Электронный ресурс] / Nicholas J. Cull. – Los Angeles: FigueroaPress. – 2009. – URL: <http://uscpublicdiplomacy.org/publications/perspectives/CPDPerspectivesLessons.pdf> (дата обращения 1.11.2015).
23. Cummings, M C. *Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey* / M.C. Cummings. – Washington, D.C: Center for Arts and Culture, 2003.
24. Definitions of public diplomacy URL: <http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy/Definitions> (дата обращения 15.10.2015).
25. Deutsch, K. *The Analysis of International Relations* / K. Deutsch. – New Jersey: Prentice-Hall, Inc, 1978.
26. Eaton, S.E. *Formal, Non-Formal and Informal Learning* [Электронный ресурс] / S.E. Eaton URL: http://www.infed.org/archives/e-texts/eaton_formal_nonformal_informal_learning.htm (дата обращения 20.10.2015).
27. Egner M. *Between Slogans and Solutions. A Frame-Based Assessment Methodology for Public Diplomacy* [Электронный ресурс] / M. Egner. – URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/rgs_dissertations/2010/RAND_RGSD255.pdf (дата обращения 20.10.2015).
28. Eisenstadt, S.N. *Tradition, Change and Modernity* / S.N. Eisenstadt. – New York: John Wiley & Sons, 1973. –P. 47-72.
29. Eliot, T S. *Notes towards a Definition of Culture* / T.S. Eliot. – L., 1962.
30. Ellingsworth, H.W. *Adaptive intercultural communication* /H.W. Ellingsworth // In: Gudykunst, William B (ed.), *Intercultural communication theory*. – Beverly Hills: Sage, 1983. – P. 195–204.
31. Erasmus+ Programm Guide [Электронный ресурс]. – URL: http://ec.europa.eu/programmes/erasmus-plus/documents/erasmus-plus-programme-guide_en.pdf (дата обращения 1.11.2015).
32. Eraut, M. *Non-formal learning, implicit learning and tacit knowledge* / M. Eraut // In: F. Coffield (Ed) *The Necessity of Informal Learning*, Bristol: Policy Press, 2000.
33. Escobar, A. *The Making of Social Movements in Latin America: Identity, Strategy, and Democracy* / A. Escobar. – Boulder: Westview Press, 1992.

34. Feutrie, M. Validation of Non-formal and Informal Learning in Europe: Comparative Approaches, Challenges and Possibilities, communication at the conference on Recognition of Prior Learning: Nordic-Baltic Experiences and European Perspectives., Copenhagen, 8 March 2007 [Электронный ресурс] / M. Feutrie. – URL: <http://www.nordvux.net/page/489/keynotesandpresentations.htm> (дата обращения 12.09.2015).
35. Fishlow, A. The United States and the Americas: A Twenty-First Century View / A. Fishlow. – Norton, 1999.
36. Fitzpatrick, K. Advancing the New Public Diplomacy: a Public Relations Perspective / K. Fitzpatrick // The Hague Journal of Diplomacy. – 2007. – N 2. – P. 201-202.
37. Fordham, P. E. Informal, non-formal and formal education programmes' in YMCA George Williams College ICE301 Lifelong Learning Unit / P.E. Fordham. – London: YMCA George Williams College, 1993.
38. Gilboa, E. Public Diplomacy in the Information Age [Электронный ресурс] / E. Gilboa. – URL: <http://icp-forum.gr/wp/wp-content/uploads/2008/12/gilboa-lecture-athens-jan-2009.pdf> (дата обращения 12.09.2015).
39. Gonidec, P.-F. Relations internationales / P.-F. Gonidec, R. Charvin. – Paris, 1984.
40. Graham-Brown, S. Education in the Developing World / S. Graham-Brown. – Harlow: Longman, 1991.
41. Griffin, E. A first look at communication theory (4th ed.) / E.A. Griffin. – Boston, MA: McGraw-Hill, 2000.
42. Gudykunst, W. B. Intercultural communication: Introduction / W.B. Gudykunst // In W.B. Gudykunst (Ed.) Cross-cultural and intercultural communication, Thousand Oaks, CA: Sage, 2003. – P. 163–166.
43. Gudykunst, W.B. Communicating with Strangers, 2nd ed / W.B. Gudykunst, Y. Y. Kim. – Boston: McGraw Hill, 2003.
44. Haas, E., Schmitter. P. Economics and Differential Patterns of Political Integration. Projections about Ijnyty in Latin America / E. Haas, P. Schmitter // International Organization, 1964. — Vol. 18. — No. 4.
45. Hansel, B. The Exchange Student Survival Kit / B. Hansel. – Yarmouth, Maine: Intercultural Press, Inc., 1993.
46. Harding T. Sweden: Country Profile / T. Harding // Compendium of Cultural Policies and Trends in Europe, 2010.
47. Hogan, Ch. F. Facilitating Multicultural Groups: A Practical Guide / Ch.F. Hogan. – London: Kogan Page, 2007.
48. Huntington, S. The change to change / S. Huntington // Corporative politics in the post-behavioral era / Ed. By A. Cantory and A. Ziegler. – Boulder, Colorado, 1988.
49. Kim, Y.Y. Cross-Cultural adaption: An integrative theory / Y.Y. Kim // In: R.L. Wiseman (Ed.) Intercultural Communication Theory. – Thousand Oaks, CA: Sage, 1995. – P. 170 – 194.
50. Knight, J. Higher Education in Turmoil. The Changing World of Internationalization / J. Knight. – Rotterdam, the Netherlands: Sense Publishers, 2008.
51. Knight J. Strategies for Internationalization of Higher Education: Historical and Conceptual Perspectives, / J. Knight, H. De Wit // Strategies for Internationalisation of Higher Education, A Comparative Study of Australia, Canada, Europe and the United States of America / de Wit H. (ed.). Amsterdam: EAIE (in cooperation with IMHE/OECD and AIEA), 1995.
52. Kubicek, P. Regionalism, Nationalism and Realpolitik in Central Asia / P. Kubicek // Europe-Asia Studies. – 1997. – Vol 49. – P. 629–617.

53. Lave, J. Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation / J. Lave, E. Wenger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
54. Leonard, M. Public Diplomacy / M. Leonard. – London: The Foreign Policy Centre, 2002. – P. 10-11.
55. Lipsitz, G. American Studies. In a Moment of Danger / G. Lipsitz. – University of Minnesota Press, 2001.
56. Livingstone, D.W. Adults' Informal Learning: Definitions, Findings, Gaps and Future Research, Toronto: OISE/UT (NALL Working Paper No.21), 2001 [Электронный ресурс] / D.W. Livingstone. – URL: <http://www.oise.utoronto.ca/depts/sese/csew/nall/res/21adultsifnormallearning.htm> (дата обращения 12.09.2015).
57. Lustig, M. W. Intercultural competence : interpersonal communication across cultures / M. W. Lustig, J. Koester. – Boston : Pearson/Allyn & Bacon, 2010.
58. Mann, M. The sources of social power. Vol. II: The rise of classes and nation-states, 1760—1914 / M.Mann. – Cambridge, 1993.
59. Martin, J. N. Intercultural communication in contexts, 4th ed. / J.N. Martin & T.K. Nakayama. – Boston: McGraw Hill, 2007.
60. McGivney, V. Adult Education in Development. Methods and approaches from changing societies / V. McGivney, F. Murray. – Leicester: NIACE, 1991.
61. Melissen, J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice/ Jan Melissen // The New Public Diplomacy: Soft Power in the Information Age. – New York: Palgrave Macmillan, 2005.
62. Messner, W. Advancing Competencies for Intercultural Collaboration / W. Messner, N. Schäfer // In: Globalization of Professional Services / U. Bäumer, P. Kreutter, W. Messner (Eds.). – Heidelberg: Springer, 2012.
63. Meunier, S. The State of the European Union / S. Meunier, K. McNamara. – Oxford, 2007.
64. Mitrany, D. The Functional Theory of Politics. D. Mitrany. –London School of Economics and Political Science, London: Martin Robertson and Co., 1975.
65. Moore B. Privacy. Studies in social and cultural theory / B. Moor. – NY., 1984.
66. Cull, N.J. Public Diplomacy: Lessons from the Past / N.J. Cull. – Figueroa Press, LA, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://uscpublicdiplomacy.org/publications/perspectives/CPDPerspectivesLessons.pdf> (дата обращения 12.09.2015).
67. Nye J. S. Soft Power and American Foreign Policy / J.S. Nye // Political Science Quarterly. – Academy of Political Science, 2004
68. Nye J. S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / J.S. Nye. – New York. 1991.
69. Nye, J. S. Bound to lead: The changing nature of American power / J.S. Nye. – New York: Basic Books, 1990.
70. Nye, J. S. Soft power: The means to success in world politics / J.S. Nye. – New York: PublicAffairs, 2004.
71. Nye, J.S. Soft Power Matters in Asia / J.S. Nye // The Japan Times, December 5, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/1486/soft_power_matters_in_asia.html (дата обращения 10.10.2015).
72. Peach, M. Globalization of education in Spain: From isolation to internationalization to globalization / M. Peach // Higher Education in Europe. – 2001. – Т. 26. – №. 1. – С. 69-76.
73. Подъяпольский, С.А. «Мягкая сила» и «умная сила» современного Китая / С.А. Подъяпольский // Журнал Сибирского федерального университета. – Серия: гуманитарные на-

- уки. – 2014 – №7 (2) [Электронный ресурс]. – URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/10238> (дата обращения 13.10.2015).
74. Pollack, M. The Engines of European Integration: Delegation, Agency and Agenda Setting in the EU / M. Pollack. – Oxford, New York: Oxford University Press, 1998.
75. Ross, G. European Integration and Globalization / G. Ross // Globalization and Europe: Theoretical and Empirical Investigations. Ed. by R. Axtmann. – London: Pinter, 1998.
76. *Rehn, O.* Europe's smart power in its region and the world. Speech at the European Studies Centre, St Antony's College, University of Oxford, 1 May 2008 [Электронный ресурс] / O. Rehn. – URL: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/08/222> (дата обращения 03.10.2015).
77. Ronfeldt, D. Noopolitik: A New paradigm for Public Diplomacy / D. Ronfeldt, J. Arquilla // Routledge Handbook of Public Diplomacy. – NY: Routledge, 2009. – P. 352–362.
78. Rosamond, B. Theories of European Integration / B. Rosamond. – Palgrave Macmillan, 2000.
79. Rubenson, K. Interaction Between Formal and Non-Formal Education / K. Rubenson. – Paris, Paper for Conference of the International Council for Adult Education, 1982.
80. Samovar, L. A. Communication between cultures, 4th ed. / L. A. Samovar, R. E. Porter. – Belmont, CA: Wadsworth Press, 2004.
81. Sartania, V. The Urgent Need to Integrate in the Sector of Higher Education / V. Sartania // Higher Education in Europe. – 2001. – Vol. 26. – No. 1 – P. 123 – 124.
82. Scott, P. Massification, Internationalization and Globalization / P. Scott // In P. Scott (Ed.), The Globalization of Higher Education. – Buckingham: The Society for Research into Higher Education/Open University Press, 1998. – P. 108-129.
83. Scott-Smith, G. Exchange programs and public diplomacy / G. Scott-Smith // The Routledge Handbook of Public Diplomacy. – 2008.
84. Scribner, S. Cognitive Consequences of Formal and Informal Education / S. Scribner, M. Coe // Science. – 1973. – N 182. – P. 553 – 559.
85. Skidmore T. E. Bi-racial USA vs. multi-racial Brazil: is the contrast still valid? / T. Skidmore // Journal of Latin American Studies. – 1993. – T. 25. – №2. – C. 373-386.
86. Skocpol, Th. States and social revolutions / Th. Skocpol. – Cambridge, 1979.
87. Spitzberg, B. H. A Model of Intercultural Communication Competence / B.H. Spitzberg // In: L. A. Samovar, R. E. Porter (Ed.) Intercultural Communication - A Reader. – Belmont: Wadsworth Publishing, 2000. – P. 375-387.
88. The International Encyclopedia of Education. Oxford, 1985.
89. Tight, M. Key Concepts in Adult Education and Training / M. Tight. – London: Routledge, 1996.
90. Ting-Toomey, S. Communicating across cultures / S. Ting-Toomey. – New York: The Guilford Press, 1999.
91. Triandis, H.C. Essential of Studying Cultures / H.C. Triandis // Handbook of Intercultural Training. Vol. 1. New York, 1983.
92. Wagner, C. From hard power to soft power? Ideas, interaction, institutions, and images in India's South Asia policy / C. Wagner // Heidelberg Papers in South Asian and Comparative Politics, Working Paper no. 26, South Asia Institute, Department of Political Science, University of Heidelberg, Germany, 2005.
93. Wallace, W. The Dynamics of European Integration / W. Wallace. – L, 1991.
94. Wilson, E.J. Hard Power, Soft Power, Smart Power / E.J. Wilson // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – 2008. – T. 616. – № 1. – P. 110–124.

95. Wiseman, R. L. Intercultural Communication Competence / R.L. Wiseman // In: Gudykunst, William B (ed.), Cross-Cultural and Intercultural Communication, Thousand Oaks: Sage, 2003. – P.191-208.
96. Zaharna, R.S. The Soft Power Differential: Network Communication and Mass Communication in Public Diplomacy / R.S. Zaharna // The Hague Journal of Diplomacy. 2007;
97. Zaharna, R.S. Analyzing China's Confucius Institutes as a Network Public Diplomacy Initiative. International Studies Association, San Diego, CA, April 1-4, 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/3778518/Draft_RS_Zaharna_Analyzing_Chinas_Confucius_Institutes_as_a_Network_Public_Diplomacy_Initiative_International_Studies_Association_San_Diego_CA_April_1-4_2012 (дата обращения 01.11.2015).
98. Абрамец, С.М. Аналитическая записка по книге «软实力战略» «Стратегия «мягкой силы» Китая» / С.М. Абрамец // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. – 2013. – № 13. – С. 140–141.
99. Айзенкоп, Б.М. Молодежная политика в Российской Федерации (поиск оптимальных решений) / Б.М. Айзенкоп. – М.: МАКС Пресс, 2003.
100. Акулич, М.М. Образование в условиях глобализации / М.М. Акулич // Университетское управление. – 2005. – № 5 (38). – С. 50-57.
101. Александров Д. «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии / Д. Александров, И. Ипполитов, Д. Попов // Россия и мусульманский мир. – 2014. – № 2 (260). – С. 62–80.
102. Алексеева, В.А. Русское православие как феномен культуры: автореф. дис. докт. филос. наук: (24.00.11) / В.А. Алексеева. – Тюмень, 2001. – 48 с.
103. Анашкина, И.А. Язык и культура. Культурно-аксиологический подход / И.А. Анашкина. – М.: Русский язык, 1994. – 120 с.
104. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
105. Арженовский, Б.М. Активизация молодежной инициативы: проблемы, поиски, решения / Б.М. Арженовский. – Ростов-на-Дону, 2005.
106. Артановский, С.Н. На перекрестке идей и цивилизаций / С.Н. Артановский. – СПб., 1994.
107. Арутюнов, С.А. Народы и культуры, развитие и взаимодействие / С.А. Арутюнов. – М., 1989.
108. Арутюнян, Ю.В. Этносоциология / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробичева, А.А. Сусоколов. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 271 с.
109. Астафьева, О.Н. Россия на пути к информационному обществу: перспективы открытого правительства в контексте идей модернизации / О.Н. Астафьева, В.И. Савинков // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2013. – № 13. – С. 234–243.
110. Астахов, Е.М. Мировая практика культурной дипломатии / Е.М. Астахов // Диалог культур и партнерство цивилизаций. VIII Международные Лихачевские научные чтения. 22-23 мая 2008 г. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008.
111. Ахиезер, А.С. Культурные основы этнических конфликтов / А.С. Ахиезер // Общественные науки и современность. – 1994. – № 4. – С. 115–126.
112. Ашин, Г.Н. Элиты как субъекты модернизации / Г.Н. Ашин // Модернизация и национальная культура. – М., 1995.
113. Бажанов, Е.П. Современный мир. Избранные труды / Е.П. Бажанов. – М.: Известия, 2004.
114. Бажанов, Е.П., Куда идет человечество? О тенденциях международных отношений в XXI веке / Е.П. Бажанов, Н.Е. Бажанова. – М.: Восток-Запад, 2009.

- 115.Бажанов, Е.П. Многополюсный мир / Е.П. Бажанов, Н.Е. Бажанова. – М.: Восток-Запад, 2010.
- 116.Бандурка, А.М. Этнопсихология / А.М. Бандурка, В.А. Друзь. – Харьков: Издательство УВД, 2000. – 242 с.
- 117.Баталова, Т.М. Межкультурные процессы в языке и в художественном произведении / Т.М. Баталова // Содержание и принципы лингвистических исследований: сб. научных трудов под ред. В.Н. Комиссарова. – М.: Инт-т Морриса Тореза, 1989.– вып.343. – С.13–17.
- 118.Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М., 1975.
- 119.Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У.Бек. – М., 2000.
- 120.Беликов, В.И. Социоллингвистика / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: РГГУ, 2001. – 439 с.
- 121.Белукова, Е.С. Сотрудничество государств-членов ШОС в сфере высшего образования: университет ШОС как успешная модель партнерства / Е.С. Белукова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 8 (668). – С. 142–147.
- 122.Беляева, А.П. Тенденции развития профессионального образования / А.П. Беляева // Непрерывное многоуровневое профессиональное образование / Под науч. ред. Х. Беднарчика. – СПб.: Изд-во ИТЭ, 1997. – С.9–18.
- 123.Белянин, В.П. Введение в психолингвистику. Изд. 2-е, испр. и доп. / В.П. Белянин. – М.: ЧеРо, 2000. – 128 с.
- 124.Бенедикт, Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры / Р. Бенедикт. — М.: Наука, 2007. — 360 с.
- 125.Бергельсон, М. Б. Межкультурная коммуникация как исследовательская программа: лингвистические методы изучения кросс-культурных взаимодействий / М.Б. Бергельсон // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – №. 4. – С. 166–181.
- 126.Беспалов, С.В. Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. – М.: Евразийская сеть политических исследований, ИАЦ МГУ по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве, 2008. – 68 с.
- 127.Бестужев-Лада, И. В. Молодость и зрелость: Размышления о некоторых социальных проблемах молодежи / И. В. Бестужев-Лада. — М.: Политиздат, 1984.
- 128.Бестужев-Лада, И. В. Социальное прогнозирование. Курс лекций / И. В. Бестужев-Лада, Г. А. Наместникова. – М.: Педагогическое общество России, 2002.
- 129.Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М., 2010.
- 130.Библер, В.С. От наукоучения к логике культуры: две философии / В.С. Библер. – М., 1989.
- 131.Богатуров, А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе / А.Д. Богатуров // Международные процессы. – 2006. – Т.4. – № 3(12) [Электронный ресурс]. URL: <http://intertrends.ru/twelfth/001.htm> (дата обращения 1.11.2015).
- 132.Богатуров, А.Д. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. Очерки текущей политики. Вып. 4 / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, Е.Ф. Троицкий. – М., 2010.
- 133.Боголюбова, Н.М. Теоретические аспекты проблемы внешней культурной политики / Н.М. Боголюбова, Ю.В. Николаева // Америка и мир: история и современность. – СПб., 2006 — 277 с.

134. Богословский, В.И. Развитие академической мобильности в многоуровневом университетском образовании / В. И. Богословский, С. А. Писарева, А. П. Тряпицына. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2007. – 95 с.
135. Бойко, Ю.П. Основы нацио-государственного строительства: Мировой опыт и российские реалии. В 2 т. 2-е изд., переработ, и доп. Том I. Мир / Ю.П. Бойко. – М.: Восток - Запад, 2009.
136. Бордовская, Н.В. Поликультурное воспитание: теоретический аспект / Н.В. Бордовская, А.А. Реан. – М., 2001.
137. **Боришполец, К.П.** Национальное измерение «глобального» мира / К.П. Боришполец // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2001. – № 1. – С.3–15.
138. **Борцов, Ю.С.** Национальное и общечеловеческое в современной культуре / Ю.С. Борцов // Учебный курс по культурологии Ростов-н/Д.: Феникс, 1996. – 576 с.
139. Бранденбург, У. Друг или враг? Миф о «хорошей» интернационализации... и «плохой» глобализации / У. Бранденбург // Императивы интернационализации / Отв. ред. М.В. Ларионова, О.В. Перфильева. – М.: Логос, 2013. – С.52–66.
140. Бринёв, Н.С. Академическая мобильность студентов как фактор развития процесса интернационализации образования / Н.С. Бринёв, Р.А. Чуянов // Пути развития высшего образования в России: материалы научно-практической конференции. – Омск: ОГПУ, 2001. – С.31–34.
141. Бубер, М. Я и Ты / М. Бубер // Квинтэссенция. Философский Альманах. – М., 1992.
142. Бурматов, В.В. Уникальна ли «мягкая сила» для демократического общества? / В.В. Бурматов // Власть. – 2012. – № 11. – С. 009–013.
143. Бурсов, А.В. Политология / А.В. Бурсов, Е.Л. Петренко, В.Г. Сироткин, Г.Н. Смирнов. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006.
144. **Бусыгина, И.М.** Евросоюз: от частного к общему / И.М. Бусыгина, М.Г. Филиппов // Россия в глобальной политике. – 2010. – №1.
145. **Валитова, Р.Р.** Толерантность: порок или добродетель? / Р.Р. Валитова // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. — 1996. – № 1. – С.33-37.
146. Ван Г. Политика «мягкой силы» России и КНР в отношении стран Центральной Азии (на примере Казахстана) / Г. Ван, Е.В. Журавлева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 60–69.
147. Ваплер, В.Я. Идея империи и «мягкая сила»: мировой опыт и российские перспективы / В.Я. Ваплер, Н.Э. Гронская, А.С. Гусев и др. // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. – 2010. – Вып. 1. – С.38–39.
148. **Варга, А.Я.** О некоторых особенностях российской ментальности и их проявлениях в процессе семейной психотерапии / А.Я. Варга // Вестник Московского Университета. Сер. 14. Психология. – 1996. – № 3. – С.68-76.
149. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990.
150. Веденина, Л.Г. Теория межкультурной коммуникации и значение слова / Л.Г. Веденина // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 5. – С. 73-76.
151. Вежицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва / А. Вежицкая. – М.: Языки славянской культуры. 2001. – 288 с.
152. **Верещагин, Е.М.** Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980.

153. Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М. **Верещагин**, В.Г. Костомаров. – М.: 1990.
154. Владимирова, А.В. Страновой брендинг и его отражение в глобальных рейтингах «мягкой силы» / А.В. Владимирова, В.А. Королев, А.А. Трунина // Вестник международных организаций. – 2014. – № 2. – С. 209–22.
155. Внешняя политика и дипломатия Российской Федерации. Учебник. Отв. ред. Панов А.Н. М.: Восток–Запад, 2010.
156. **Волков**, Ю.Г. Социология молодежи / Ю.Г. Волков, В.И. **Добренков**, Ф.Д. Кадария, И.П. **Савченко**, В.А. Шаповалов; под ред. проф. Ю.Г. Волкова. — Ростов-н/Д.: Феникс, 2001.
157. Володин, А.Г. Внешняя политика Индии: смена парадигмы? / А.Г. Володин // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2015. – № 2. – С. 44.
158. Володина, Е.Д. Систематизация форм международной академической мобильности студентов / Е.Д. Володина // Вестник ЧГПУ. – 2014. – №2. – С.93-102.
159. Волохова, А.А. Основы китайской дипломатии. Эволюция пяти принципов мирного сосуществования в 1949-2006 годах. – М.: Научная книга, 2007.
160. Воробьев, В.П. Проблемы развития и реформирования СНГ / В.П. Воробьев. – М.: Восток – Запад, 2009.
161. Воскресенский, А.Д. Шанхайская организация сотрудничества и российско-китайское взаимодействие в Центральной Азии / А.Д. Воскресенский. – М., 2004.
162. Вохрышева, М. Г. Современные стратегии культурологического образования / М.Г.Вохрышева. – Самара, 2001.
163. Галичин, В.А. Академическая мобильность в условиях интернационализации образования / В. А. Галичин. – М.: Университетская книга, 2009. – 460 с.
164. Гаман, О.В. Модернизация и культурная традиция / О.В. Наман // Модернизация и национальная культура. – М., 1995.
165. Гасанов, З.Т. Педагогика межнационального общения / З.Т. Гасанов. – М., 1999. – 312 с.
166. Гидденс, Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М., 2004.
167. Гиль, С.С. Теоретические и прикладные основы создания системы социально-педагогической поддержки молодежных инициатив на муниципальном уровне: [Монография] / С.С. Гиль, С.А. Осинцева. – М., 2003. – 188 с.
168. Горелов, И.Н. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2001. – 303 с.
169. Горошко, Е.И. Языковое сознание (ассоциативная парадигма): автореф. дис. канд. филол. наук: (10.02.19). – М., 2001. – 41 с.
170. Горшков, М.К. Молодежь России: социологический портрет / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.
171. Горшков, М.К. О жизненных планах российской молодежи: настоящее и будущее // Россия и Китай: молодежь XXI века [монография] / отв. редакторы: М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. — М. Новый хронограф, 2014. – С. 384-404.
172. Гребенщикова, Е.Г. «Третья миссия университета»: от «второго типа» производства знания к «тройной спирали» инноваций / Е.Г. Гребенщикова // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 4. Т. 1 (Гуманитарные науки).
173. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М., 2003. – 288 с.

174. Гусев, Б. Б. Стратегия государственной молодежной политики [Текст] / Б. Б. Гусев. – М., 2007. – 141 с.
175. Давыдов, Ю.С. Поликультурное образование в современной России: проблемы и перспективы / Ю.С. Давыдов, Л.Л. Супрунова // Педагогика. – 1998. – № 3. – С. 122-124.
176. Данилевич, А.И. Концепт как средство репрезентации национально-культурной ментальности / А.И. Данилевич // Вестник Кемеровского Государственного Университета Культуры И Искусств. – 2014. – № 29-2. – С. 95–99.
177. Данилин, П. Новая молодежная политика 2003-2005. / П.Данилин. – М.: Европа, 2006.
178. Дашиева, Б.В. Концепт образа мира в языковом сознании русских, бурят и англичан: (Национально-культурный аспект): автореф. дис. канд. филол. наук: (10.02.19) / Б.В. Дашиева. – М., 1999. – 24 с.
179. Девятова, И.Е. Академическая мобильность студентов: уровень вуза / И.Е. Девятова // Высшее образование в России. – 2012. – № 6. – С.112–116.
180. Дерзаев, С.В. Перспективы развития академической мобильности / С.В. Дерзаев // ФЭН-Наука. – 2013. – №. 3 (18).
181. Джонс, Э. Глобализация интернационализации: размышления... об устоявшейся концепции / Э. Джонс, Х. де Вит // Императивы интернационализации / Отв. ред. М.В. Ларионова, О.В. Перфильева – М.: Логос, 2013. – 420 с. – С.21-52.
182. Джуринский, А. Интернационализация высшего образования: тенденции и проблемы / А. Джуринский // Вестник высшей школы. – 2002. – №9. – С. 44.
183. Динес, В. Государственная молодежная политика: современное состояние и перспективы / В. Динес, В. Третьяк // Власть. – 2005. – № 8. – С.175-180.
184. Дмитриев, А.В. Насилие: Социо-политический анализ / А.В. Дмитриев, И.Ю. Залысин. – М.: РОССПЭН, 2000.
185. Дмитриев, А.В. Социальный конфликт: общее и особенное / А.В. Дмитриев. – М.: Гардарики, 2002.
186. Дмитриев, Г.Д. Многокультурное образование / Г.Д. Дмитриев. – М., 1999.
187. Долинский, А.В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / А.С. Долинский. – Москва 2011.
188. Дридзе, Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии / Т.М. Дридзе // Общественные науки и современность. – 1996. – №3. – С. 145–152.
189. Дробижева, Л.М. Социально-культурное многообразие как ресурс трансформирующегося Сочи / Л.М. Дробижева, Е.М. Арутюнова, И.М. Кузнецов, Е.Ю. Щеголькова. – М.: Институт социологии РАН, 2009. – 64 с.
190. Дубов, И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ / И.Г. Дубов // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 20-29.
191. Егимбаев К.К. Борьба с терроризмом в условиях глобализации // Известия Института философии, политологии и права им. А.Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. – 2014. – № 3. – С. 62–66.
192. Емелин, Н. Систематизация инноваций в образовательной деятельности / Н.М. Емелин, Е.Д. Володина, О.В. Голодкова // Известия Института инженерной физики. – 2014. – №1(31). – С. 86-88.

- 193.Емелин, Н.М. Развитие и оценка уровня профессиональной мотивации студентов / Н.М. Емелин, П.А. Рябов // Серпухов, Известия Института инженерной физики. – 2013. – №2(28). – С. 93-95.
- 194.Ермолин, А. Национальная молодежная политика: партнерская модель / А. Ермолин // Народное образование. – 2008. – № 3. – С. 10-17.
- 195.Жилина, А.И. Модель управления непрерывным педагогическим образованием в современных условиях развития образования в России / А.И. Жилина // Региональное образование XXI века: проблемы и перспективы. – 2012. – № 5. – Р. 37–44.
- 196.Жильцов, С.С. Эволюция политики России на постсоветском пространстве / С.С. Жильцов, В.П. Воробьев, А.Д. Шутков. – М.: Восток - Запад, 2010.
- 197.Жукова, Л.В. Неформальное образование: социально-философский анализ (на примере США). Автореферат дисс. на соиск. степени канд. наук / Л.В. Жукова. – Ростов-на-Дону, 1994.
- 198.Задохин, А.Г. Россия в Евразии и мировой политике / А.Г. Задохин. – М., 1998.
- 199.Задохин, А.Г. Глобализация и глобальные проблемы человечества (методология анализа) / А.Г. Задохин, А.В. Митрофанова. – М, ДА МИД РФ, 2003.
- 200.Зарубина, Н.Н. О социокультурной самобытности России как предпосылке ее модернизации / Н.Н. Зарубина // Модернизация и национальная культура. – М., 1995.
- 201.Звягина, Д.А. «Мягкая сила»: структурный анализ // Инициативы XXI века. – 2012. – № 3. – [Электронный ресурс] / Д.А. Звягина. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18326673> (дата обращения: 1.11.2015).
- 202.Зеленин, А.А. Молодежная политика Российской Федерации: инновационные технологии обеспечения и механизмы реализации / А. А. Зеленин. – Москва/Кемерово: Издательское объединение «Российские университеты»: АСТШ – Кузбассвуиздат, 2008. – 290 с.
- 203.Зноненко, Л.В. Развитие академической мобильности студентов педагогического вуза в условиях непрерывного образования: Автореф. дис. кандидата. пед. наук / Л.В. Зноненко. – Омск, 2008. – 24 с.
- 204.Золотухин, Д.С. Воспитание детей и молодежи - дело государственное: из опыта реализации гос. молодеж. политики в Курской области / Д.С. Золотухин. – Курск : Издат. дом «Славянка», 2003. – 230 с.
- 205.Зотов, А.А. Массовая коммуникация в формировании современного социокультурного пространства («круглый стол») / А.А. Зотов // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – с.73–82.
- 206.Зубок, Ю.А. Формирование политического сознания российской молодежи и обуславливающие его противоречия / Ю.А. Зубок, О.В. Сорокин // Социология власти. – 2010. – №4.
- 207.Иваненко, С.П. Молодежь и государство: инновационные подходы (на материалах Оренбургской области) / С.П. Иваненко, А.Ж. Кусжанова. – Оренбург, 2005.
- 208.Иванова, Н.А. Российские НПО как инструмент управления в контексте «мягкой силы» России в Прибалтике и Казахстане / Н.А. Иванова // Право и управление. XXI век. – 2014. – № 3 (32). – С. 47–52.
- 209.Игнатьева, С.В. Национальная ментальность в дневниковом дискурсе / С.В. Игнатьева // Естественно-гуманитарные исследования. – 2013. – № 1. – С. 79–84.
- 210.Иконникова, Н.К. Механизмы межкультурного восприятия / Н.К. Иконникова // Социологические исследования. – 1995. – №11.

211. Иконникова, С.Н. Молодёжь. Социологический и социально-психологический анализ / С.Н. Иконникова. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1974.
212. Иконникова, С.Н. Социология о молодежи / С.Н. Иконникова. – Л., 1985.
213. Ильин, И.В. Эволюционный подход к глобальным исследованиям и образованию: теоретико-методологические проблемы / И.В. Ильин, А.Д. Урсул // Век глобализации. – №1(5). – 2010. – С. 5-17.
214. Ильинский, И. М. Молодёжь в контексте глобальных процессов развития мирового сообщества / И.М. Ильинский // Молодёжь и общество на рубеже веков. – М. : Изд-во Ин-та молодежи, Голос, 1999. – С. 23-44.
215. Ильинский, И.М. Молодёжь и молодёжная политика: [Философия. История. Теория.]. – М. : Голос, 2001. – 694 с.
216. Ильинский, И. М. О молодёжной политике российского политического центризма. – М. : Социум, 1999. – 102 с.
217. Ионин, А.Г. Социология культуры / А.Г. Ионин. – М., 1998.
218. Каган, М.С. Философия культуры: Становление и развитие / М.С. Каган. – СПб. 1995.
219. Казанцев, А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: Мировая политика и Центральная Азия / А.А. Казанцев. – М.: Наследие Евразии, 2008.
220. Казанцев, А.А. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» / А.А. Казанцев, В.Н. Меркушев // Полис. – 2008. – №2.
221. Казбеков, Б.К. Интеграционные возможности развития экономики Казахстана / Б.К. Казбеков // Транзитная экономика. – 2005. – № 5–6. – С. 116-124.
222. Калинина, Н.М. Индивидуальная академическая мобильность студентов в условиях развития открытого образовательного пространства / Н.М. Калинина // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2012. – №. 16.
223. Калинина, Н.М. Компетентностная модель подготовки выпускника в системе двухуровневого образования в России / Н.М. Калинина // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2010. - № 11. – С. 107–111.
224. Калю, А.С. На изломе века: записки политика и дипломата / А.С. Калю. – М.: Научная книга, 2006.
225. Камашев, С.В. Глобализация образования и «глобальное образование» в современном мире / С.В. Камашев, Т.С. Косенко // Философия образования. – 2012. – С.124-132.
226. Капустина, Л.М. Экономическое сотрудничество России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества / Л.М. Капустина, Г. Ся. – Екатеринбург, 2009.
227. Кара-Мурза, А. Россия в треугольнике «этнокрафия–империя–нация» / А. Кара-Мурза // Культура: теории и проблемы. – М., 1995.
228. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград - Архангельск, 1996. – С. 3-16.
229. Касевич, В.Б. Болонский процесс в вопросах и ответах / В.Б. Касевич, Р.В. Светлов, А.В. Петров, А.А. Цыб. – Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. – 108 с.
230. Касьянов, В.В. Государство, политика, молодёжь / В.В. Касьянов // Теория и практика общественного развития. – 2008. – № 1. – С. 22-25.
231. Кирсанов, Г.В. Шанхайская организация сотрудничества: правовые аспекты развития региональных антитеррористических институтов / Г.В. Кирсанов // Журнал российского права. – 2004. – № 3. – С. 129-137.

232. Клементовичус, Я.Я. Академическая мобильность в рамках Болонского процесса: учебно-методическое пособие / Я.Я. Клементовичус. – СПб: ГУЭФ, 2006. – 78 с.
233. Клименко, А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны безопасности / А.Ф. Клименко. – М., 2009.
234. Клоков, В.Т. Символический компонент значения в семантике языковых единиц / В.Т. Клоков, Е.А. Алексеева // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2001. вып 1. – С.43-39.
235. Ключевые компетенции для обучения в течение всей жизни – Европейские рамочные установки от 18 декабря 2006. [Электронный ресурс]. URL <http://www.informika.ru/windows/magaz/newpaper/messedu/cour0104/2300.htm> (дата обращения: 15.10.2015).
236. Ковалева, А.И. Социология молодежи: теоретические вопросы / А.И. Ковалева, В.А. Луков // М.: Социум. – 1999. – Т. 351. – № 2.
237. Колесникова, И.А. Педагогическая реальность: опыт межпарадигмальной рефлексии / И.А. Колесникова. – СПб.: Детство. Пресс, 2001. – 286 с.
238. Комиссина И. Н.; Куртов А. А. Шанхайская организация сотрудничества / Россия в Азии: проблемы взаимодействия: сборник статей. – М., 2006. – С. 251–316.
239. Комиссина, И. Проблемы развития сотрудничества Китая и Центральной Азии / И. Комиссина, А. Куртов // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья. Аналитический альманах. – М., 2003. – Вып. 15. – С. 39-54.
240. Кон, И.С. Социология молодёжи. В кн.: Краткий словарь по социологии / И.С. Кон. – М., 1988.
241. Кон, И.С. Социология личности / И.С. Кон. – М.: Издательство политической литературы. – 1967.
242. Кон, И.С. Психология старшеклассника: пособие для учителей / И.С. Кон. — Москва, 1980. — 192 с.
243. Кондратьева, Н.Б. Таможенный союз ЕврАзЭС: по стопам Европы? / Н.Б. Кондратьева // Современная Европа. – 2009. – № 3. – С.102-118.
244. Коргунюк, Ю. Молодежная политика современных российских партий: теория и практика / Ю. Коргунюк // Россия на рубеже веков: политические партии и молодёжь. – М.: 2000.
245. Корнеева, Т.С. Менталитет как социокультурный феномен: автореф. дис. канд. филос. наук: (09.00.11) / Т.С. Корнеева. – Екатеринбург, 2001. – 21 с.
246. Косачев, К.И. «Мягкая сила» России: теория и реальность / К.И. Косачев // «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика». – 2014. – Т. 9. – № 2.
247. Косов, Ю.В. Содружество независимых государств: институты, интеграционные процессы, конфликты / Ю.В. Косов, А.В. Торопыгин. – М, 2008.
248. Костерина, И.В. Практики маскулинности в молодежных группах / И.В. Костерина // Социологические исследования. – 2010. – №1(309). – С. 116-126.
249. Костырев, А.Г. Разумная сила, общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики / А.Г. Костырев // Политические исследования. – 2013. – №. 2. – С. 143-149.
250. Костюнина, Г.М. Азиатско-тихоокеанская экономическая интеграция / Г.М. Костюнина. – М. МГИМО, 2002 –208 с.
251. Коэн, Р. Социальные последствия современного технического прогресса / Р. Коэн. // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.

252. Кравченко, И.И. Модернизация и судьбы современной России / И.И. Кравченко // Модернизация и национальная культура. – М., 1995.
253. Краевский, В.В. Содержание образования: вперед к прошлому / В.В. Краевский. – М.: Педагогическое сообщество России, 2000. – 35 с.
254. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
255. Криворученко, В.К. Молодежная политика: взгляд ученого и практика / В.К. Криворученко // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2.
256. Кривохиж, С.В. Публичная дипломатия Китайской Народной Республики: становление и развитие. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / С.В. Кривохиж. – Санкт-Петербург, 2014. – 165 с.
257. Крысько, В.Г. Этническая психология / В.Г. Крысько. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 320 с.
258. Кузнецова, С.И. Центральная Азия: надвигающаяся буря? Central Asia: A gathering storm? / Ed. by Rumer B.; Sharpe, 2002. XIII, 442 p. / С.И. Кузнецова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. — 2003. — № 4. — С. 47–62.
259. Кузьмин, А.В. Управление академической мобильностью как фактор развития международной интеграции в образовании: автореферат дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена] / А.В. Кузьмин. – Санкт-Петербург, 2007. – 26 с.
260. Кулматов, К.Н. Мир в начале XXI века (Размышления российского дипломата и ученого) / К.Н. Кулматов. – М.: Известия, 2006.
261. Кулматов, К.Н. Региональные аспекты международных отношений / К.Н. Кулматов, А.В. Митрофанова. – М.: Восток - Запад, 2010;
262. Куприянова, Г.В. Правовой статус и деятельность органов по делам молодежи Российской Федерации / Г.В. Куприянова, В.В. Нехаев, О.В. Татаринов. – Тула, 2002.
263. Кутенев В.В. Евразийская интеграция и «мягкая сила» России // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2013. – № 4.
264. Кухаренко, Н.В. Китайская политика «мягкой силы» в отношении Белоруссии, Украины и стран центральной Азии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы IV международной научно-практической конференции. Ответственные редакторы: Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск, 2014. – С. 480-485.
265. Кухаренко Н.В. Политика «мягкой силы» как инструмент внешней политики Китая // Россия и Китай: новый вектор развития социально-экономического сотрудничества. Proceedings of the 2nd International Scientific Conference. под общ. ред. Л.А. Понкратовой, А.А. Забияко. – Благовещенск, 2014. – С. 168-173.
266. Лазутина, И.В. Систематизация лучших зарубежных подходов к реализации политики «мягкой силы» / И.В. Лазутина, В.А. Нагорнов, М.М. Рахмангулов, А.Г. Сахаров, А.В. Шелепов // Вестник международных организаций. – 2014. – № 2. – С. 229–245.
267. Ларченко, С.Г. Межкультурное взаимодействие в историческом процессе / С.Г. Ларченко, С.Н. Еремин. – Новосибирск, 1991.
268. Лебедева, М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия / М.М. Лебедева // Вестник МГИМО университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 47–55.
269. Леви-Стросс, К. Раса и культура / К. Леви-Стросс // Культурология XX век. Дайджест. Проблемно-тематический сборник. – М, 1997.

270. Левитская, А. О законопроектной деятельности в сфере молодежной политики / А. Левитская // Народное образование. – 2008. – № 1. – С. 15–20.
271. Леднев, В.С. Непрерывное образование. Структура и содержание / В.С. Леднев. – М., 1988. – 171 с.
272. Леонтьев, А.А. Национально-культурная специфика речевого поведения / А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1977. – 352 с.
273. Летаева, Л.А. Русская ментальность и национальный характер в отечественной и зарубежной русистике / Л.А. Летаева // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2006. – № 2. – С. 233–239.
274. Ли, В.Ф. Теория международного прогнозирования / В.Ф. Ли. – М.: Научная книга, 2002.
275. Лисовский, В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России / В.Т. Лисовский. – СПб., 2000.
276. Лиферов, А.П. Глобальное образование - путь к интеграции мирового образовательного пространства: монография / А.П. Лиферов. – М.: Педагогический поиск, 1997. – 110 с.
277. Лихачев, А.Е. Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана, современный этап и перспективы развития / А.Е. Лихачев // Всероссийский внешнеэкономический вестник. – 2010. – № 6. – С. 4–23.
278. Логвиненко, В.П. Молодежь в процессах развития; глобальное партнерство и особенности российской действительности / В.П. Логвиненко // Молодежь и будущая Россия. Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции. – М., 2008.
279. Лузянин, С.Г. Китайские «корни» и российские «ветви» в Центральной Азии (к вопросу о соотношении политики КНР и РФ в регионе) / С.Г. Лузянин // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – № 3 (51). – С. 117–126.
280. Лукин, А.В. ШОС: итоги российского председательства / А.В. Лукин // Международная жизнь. – 2009. – № 10. – С. 23–37.
281. Лукин, А.В. Эволюция образа Китая в России и российско-китайские отношения / А.В. Лукин. – М., 2007.
282. Лукин, А.В. Шанхайская организация сотрудничества: что дальше? / А.В. Лукин // Россия в глобальной политике. – 2007. – Том 5. – № 3. – С. 23–24.
283. Лукин, А.В. Шанхайская организация сотрудничества: проблемы и перспективы / А.В. Лукин // Международная жизнь. – 2004. – № 3. – С. 113–126.
284. Луков, В.А. Теории молодежи: пути развития (начало) / В.А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 3.
285. Лукс, Г.А. Политическая и общественная активность молодежи на рубеже столетий / Г.А. Лукс // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук». Гл. ред. В.А. Щорин Самара, 2001.
286. Лю, Ц. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая / Ц. Лю // Политические исследования. – 2009. – № 4. – С. 149–155.
287. Макаев, В.В. Поликультурное образование актуальная проблема современной школы / В.В. Макаев, З.А. Малькова, Л.Л. Супронова // Педагогика. 1999. – № 4. – С. 3–10.
288. Макареня, А.А. Неформальное образование как условие социального взаимодействия в процессе повышения квалификации / А.А. Макареня, О.В. Ройтблат, Н.Н. Суртаева // Человек и образование. – 2011. – № 4 (29). – С. 59–63.

289. Малащенко, А.В. Тупики интеграции в Центральной Азии / А.В. Малащенко // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии сравнительный анализ, возможности и перспективы. – Бишкек, 2007. – С. 16-24.
290. Малинецкий Г.Г. Проектирование будущего и модернизация России (Статья 2) Инновационный тупик России / Г.Г. Малинецкий // Управление мегаполисом. – 2010. – № 5. – С. 63–75.
291. Мангейм, К. Диагноз нашего времени / К. Мангейм. – М., 1994.
292. Манекин, Р.В. Некоторые аспекты методологии квантификационного исследования ментальности / Р.В. Манекин // Вестник МГУ, сер.7. Философия. – 1992. – Вып. 1. – С. 75-79.
293. Маркин, В.В. Социальное моделирование пространственных трансформаций. Мониторинг региональных органов власти / В.В. Маркин, А.А. Нелюбин // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. — Вып. 8. — М.: Институт социологии РАН, 2009. – С. 75-90.
294. Мартыненко, О.О. Академическая мобильность в России: сегодняшние проблемы и ближайшие перспективы (взгляд из регионального вуза) / О.О. Мартыненко, Н.В. Жукова // Интеграция образования. – 2008. – №2. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vvsu.ru/UserFiles/File/bp/publication/upravl_mobil.doc (дата обращения 10.10.2015).
295. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М., 2001. – 208 с.
296. Медведев, Н.П. Становление федерализма в России / Н.П. Медведев. – М., 1995.
297. Меморандум по учёбе через всю жизнь // Комиссия европейского сообщества, Брюссель, 30 октября 2000 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.informika.ru/windows/magaz/newpaper/messedu/cour0104/2300.ht> (дата обращения: 2.11.2015).
298. Меркулова, Э.А. Место и роль Шанхайской организации сотрудничества в обеспечении стабильности и развития в Евразии / Э.А. Меркулова / Дипломат акад. МИД России, Ин-т актуальных междунар. проблем. – М., 2005.
299. Меркулова, Э.А. Пути повышения роли Шанхайской организации сотрудничества как инструмента стабильности и развития в Центральной Азии / Э.А. Меркулова. – М., 2003.
300. Микова, И.М. Понятие и сущность академической мобильности студентов / И.М. Микова // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – №10. – С.266-273.
301. Мильруд, Р.П. Порог ментальности российских и английских студентов при соприкосновении культур / Р.П. Мильруд // Иностранные языки в школе. – 1997. – № 4. – С. 17-22.
302. Минин, Е.М. «Недели образования» государств - членов ШОС как новая форма взаимодействия на образовательном пространстве шанхайской организации сотрудничества / Е.М. Минин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 8 (694). – С. 121-135.
303. Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 95-129.
304. Мищенко, В.А. Национальный менталитет как особый фактор формирования профессиональной мобильности / В.А. Мищенко // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 8. – С. 128–136.
305. Молодежные обмены [Электронный ресурс]. – URL: <http://edu.adukatar.net/articles/molodezhnye-obmeny> (дата обращения 1.11.2015).
306. Молодежь в действии [Электронный ресурс]. – URL: <http://youth-in-action.ru/index.php?id=MS40> (дата обращения 1.11.2015).

307. Молодежь России: Тенденции, перспективы / Под ред. И.М. Ильинского, А.В. Шаронова. – М.: Молодая гвардия, 1993.
308. Морозова, Д. Современная Россия: модернизация vs теневи́зация / Д. Морозова // Экономическая политика. – 2011. – № 5. – С. 190–196.
309. Мосяков Д.В. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии / Д.В. Мосяков // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2010. – Т.14. – С. 5-22.
310. Мудрик, А. В. Социализация человека / А.В. Мудрик. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Academia, 2006.
311. Мухамеджанова, Д.Ш. Интеграционные процессы в Евразии: ЕАЭС и ШОС / Д.Ш. Мухамеджанова // Россия и новые государства Евразии. – 2015. – № 3 (28). – С. 27–33.
312. Мухлио, Е.А. Глобальные процессы в системе образования. Социальные и экономические проблемы реформирования образования в России / Е.А. Мухлио // Глобальное пространство культуры. Материалы международного форума 12-16 апреля 2005г. – СПб, 2005.
313. Мясников, В.С. Квадратура китайского круга. Избранные статьи. В 2 кн / В.С. Мясников. – М.: Восточная литература, 2006.
314. Найт, Д. Развитие интернационализации: новые подходы... и непредвиденные последствия / Д. Найт // Императивы интернационализации / Отв. ред. М.В. Ларионова, О.В. Перфильева – М.: Логос, 2013. – 420 с. – С.68-90.
315. Нестеров, А.Г. Европейские концепции непрерывного образования в начале XXI века / А.Г. Нестеров // Научный диалог. – 2012. – № 5.
316. Нигматуллин, Р.В. Развитие юридической науки и научный потенциал образовательных организаций и научных учреждений стран-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) / Р.В. Нигматуллин // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2014. – № 3. – С. 19-26.
317. Никандров, Н.Д. Воспитание и социализация в современной России: риски и возможности / Н.Д. Никандров // Вестник университета Российской академии образования. – 2006. – № 4. – С. 8–25.
318. Никитина, Ю.А. ОДКБ и ШОС. Модели регионализма в сфере безопасности / Ю.А. Никитина. – М., 2009.
319. Новиков, А.М. Стратегия развития образовательных программ в условиях непрерывного образования / А.М. Новиков // Современные тенденции развития образовательных программ в системе непрерывного образования. Сост. В.А. Ермоленко и др. – М.: ИТИП РАО, 2007.
320. Нормативное и методическое обеспечение академической мобильности [Электронный ресурс] / Формирование инновационного образования в МГУ. – 2007. – URL: <http://inpro.msu.ru/?cat=akadem3>
321. Облизина, В.В. Интеграционные процессы в евразийском экономическом сообществе: институциональные основы и технологии. Автореф. канд. полит наук / В.В. Облизина. – Нижний Новгород. – 2007. – 161 с.
322. Образование в изменяющемся обществе, Резюме встречи глав министерств образования G8, Токио, 1-2 апреля. 2000. [Электронный ресурс]. – URL <http://www.informika.ru/windows/magaz/newpaper/messedu/cour0104/2300.ht> (дата обращения: 8.07.2015).
323. Обучение на протяжении всей жизни - на пути к реализации целей программы ЮНЕСКО // «Образование для всех» и решений пятой международной конференции по образованию взрослых КОНФИНТЕА V», Болгария, 6-9 ноября 2002 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.znanie.org/docs/sofia.html> (дата обращения: 8.07.2015).

- 324.Омельченко, Е.Л. Начало молодежной эры или смерть молодежной культуры? «Молодость» в публичном пространстве современности / Е.Л. Омельченко // Журнал исследований социальной политики. – 2006. – Т. 4. – № 2. – С. 151-83.
- 325.Орленко, Л.П. Модернизация экономики в России: проблемы, состояние и перспективы (или как выполнить Послание Президента России?) / Л.П. Орленко // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2010. – № 34. – С. 20–30.
- 326.Орлов, А.С. Социология рекреации / А. С. Орлов. – М.: Наука, 1995.
- 327.Орлова, Э.А. Проблемы модернизации в России: культурные аспекты / Э.А. Орлова // Теоретические основания культурной политики. – М.: РИК, 1993. – С. 5-26.
- 328.Павловский, В.В. Социология молодежи и ювенология / В.В. Павловский // Социологические исследования. – 1999. – №. 5. – С. 46-52.
- 329.Паршин, П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады. Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. Выпуск 1 (36). – Март 2013.
- 330.Пищальникова, В.А. История и теория психолингвистики. Ч.2. Этнопсихолингвистика / В.А. Пищальникова. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2007. – 228 с.
- 331.Платонов, Ю.П. Основы этнической психологии / Ю.П. Платонов. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 368 с.
- 332.Подолько, Е.О. Эволюция внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики / Е.О. Подолько. – М, 2006.
- 333.Поланьи, К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи. – СПб.: Алетейя, 2002.
- 334.Полозова, О.С. Академическая мобильность в контексте инноваций современного высшего профессионального образования / О.С. Полозова // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. – №1. – С.43-47.
- 335.Послание Президента Федеральному Собранию. 12 ноября 2009 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979> (дата обращения 15.10.2015).
- 336.Примаков, Е.М. Мир после 11 сентября / Е.М. Примаков. – М.: Мысль, 2002.
- 337.Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и и роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – М.: Издательство ИКАР, 1997. – 228 с.
- 338.Прыткова, З.Б. Социально-философские аспекты исследования национального характера русского этноса в современных условиях: автореф. дис. канд. филос. наук: (09.00.11) / З.Б. Прыткова. – Ставрополь, 2001. – 23 с.
- 339.Радевская, Н.С. Актуальные тенденции и проблемы развития открытого профессионального образования / Н.С. Радевская // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 2. – С. 122–125.
- 340.Радиков, И. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы / И. Радиков, Я. Лексютина // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – №2. – С. 19-26.
- 341.Рахматулина Г.Г. Влияние Таможенного союза на экономическое развитие Казахстана. Перспектив интеграции в нефтегазовом секторе / Г.Г. Рахматулина // Евразийская экономическая интеграция. – 2012. – № 1 (14). – С. 77-93.
- 342.Резолюция Европейского Совета об обучении в течение жизни от 27 июня 2002 (2002/С 163/01) / Федеральное государственное учреждение «Федеральный центр образователь-

- ного законодательства». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.lexed.ru/mpраво/razdel7/part3/?part3_13.html (дата обращения: 8.07.2015).
343. Римашевская, Н.М. Население и глобализация / Н.М. Римашевская, В.Ф. Галецкий, А.А. Овсянников. – М.: Наука, 2002. – 322с.
344. Рожнов, О.А. Оценка эффективности реализации молодежной политики // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. – 2011. – №8 (103). – С.76-80.
345. Рудов, Г.А. Я сердцем русский, духом евразиец / Г.А. Рудов. – «Эркин-Тоо», 2002.
346. Русакова, О.Ф. Soft Power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии / О.Ф. Русакова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2013. – № 3 (118). – С. 52-61.
347. Русакова, О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения российской академии наук. – 2010. – № 10. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16260200> (дата обращения: 1.11.2015).
348. Руткевич, М. Н. Социология образования и молодежи. Избранное (1965–2002) / М.Н. Руткевич. – М., 2002.
349. Ручкин, Б.А. Молодёжь и общество: двадцать лет спустя (демографическая ситуация) / Б.А. Ручкин // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 2. – С. 83–91.
350. Ручкин, Б.А. Молодежь как стратегический ресурс развития российского общества / Б.А. Ручкин, В.А. Родионов, А.В. Пыжиков // Социально-гуманитарные знания. – М., 2000. – №1.
351. Савичев, Ю.Н. Россия и Казахстан: сотрудничество в сфере высшего образования / Ю.Н. Савичев // Современная наука. – 2015. – № 2. – С. 26-29.
352. Садохин, А.П. Межкультурная коммуникация / А.П. Садохин. – М.: 2009.
353. Сафонова, В.В. Культурно-языковая экспансия и ее проявления в языковой политике и образовании / В.В. Сафонова // Иностранные языки в школе. – 2002. – №3. – С.22-32.
354. Сикевич, З.В. Этническая неприязнь в массовом сознании россиян / З.В. Сикевич // Нетерпимость в России: старые и новые фобии / под ред. Г.Витковской и А. Малащенко, Московский центр Карнеги. – М.: 1999. – С. 99–112.
355. Сковрцов, В.Н. Новая роль университетов и образовательных центров в непрерывном образовании населения. Университет как центр непрерывного профессионального образования в регионе: диагностика условий и риски развития / В.Н. Сковрцов // Непрерывное образование, как социальный факт / Под науч. ред. Н.А. Лобанова, В. Н. Сковрцова. – СПб., 2012.
356. Скробов, А.П. О некоторых новых подходах к молодежной политике в условиях реформ / А.П. Скробов // Социально-политические журнал. – 1998. — №3. – С. 129–140.
357. Словарь по межкультурной коммуникации: Понятия и персоналии / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе, Г.П. Рябов. М.: Флинта: Наука, 2010. – 136 с.
358. Словарь по межкультурной коммуникации: Понятия и персоналии. – М.: 2010. – с. 70
359. Смирнов, В.А. Институционализация региональной молодежной политики в условиях трансформации российского общества / В.А. Смирнов // Автореф. дисс... д. соц. наук. СПб. – 2011.
360. Смолянинова О.Г., Достовалова Е.В., Савельева О.А. Организация учебного процесса бакалавров/магистров педагогики в модульной кредитно-рейтинговой системе обучения / О.Г. Смолянинова, Е.В. Достовалова, О.А. Савельева. – М., 2015. – 312 с.

361. Современные международные отношения / Под ред. Торкунова А.В. – М.: РОССПЭН, 1999.
362. Соловьёва Е.В. «Мягкая сила» - инструмент интеграции Китая в мировые процессы // Россия и АТР. – 2012. – № 1. – С. 85–95.
363. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. Социальная стратификация и мобильность. – М. 1992.
364. Сорокин, Ю.А. Этническая конфликтология / Ю.А. Сорокин. – Самара, 1994.
365. Спектор, А.А. Государственный контроль экономической деятельности в условиях членства России в ВТО, Евразийском экономическом сообществе и Таможенном союзе / А.А. Спектор // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 5. – С. 85–89.
366. Старикова, О. Г. Современные образовательные стратегии высшей школы: по-липарадигмальный подход: Автореф. дис. ... д-ра. пед. наук / О.Г. Старикова. – Краснодар, 2011.
367. Старчак, М.В. Шанхайская организация сотрудничества в обеспечении безопасности в центральной Азии / М.В. Старчак // Безопасность Евразии. 2006. № 4. С. 475-487.
368. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. – 320 с.
369. Столетов, О.В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: smart power? / О.В. Столетов // Полис. – 2009. – №4. – С. 173-178.
370. Сухарев, В.А. Психология народов и наций / Сухарев В. А., Сухарев М. В. Донецк, 1997.
371. Суюнбаев, М.Н. Проблемы идентичности, пределов целесообразности интеграции и неадекватности ее процесса / М.Н. Суюнбаев // Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии сравнительный анализ, возможности и перспективы. – Бишкек, 2007. – С. 43-50.
372. Сыроежкин, К.А. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность в Центральной Азии / К.А. Сыроежкин. – Алматы: Дайк-Пресс, 2003. – 736 с.
373. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М., 2000. – 624 с.
374. Тесленко, А. Н. Молодежная политика в условиях модернизации казахстанского общества / А. Н. Тесенко // Социальная политика и социология. – 2006. – № 2. – С. 8-16.
375. Тили, Ч. Принуждение, капитал и европейские государства: 1990—1992 / Ч. Тили. – М., 2009.
376. Титма, М.Х. Молодое поколение / М. Х. Титма, Э. А. Саар. – М.: Мысль, 1986.
377. Титма, М.Х. Социально-профессиональная ориентация молодежи / М.Х. Титма. – Таллинн, 1982.
378. Титова, П.А. Национальная ментальность в зеркале фразеологии / Титова П.А., О.В. Чибисова // Международный журнал экспериментального образования. – 2011. – № 8. – С.146.
379. Торкунов, А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России / А.В. Торкунов // Вестник МГИМО. – 2012. – №. 4 (25). – С. 85-91.
380. Торопыгин А.В. Евразийская интеграция: конкуренция проектов / А.В. Торопыгин, А.А. Марышев // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2014. – № 16. – С. 129–134.
381. Тощенко, Ж.Т. Социология. Общий курс / Ж. Т. Тощенко 2-е изд., доп. и перераб. -М., 1998.
382. Трегубова, Т.М. Академическая мобильность преподавателей и студентов / Т.М. Трегубова // Казанский педагогический журнал. – 2006. – №2. – С.28–30.

383. Тренин, Д. Россия в СНГ: поле интересов, а не сфера влияния / Д. Тренин // Pro et Contra. – 2009. – Сентябрь-декабрь. – С. 82-97.
384. Турен, А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // Новая технократическая волна на Западе / А. Турен. – М., 1986.
385. Тыртый, С.А. Формирование виртуальной мобильности преподавателя высшей школы в процессе повышения квалификации: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / С.А. Тыртый. – Ростов-на-Дону, 2009. – 29 с.
386. Утехина, А.Н. Межкультурная дидактика: монография / А.Н. Утехина ; под ред. Т.И. Зелениной. – М., 2011. – 280 с.
387. Федин С.К. Формирование университета Шанхайской организации сотрудничества как фактор гуманитарного сотрудничества государств-членов ШОС // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 617. – С. 218-228.
388. Филатова, Ю.М. Роль Шанхайской организации сотрудничества в современных международных экономических отношениях / Ю.М. Филатова // Проблемы современной науки и образования. – 2015. – № 2 (32). – С. 41–43.
389. Филиппов, Ф.Р. Социолог о молодежи. Молодежь в социальной структуре развитого социалистического общества / Ф. Р. Филиппов. – М.: Знание, 1977.
390. Фокин, В.И. Формирование содержания понятий «внешняя культурная политика» и «культурная дипломатия» в международной деятельности современных государств / В.И. Фокин // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 6. – 2004. – Вып. 2. – С. 116-121.
391. Фоминых А. «Мягкая мощь» обменных программ // Международные процессы. -2008. – Т.6. - №1. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm> (дата обращения 21.10.2015).
392. Фурман, Д.Е. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем / Д.Е. Фурман. – М.: Весь Мир, 2010.
393. Фурс, В.Н. Глобализация жизненного мира в свете социальной теории // Общественные науки и современность / В.Н. Фурс. – 2000. – №. 6. – С. 128-139.
394. Хабермас, Ю. Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий / Ю. Хабермас // Социологические исследования. – 2006. – №1.
395. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб., 2000.
396. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М., 2003.
397. Харитонов, О.В. Академическая мобильность в пространстве высшего образования / О.В. Харитонов // Человек и образование. – 2012. – №. 2. – С. 41-45.
398. Ховрин, А.Ю. Государственная молодежная политика / А. Ю. Ховрин // Социально-гуманитарные знания — 2007. – № 8.
399. Царева, М.А. Культурный образ в межкультурной коммуникации. Автореф. диссер. на соиск. степени канд. культурологии / А.Ю. Царева. – Хабаровск, 2006.
400. Цветков, А.Ю. Внешняя политика Российской Федерации и Китайской Народной Республики в начале XXI века: эффективность публичной дипломатии: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Цветков А.Ю. – СПб. – 2010. – 17 с.
401. Цыганков, П.Л. Теория международных отношений / П.Л. Цыганков. – М.: Гардарики, 2006. – 590 с.
402. Чадаев, А. Молодежная политика после 2008 года / А. Чадаев // Российская федерация сегодня. – 2007. – №18. – С. 32-34

403. Черкасов, Н.А. Евразийская интеграция: проблемы и перспективы / Н.А. Черкасов. – СПб., 2000.
404. Черникова, В.Е. Межкультурная коммуникация в поликультурном пространстве: основные черты и особенности / В.Е. Черникова, Л.А. Волова. – Пятигорск, 2005.
405. Чистохвалов, В.Н. История развития академической мобильности в странах «Болонской зоны» / В.Н. Чистохвалов // Педагогическое образование и наука. – 2009. – № 9. – С. 33–43.
406. Чихарев, И.А. «Умная мощь» в арсенале мировой политики / И.А. Чихарев // Международные процессы. – Том 9. – 2011. – № 1. – С. 93–98.
407. Чупров, В.И. Молодежь в обществе риска / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс. – 2001.
408. Чупров, В.И. Молодёжь в общественном воспроизводстве / В.И. Чупров // Социологические исследования. – 1998. – №3.
409. Чупров, В.И. Социальное развитие молодёжи. Теоретические и прикладные проблемы / В.И. Чупров. – М., Социум, 1994.
410. Чупров, В.И. Молодёжь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. – М., 2000.
411. Шабалин, Ю.Е. Академическая мобильность: региональное измерение прогнозируемых последствий / Ю.Е. Шабалин [Электронный ресурс] / Научно-просветительский портал «Образование 3000». – 2007. – URL: <http://region.edu3000.ru/favorite.htm> (дата обращения 1.11.2015).
412. Шалин, В.В. Толерантность / В.В. Шалин. – Ростов-на-Дону, 2000.
413. Шапинский, В.А. Культурная маргинальность как социально-философская проблема / Автореферат дисс... канд. филос. наук / В.А. Шапинский. – М., 1990. – 20 с.
414. Шарков, Ф.И. Истоки и парадигмы исследований социальной коммуникации / Ф.И. Шарков // Социологические исследования. – 2001. – № 8. – С. 52–61.
415. Шаронов, А.В. Государственная молодежная политика как фактор социального развития молодежи / А.В. Шаронов. – М., 2004.
416. Шеина, И.М. Межкультурная коммуникация как проявление лингвистического и культурного опыта. Автореф. дисс ... докт. филол. наук / И.М. Шеина. – М., 2010.
417. Шемятенков, В.Г. Европейская интеграция / В.Г. Шемятенков. – М.: Международные отношения, 2003. – 460 с.
418. Шеремет, А.Н. Об академической мобильности будущих учителей / А.Н. Шеремет // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2006. – №23.
419. Шереги, Ф.Э. Социология образования: прикладные исследования / Ф.Э. Шереги. – М., 2001.
420. Шестопад, А.В. Россия и Латинская Америка: традиции и модернизация / А.В. Шестопад // Модернизация и национальная культура. – М., 1995.
421. Шишков, Ю.В. Интеграционные процессы на пороге XXI века / Ю.В. Шишков. – М.: НП «Ш тысячелетие», 2001. – 478 с.
422. Шнирельман, В. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика / В. Шнирельман // Реальность этнических мифов / под ред. М.Б. Олкотт и А. Малашенко, Московский центр Карнеги. – М.: 2000. – вып. 3. – С. 12–33.
423. Штоль, В.В. Роль и место НАТО в системе европейской и международной безопасности в условиях глобализации / В.В. Штоль. – М.: Научная книга, 2006.
424. Шутов, А.Д. Эволюция политики России на постсоветском пространстве / А.Д. Шутов. – М.: Восток - Запад, 2010.

425. Шуфан, Я. Культурные индустрии как механизм реализации ценностного потенциала «мягкой силы» Китая / Я. Шуфан, В.А. Абрамов // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2011. – № 7. – С. 14–20.
426. Эмих, Н.А. Культурная парадигма развития образовательных моделей ШОС, АТЭС И БРИКС / Н.А. Эмих // European Social Science Journal. – 2013. – № 11-2 (38). – С. 97-104.
427. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эрикссон. – М, 1996.

Библиографический список главы 2.

428. Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol.94. N1. P.95.
429. Granovetter M. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа // Журнал социологии и социальной антропологии, 2004, Т.7, №1, С. 76-89.
430. Hedstrom P, Swedberg R. Social Mechanism // Acta Sociologica, 1996, Vol.39, с.281-308.
431. Parsons T. The Social System. – London: Routledge. 1991. – P. 38.
432. Steel D. Social mechanisms and causal inference // Philosophy of the Social Sciences, 2004, Vol. 34, N1, с.55-78.
433. Weber E., Social Mechanisms, Causal Inference, and the Policy Relevance of Social Science. // Philosophy of the Social Sciences, 2007, Vol. 37, N.3, pp. 348-359.
434. Асадов Б.Р. Международная молодежная дипломатия как инструмент формирования имиджа страны в современных условиях // Известия Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 1. – С. 102 – 107
435. Васильева Л. Теория элит: социология политики. М.: Социум, 2011. – С.132.
436. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
437. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии. Избранные произведения. Пер. с нем. / Сост. общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
438. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984
439. Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкты: рамки анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. - № 1. - Т. 7. - С. 76-89.
440. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. 2002. - №3. - Т. 3.С. 44-58.
441. Декларация о создании Молодежного совета Шанхайской организации сотрудничества // http://sco2009.ru/docs/documents/youngsco_declaration.html
442. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996. – 431 с.
443. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 350 с.
444. Заславская Т.И. Изучение механизмов социальных процессов (1981–1985) // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. – Новосибирск: Наука, 1996. – С. 71–89.
445. Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: Учеб. пособие. -М.: Дело, 2004.
446. Заславская Т.И. Социальный механизм в экономике // Знание - сила. - 1985.-№10. -С. 5.
447. Заславская Т.И. Социальный механизм посткоммунистических преобразований в России / Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 93–110.
448. Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Социологический журнал. 1995. -№3. - С. 5-21.

- 449.Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. 2-е изд.,испр. и доп. М.: Дело, 2003. С. 36.
- 450.Заславская Т.И., Рывкина, Р.В. Социология экономической жизни. Очерки теории. - Новосибирск: «Наука», Сибирское отделение, 1991.
- 451.Конт О. Дух позитивной философии. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003.
- 452.Косалс Л.Я. Социальный механизм инновационных процессов. Новосибирск. 1989.
- 453.Косалс Л.Я. Социальный механизм инновационных процессов: сравнительный анализ советского и постсоветского периодов // Экономическая наука современной России. – 2000. – № 3–4. – С. 85–96.
- 454.Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 1997.
- 455.Маркс К. Сочинения: в 55 тт. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Киев: Политиздат, 1981. - Т. 3. - 609 с.
- 456.Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М., Хранитель, 2006.- 874 с.
- 457.Норт Д.С. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
- 458.Ответственность в управлении. – М., 1985.
- 459.Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // TESIS. Т.I. Вып. 2. 1993. С. 94-112.
- 460.Переведенцев В.И. Методы изучения миграции населения. - М., 1975.
- 461.Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002.
- 462.Рывкина Р.В., Косалс Л.Я. Роль социальных механизмов в ускорении социально-экономического развития общества // Известия СО АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии. – 1986. – № 12. – Вып. 3. – с. 40–47.
- 463.Социологическая энциклопедия: в 2тт. / под ред. В. Н. Иванова. М.: Мысль, 2003. Т. 2. - 694 с.
- 464.Социология в России / Под ред. В.А.Ядова. – М.: Издательство Ин-та социологии РАН, 1998. – 694 с.
- 465.Социология в СССР. – М: Мысль, 1966. – Т2. – 512 с.
- 466.Спенсер Г. Основания социологии. Т.2. – СПб.: Изд-е И.Д. Сытина, 1898.
- 467.Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Сайт Совета Безопасности Российской Федерации // <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>
- 468.Устинкин С., Тихонов А. Международное молодежное сотрудничество в контексте внешнеполитических приоритетов РФ // Власть. – №5. 2010. – С. 166 – 169
- 469.Франчук В.И. Основы общей теории социального управления. – М., 2000.
- 470.Франчук В.И. Основы современной теории обществ. – М.: ИОС, 2001. – 149 с.
- 471.Шабанова М.А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций// Мир России. 2001, №3.
- 472.Шабанова М.А. Социальная стратификация и свобода // Социологический журнал. 1997 - №4. - С. 48-63.

Библиографический список Главы 4.

473. Knight, J. Internationalization Remodelled: Definition, Approaches and Rationales / J. Knight // Journal of Studies in International Education. – 2004. – Vol. 8, № 1. – P. 5–31.
474. Patton, M. Utilization Focused Evaluation: The New Century Text / M. Patton. – SAGE, 1997.
475. Арефьев, А.А. Молодежные обмены между Россией и Германией: статистический и социологический анализ [Текст] / А.А. Арефьев. – М.: Центр социального прогнозирования, 2008.
476. Баринов, Ю.Г. Организационный мониторинг [Текст] / Ю.Г. Баринов // Труды Псковского политехнического института. – 2011. – № 15.2. – С. 137-142.
477. Бестужев-Лада, И.В. Экспертный сценарно-прогностический мониторинг: принципы организации [Текст] / И.В. Бестужев-Лада // Социологические исследования. – 1993. – № 8. – С. 100-104.
478. Боровкова, Т.И. Мониторинг развития системы образования. Часть 1. Теоретические аспекты [Текст] / Т.И. Боровкова, И.А. Морев. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2004. – 150 с.
479. Бородин, Ф.М. Региональный социологический мониторинг экономических реформ: Методологические основы мониторинга [Текст] / Ф.М. Бородин // Регион. Экономика и социология. – 1993. – Вып. 3. – С. 14-17.
480. Гонюкова, Е.В. Инструментарий управления развитием производственного потенциала регионального хозяйственного комплекса [Текст]: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Е.В. Гонюкова. – Курск, 2014. – 197 с.
481. Жужгов, И.В. Мониторинг: определение, соотношение с категориями «наблюдение» и «управление» [Текст] / И.В. Жужгов // Труды юридического факультета Северо-Кавказского государственного технического университета: Сборник научных трудов. – Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2005. – Вып. 7. – С. 5-14.
482. Заславская, Т.И. Социальный механизм посткоммунистических преобразований в России [Текст] / Т.И. Заславская // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 93–110.
483. Императивы интернационализации [Текст] / Отв. ред. М.В. Ларионова, О.В. Перфильева – М.: Логос, 2013. – 420 с.
484. Кривобоков, И.А. Социальный мониторинг: теоретико-методологическое обоснование, статистический анализ [Текст]: дисс. ... канд. соц. наук / И.А. Кривобоков. – М.: РАУ, 1994. – 116 с.
485. Кузьмин, А. Мониторинг и оценка социальных программ [Электронный ресурс]. URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=18&id=35853 (дата обращения – 08.11.2015).
486. Методологическое руководство по мониторингу и оценке. ВИЧ/СПИД, туберкулез, малярия, июнь 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theglobalfund.org/en/> (дата обращения – 08.11.2015).
487. Мониторинг [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://dic.academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3&from=ru&to=xx&did=&stype=0> (дата обращения – 08.11.2015).
488. Мониторинг и оценка социальных проектов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.myshared.ru/slide/267485/> (дата обращения – 08.11.2015).

- 489.Найденова, Р.И. К вопросу о применении системы мониторинга на различных уровнях управления [Текст] / Р.И. Найденова // Фундаментальные исследования. – 2009. – № 1. – С. 80-81.
- 490.Овсянников, А.А. Мониторинг социальной среды [Текст] / А.А. Овсянников // Социальная энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 176-177.
- 491.Социологический мониторинг. Интервью с академиком Т.И. Заславской [Текст] // Социологические исследования. – 1994. – № 1. – С. 6-12.
- 492.Спириденков, С.Е. Теоретико-методологические основы проведения социологического мониторинга [Текст] / С.Е. Спириденков. – М., 2002.
- 493.Шиндеровская, И.Ю. Концептуальный подход к определению понятия «региональный социально-экономический мониторинг» [Текст] / И.Ю. Шиндеровская // Вісник Хмельницького національного університету. – 2009. – №3. – Т. 1. – С. 194-198.
- 494.Шиндеровская, И.Ю. Механизм мониторинговой оценки социально-экономического развития регионов (на примере АР Крым) [Текст] / И.Ю. Шиндеровская // Економіка і регіон. – 2011. – №2 (29). – С. 101-107.
- 495.Шишкин, А.И. Сущность, задачи и принципы мониторинга [Электронный ресурс] / А.И. Шишкин // Материалы рабочего совещания 9 февраля 2003 г. «Экономический рост в регионах России». URL: <http://www.aspe.spb.ru/Workshop/Shishkin.pdf> (дата обращения – 08.11.2015).

Подписано в печать 25.12.2015 г.
Объем 24,7 уч.-изд. л. Формат 64х90 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Arno Pro. Тираж 100 экз. Заказ № 251.
Отпечатано ООО «Типография Триада»,
656049, г. Барнаул, пр-т Красноармейский 72, оф.301,
т./ф.: (3852) 636888, triada-bnl@yandex.ru,
www.triada-print.ru.

**Максимова
Светлана Геннадьевна,**
доктор социологических наук,
профессор, Почетный работник
высшего профессионального
образования Российской Федерации

**Ноянзина
Оксана Евгеньевна,**
кандидат социологических наук

**Омельченко
Дарья Алексеевна,**
кандидат социологических наук,
доцент

**Гончарова
Наталья Петровна,**
кандидат социологических наук,
доцент

Научно-исследовательская деятельность авторского коллектива фокусируется в области изучения социальных проблем современного общества, анализа социальных проблем, социологии риска, социальной и психологической безопасности. Авторы представляют научно-педагогическую школу «Социология социальных рисков и безопасности», которая развивается с 2010 года под руководством д.с.н., профессора Максимовой С. Г. За последние пять лет (2011-2015 гг.) представители школы награждены 68 наградами федерального, регионального и местного уровней, выступили авторами более 400 научных работ, в том числе двенадцати монографий, десяти учебных пособий, изданных в центральных и региональных журналах, 10 научных работ издано в международных журналах, индексируемых в системах цитирования Web of Science, Scopus. Члены авторского коллектива имеют 27 свидетельств о регистрации баз данных, отражающих результаты интеллектуальной деятельности. У авторского коллектива накоплены широкие международные научные и образовательные связи, приобретенные в результате осуществления совместных научных проектов, в частности, заключены соглашения о сотрудничестве с Имперским колледжем (Великобритания, с 2002 года), Техасским университетом (США, с 2007 года), Исследовательским Советом в области Социальных наук (США, с 2007 года), с Дэвис Центром Гарвардского университета (США, с 2010 года). Также коллектив постоянно поддерживает контакты с ведущими образовательными и научными учреждениями страны, осуществляет программы академического обмена для студентов, магистрантов и аспирантов, так и совместной научно-исследовательской деятельности.